

ВОЙ ИЗ-ЗА ОГРАДЫ

Акчурин Юлия

Юлия Акчурина
Вой из-за ограды

«Автор»

2026

Акчурина Ю.

Вой из-за ограды / Ю. Акчурина — «Автор», 2026

В уединённом приюте на окраине леса начинают происходить странные исчезновения и смерти, которые списывают на нападения диких животных. Пытаясь защитить детей и понять, что происходит на самом деле, директор приюта начинает собственное расследование — и слишком быстро понимает, что некоторые тайны не должны были увидеть свет, а сам он там не случайно. Чем глубже он погружается в события, тем яснее становится: опасность может скрываться не только в лесу за оградой. Возможно, источник ужаса находится прямо внутри приюта.

© Акчурина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	55
Глава 14	59
Глава 15	63
Глава 16	67
Глава 17	71
Глава 18	75
Глава 19	79
Глава 20	82
Глава 21	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Юлия Акчурина

Вой из-за ограды

Глава 1

Ветер сегодняшней ночью был особенно сильный – словно невидимый гигант проходил между деревьями, прогибая их, как травинки. В тяжелом душном воздухе пахло приближающимся дождем. В какой-то момент ветер резко стих и на улицах стало напряженно тихо. Первая мелкая морось оповестила о том, что пора заходить под крышу, а затем крупные, будто плевки, капли обрушились на городок с нарастающим ритмом. Именно на этих звуках, ударяющихся о крышу, сконцентрировал свой слух маленький Джон, пока сидел на стуле посреди комнаты и делал вид, что внимательно слушает отчитывающий суровый тон Воспитателя.

«Как будто множественные залпы миниатюрных пушек» - думал он и представлял себе маленькую битву с крохотными воинами и генералами.

Джон всей своей юной душой ненавидел это место и этих людей. Не помогал ему даже тот факт, что все воспитатели приюта его боятся, хотя и пытаются это ему не показывать. Он чувствовал. Чувствовал их страх. Такой мерзкий, ледяной и склизкий. Его передернуло от ощущений, и Воспитатель довольно ухмыльнулся, считая, что мальчика, наконец, проняло чувство вины.

-Надеюсь, мы услышали друг друга. А теперь, будь умницей, иди в свою комнату и готовься к наказанию.

Джон встал и вышел из комнаты, не произнеся ни звука.

В эту ночь мальчик не отбывал наказание в виде ночевки на пустом балконе второго этажа босиком и в одной пижаме. И ни в одну ночь после. Воспитатель не успел передать сведения о наказании ни директории, ни дежурным. Рано утром следующего дня по всем плохо покрашенным коридорам пронесся пронзительный вопль поварихи. В то пасмурное утро дежурный прошел по всем комнатам и запретил детям выходить из них в течение дня.

Директор стоял в кухонном дверном проеме, скрестив руки. Он сосредоточенно думал. У стены, на диванчике сидел дежурный и успокаивал всхлипывающую повариху. Ее пухлое лицо покраснело и блестело в утренних солнечных лучах. Создавалось впечатление, что в нем отражалась лужа крови на кафельном полу и ошметки зверски растерзанного мужчины. Который, судя по разодранному брючному костюму, раскиданного по всей кухне, являлся вышеупомянутым Воспитателем. За окном послышался звук «мигалок» и шорох шин по мокрому гравию перед задними дверями кухни. Дежурный снова поднес к губам поварихи стакан с холодной водой.

Джон сидел на подоконнике в своей комнате, поджав одну ногу под себя, а второй свободно болтая в воздухе. Он еле слышно насвистывал какую-то мелодию и рисовал пальцем на стекле. Было видно, как к торцу здания подъехала полицейская машина и оттуда вышли трое мужчин в униформе. К ним навстречу вышел директор, и они о чем-то заговорили. Джон заинтересованно прижался лицом к окну, но ничего не услышал. Полицейские чему-то кивнули и зашли в помещение. Ему захотелось спуститься вниз и посмотреть, что за мероприятие там происходит. Но дежурный запер на ключ все комнаты, и оставалось только довольствоваться тем, что удавалось увидеть из окошка.

-Тебе совсем не страшно, из-за чего там такое сборище? – напряженно спросил Ди, один из жильцов этой комнаты. Он сидел на своей кровати, обхватив руками колени. Его неровные очки то и дело сползали ему на кончик носа, и он прерывисто поднимал их на место.

-Я заинтересован. Но не думаю, что нам есть чего бояться. Это их мир. Они постоянно сами создают себе проблемы. – Последнее предложение он, как бы нарочно произнес, растягивая. Потом повернулся к другу и пожал плечами, мол: «Взрослые, ну, ты понимаешь»

Комната мальчиков была просторная – не на что жаловаться. Тем более, создавалось впечатление, что комната еще больше за счет того, что третья кровать, у двери, пустовала. На ней лежал только матрас. Возле кровати не стоял ночной столик и маленький шкафчик для белья, как у Джона с Ди. Зато в каждой подобных трехместных комнатах существовали отдельные туалет с душевой. Поэтому запираение комнаты никаких проблем им не доставило. Их третий сосед, Брук, был весьма болтливым и забавлялся «стукачеством» на некоторых детей приюта. Джона и Ди это ни разу не коснулось, но они оказались даже в какой-то степени рады тому, что с полгода назад Брук ушел на улицу после комендантского часа и не вернулся. По крайней мере, директор сказал, что мальчишка сбежал. По крайней мере, это объяснение их устраивало. В тот вечер за приоткрытыми дверями кабинета был слышен приглушенный мужской разговор, где упоминались волки и незакрытые ворота.

Да, дикие собаки. Они тут водились. Дети не видели их близко с приютом, но слышали их вой из темноты лесополосы за высоким забором. Здание детского приюта располагалось в тридцати километрах от города и окружено лесопосадками. Овощи и зелень для кухни растили в большой теплице старосты и дети старших классов под надзором воспитателей. Это было одним из пунктов учебной программы. По этой причине важные и необходимые вещи из города привозились раз в неделю. Приют хорошо спонсировался, и не было нужды обделять чем-то необходимым юных постояльцев. Тем не менее, не все из преподавательского состава склонялись считать, что маленькие брошенные ребята заслуживают хоть чего-то хорошего. Преподаватель Коул был одним из тех, кто поощрял предоставление детям возможности научиться самостоятельной жизни, но начиная хотя бы с минимальной ставкой знаний и сбережений, а не с голой задницей на улице и постоянными истязаниями со стороны взрослых и сверстников. Этой позицией он и привлек внимание таинственного мецената и хозяина здания, который ни разу за пятнадцать лет не появился вживую, а лишь отправлял деньги и указания в той или иной серьезной ситуации. Его помощник предложил Коулу должность директора, и второй не раздумывая, согласился. Все разногласия он всегда решал осторожно и спокойно, чтобы ни одна из сторон в итоге не осталась обозленной. Компромисс.

Джон заерзал на подоконнике – на улицу вышли все, кто был на кухне, и начали оживленно дискутировать. Все, кроме поварихи – ее, видимо, отправили в комнату отдыха персонала. Полицейские вытащили из багажника патрульной машины пару чемоданов и вернулись внутрь. Через какое-то время они вышли наружу, снимая белые медицинские перчатки и что-то записывая в протокол. К этому времени подъехала другая машина – скорой помощи. Оттуда вынесли носилки, зашли на кухню и вышли на улицу уже с чем-то на них, закрытым в черный мешок на молнии.

-Что там? Я не хочу смотреть, но мне жутко любопытно. – Ди сидел в той же позе, но уже положив голову боком на колени и с интересом смотря из-под очков на Джона. Прядь светлых волос опустилась на кромку оправы.

-Что-то вынесли из кухни. На носилках. Я не силен в медицинских или полицейских терминах, но, по-моему, там труп.

Ди резко поднял голову, и очки снова съехали на кончик носа.

-Кто это может быть? Как ты думаешь, что случилось?

-Думаю... Что это снова были те дикие собаки, помнишь, как полгода назад? Мне приснилось, что я слышал, как они воют. А может, и не приснилось. – Он провел кончиком пальца по стеклу снизу вверх, будто отчерчивая высоту ограждения.

-Уффф, - шумно выдохнул Коул и плюхнулся на диван. Машины уехали и все снова собрались в конце кухни, пока уборщики вымывали пол. Как он и ожидал, эти представители закона даже не открыли дело. Отпечатков нет, следов драки тоже. Двери заднего входа были открыты, с показаний поварихи, а эксперт подвел итог после осмотра, что на остатках тела рваные раны от когтей волка среднего размера или диких собак. Коул казался настолько спокойным, будто подобное происходило каждую неделю.

-Надо повесить новые навесные замки, проверить засовы на всех дверях по периметру. И, пожалуйста, пока день, найдите несколько здоровых мужиков, чтобы они проверили все ограждения на территории на предмет звериных подкопов или разгрызенной сетки. Если ограда повреждена, нужно будет искать новую, прочнее, и начать дежурить с балконов.

Директор с нажимом провел пальцами от висков ко лбу и обратно, как если бы что-то усиленно вспоминал. Но это была мигрень. Утро началось не лучшим образом. Убитый воспитатель отличался своей жестокостью и грубостью с детьми, но никак не заслуживал за это смерти. Да и еще подобным образом. Максимум – увольнение...

-Как закончите с уборкой – выпустите детей из комнат и пусть день пройдет по плану, как всегда. Просто найдите подмену по предмету этого бедолаги. Кстати, что он там вел?

-ОРКСЭ, религиозную культуру. К сожалению, это был единственный преподаватель в этой сфере.

Коул Ридс измученно поднял глаза на дежурного.

-Не думаю, что случится что-то ужасное, если дети временно обойдутся без этого предмета. Пойду к себе, отправлю отчет об произошедшем.

Джон выпал из своих размышлений из-за того, что щеколда звякнула, и в двери заглянул один из дежурных с виноватой улыбкой.

-Тааааа... Инцидент исчерпан и все свободны. Готовимся к занятиям. Без обид, но всем настоятельно не рекомендовано спускаться на кухню. Особенно сильно любознательным.

«Ему не страшно, а это значит, что все спокойны» - подумал Джон, удовлетворительно кивнув головой скорее самому себе, чем старшему.

Остаток непривычного дня прошел как-то... Привычно. Обед взялись готовить старосты классов, уроки прошли, как обычно за исключением религиоведения. Но этому никто не расстроился. Детей в приюте насчитывалось около сорока, и разделялось по возрасту на восемь классов. Детей старше пятнадцати лет обучали на отдельном курсе и готовили к выходу в самостоятельную жизнь. Джон и Ди относились к седьмому классу, где обучались дети двенадцати и тринадцати лет, и олицетворяли обе возрастные категории, где Джон старше Ди на год.

Директор Коул Ридс в этот день больше не появлялся. Весь вечер он сидел у себя в кабинете, с кем-то разговаривая по телефону, периодически перелистывая несколько стопок документов перед собой.

Вечером, на ужине, Джон что-то почувствовал. Как будто где-то вдалеке прозвучал вопросительный вой. «Не слышу, но чувствую.» - он схватился за это ощущение и оглянулся по сторонам.

- В чем дело? – Ди с тревогой посмотрел на товарища, но через пару секунд продолжил уплетать пюре. Джон часто странно себя вел и он, как сосед по комнате уже привык к этому. Однако он уже умел распознавать, когда тот вел себя странно или, когда он чувствовал угрозу. О способности Джона чутко чувствовать чужие страхи Ди тоже знал с раннего детства.

В первый раз это произошло, когда Джону исполнилось семь лет и он начал обучение в первом классе. Ди на тот момент исполнилось только шесть. Но из-за привязанности друзей, учились они вместе. На территории приюта жили две собаки – старушка Роза и молодой кобель Хьюго. Роза была практически слепой и почти не отходила от крыльца кухни, на заднем дворе, где ее периодически баловали объедками. Хьюго же был заведен с целью охраны территории и

отпугивания диких и бродячих животных. Молодая активность заставляла его носиться вокруг всего здания, прыгая и пугая птиц и самих учеников.

Однажды в выходной день маленькие Джон и его одноклассник Брук сидели на скамейке недалеко от входа на кухню. Был солнечный день, мальчишки болтали и пытались сделать бумажные самолетики, Роза развалилась около крыльца, а Хьюго резвился неподалеку. Видимо, гормоны и игривый характер заставили молодого пса подумать, что неожиданно выпрыгнуть перед мальчишками – это отличная способ заставить их поиграть с ним. Что, собственно, он и сделал. В ту секунду, когда Хьюго на невероятной скорости понесся на Брука, а он это увидел слишком поздно, Джон почувствовал пронзающий страх. Но ему не было ни капельки страшно. Он почувствовал страх товарища. Холодный, липкий. Он увидел, что Брук застыл с гримасой ужаса и открытым ртом. Но пару раз моргнув, с удивлением обнаружил, что картина оказалась видением перед глазами. Брук же стек с лавочки на землю и скрючившись закрыл голову ладонями с зажатым скомканным бумажным самолетиком в них. Глаза его были плотно зажмурены. Всего несколько секунд. Хьюго пролетел у него над головой и помчался дальше, поняв, видимо, что для игры эти двое едва ли подходят. Мальчик осторожно открыл глаза и посмотрел через плечо. Хьюго прыгал вокруг Розы, пытаясь ее расшевелить. Джон медленно протянул другу руку, предлагая помочь встать, но тот лишь снова оглянулся на пса. Хьюго же, почувствовав внимание на себе решил вернуться к ребятам и побежал вновь в их сторону. Однако то, что произошло потом не понял ни один из них, что осталось загадкой и по сей день. Джон лишь зло посмотрел Хьюго прямо в глубину его глаз. Его товарищ мог поклясться, что почувствовал в ту секунду невыносимый жар в воздухе. Хьюго остановился, как вкопанный и заскулил, пятясь назад. Так продолжалось недолго и в конце концов пес просто затрясся, заполз за Розы и лежал там, пока друзья не ушли. Со следующего дня Хьюго больше не видели на территории приюта. Когда ребята подошли к директору спросить, что с собакой, Коул ответил, что Хьюго стал странно себя вести, был вялый и почти постоянно лежал. Естественно, такая собака бесполезна, как охранник территории. Его отвезли к ветеринару, где собаке поставили диагноз – «клиническая депрессия». Директор и сам не знал, возможно ли такое у животных, но вздохнув оставил Хьюго в клинике.

В течение следующих лет было еще несколько случаев, когда Ди слушал и уже сам наблюдал, как Джон описывал ему, что чувствуют контактирующие с ним, рассказывал, что видит в их глазах. Пару раз, даже, впитывал их ощущения тревоги, беспокойства или грусти, как губка. Даже без очков мальчик мог разглядеть изменения в лучшем друге, и в тех, к кому он применял свой странный дар.

Глава 2

Промозглый ветер с крошечными капельками нарастающего дождя ворвался в комнату директора, всколыхнув тонкую занавеску, что прикрывала открытую дверь на балкон. Коул поежился и встал с кровати, заботливо прикрыв книгу, которую он читал. Над балконом его комнаты висел крупных размеров фонарь, направленный в сторону изгороди, словно обнадеживающий маяк. Это была идея директора и его повесили для того, чтобы кто-то из заблудившихся мог найти дорогу к приюту. Плюс к этому, с помощью его длинного луча, что терялся в деревьях по ту сторону ограждения, мужчина мог наблюдать, не гуляет ли кто-либо из детей после наступления комендантского часа. Или следить, не бродят ли какие любопытные звери... В общем, по многим пунктам Коул считал весьма полезным данное приобретение. В свете прожектора мелькали тоненькие струйки дождя, которые создавали убаюкивающую мелодию, стучаясь о каменные перила балкона и кровлю над головой. Мужчина вышел наружу и с упоением заслушался этим природным хором. Глаза его были прикрыты, а губы растянулись в легкой полуулыбке. Постепенно морщинки на его лбу разгладились, лицо расслабилось, но очередной порыв ветра вывел из состояния наслаждения. Руки покрылись мурашками, и директор вернулся в комнату, чтобы обтереть полотенцем намокшие ступни и плечи. Накинув теплую кофту, директор немного колебался: вернуться ли ему в кровать к чтению или нет? Мысли его блуждали уже далеко от сюжета бумажного чтения. В голове проносились отрывки утренней картины на кухне.

Что-то не сходилось... Персонал проверил всю территорию по периметру и не нашел в изгороди никаких повреждений. Таинственный меценат звонил директору трижды за весь день и был тоже весьма взволнован таким диким и неожиданным происшествием. В первый свой звонок он расспросил Коула о подробностях гибели одного из воспитателей. Впрочем, это было ожидаемо: ведь приют стал его детищем, на его личной территории. О случившемся ему доложили свои люди из полицейского департамента, как только их вызвали на место преступления.

Коул Ридс исчерпывающе рассказал начальству все, что знал или слышал, подчеркнув это в конце разговора.

- Когда появятся новые сведения, ожидаю, что в первую очередь вы расскажете о них мне, - прокрипел немолодой голос в трубку.

Интересным Коулу показалось то, что меценат сказал: «Когда». Не «Если».

Второй звонок раздался уже ближе к обеду. На этот раз собственник говорил более сухо и коротко, чем несколькими часами ранее.

- Твои люди уже проверили территорию? – прошепел голос и закашлялся.

Ридс подошел к окну кабинета и двумя пальцами отодвинул занавеску, выглядывая во двор.

- Да сэр, именно сейчас они этим и занимаются. Пока что никаких следов животных не нашли.

- Ты действительно считаешь, что это дело лап волков? – старик тихонько засмеялся и этот звук больше походил на скрип сапог по свежему снегу.

Директор растерялся. Он и сам задумывался над другими версиями, но никаких подтверждений тому не было. Это мужчина и озвучил в трубку. Спонсор пару раз с усердием хмыкнул и зачем-то попросил переслать ему факсом личные дела всего действующего персонала.

- Да, сэр. Сделаю. - Покорно и спокойно произнес Коул и окончил телефонный разговор.

«Значит, наш покровитель считает, что дело рук кого-то из своих. Я и сам думал об этом, не спорю. Покойного Кевина немногие любили. Но мне кажется, что ни один человек не способен нанести такие ужасающие раны.»

С этими мыслями директор подошел к шкафу с папками и достал пухлую пачку бумаг. Закончив с делами преподавателей и технического персонала, мужчина вдруг заметил еще несколько скрепленных листов с анкетой некоего Бриджера Томпса. По данным этот человек заступил на должность секретаря директории около трех лет назад. В то время Коул еще работал приходящим учителем и не слишком обращал внимание на то, кого нанимают в директорате. Однако он так и не смог вспомнить кого-то с подобным именем. И сейчас пост секретаря был свободен уже весьма долгое время. В помощнике такого рода не было необходимости. Детей с каждым годом становилось на два-три человека меньше (выпускники) и Коул прекрасно справлялся со всеми бумажными делами сам.

Пролистав страницы анкеты, мужчина не увидел ни одной записи об увольнении либо кончине незнакомца. Решив, что заявление об уходе попросту затерялось, он отложил дело в отдельную папку, не считая нужным отправлять это старику.

Третий звонок произошел уже ближе к вечеру. Видимо, за это время спонсор успел изучить все бумаги, которые послал ему Ридс, и возникли новые вопросы.

На этот раз директора не оказалось на месте, кабинет его был открыт, а сам мужчина отлучился в уборную, которая располагалась через пару дверей по коридору. Настойчивое звяканье городского телефона привлекло внимание одного из юных воспитанников, который, по своему любопытству, гулял перед отбоем по крылу здания.

Когда Коул вышел в коридор, он услышал детский голосок, доносящийся из директорского кабинета.

- Да, его зовут Ди и он мой лучший друг...

Увидев в дверях мужчину, мальчишка осекся и виновато потупил глаза. Его нога неуверенно шаркнула по деревянному полу, и он протянул трубку вошедшему мужчине.

- Джонатан, я бы настойчиво попросил больше такого не повторять, - с укором взглянул на ребенка директор и приложил телефон к уху.

В этот раз голос на том конце был громким и возбужденным:

- Коул? Ты тут?

- Эм, да, конечно. Извините. – спохватился мужчина, - Такого больше не повторится, а ученик понесет наказание за то, что без спроса сновал там, где ему не разрешено.

- О, мальчик мой! Да если бы не его проступок, ко мне бы никогда не пришло такое озарение!

Меценат утратил свою хрипоту, будто вмиг помолодел. Слова звенели, как рассыпавшийся по мраморному полу бисер. В речи явно чувствовалось, как собеседник широко улыбается.

- Ничего не понимаю...

- Блеск! – оборвал его начальник, заставив замереть от неожиданности, - мои мысли тянулись совсем не в том направлении! Поболтаем об этом завтра, вынужден пока с вами попрощаться.

- Но зачем вы звонили?

- Это уже не имеет значения. Не бери в голову, я все тебе объясню позже.

Телефон умолк. Коул в растерянности еще какое-то время сжимал в руках снятую трубку, пытаясь понять, что это было. В конце концов он положил ее на обратно на рычаг. Позже – так позже. Мужчина старался ничему уже не удивляться, а уж тем более – не задумываться глубже, чем необходимо. Тем не менее, этот разговор засел у него в голове интригующим событием. Любопытство толкало выяснить, что произошло, поговорить с Джоном, расспросить его о том, что он успел такого сказать сухому и без эмоциональному в прошлом старику. Коула остановило то, что на улице уже стемнело и дети готовятся ко сну. К чему тревожить мальчишку, что может привести к юной бессоннице и очередной прогулке по ночному приюту?

Сейчас, когда директор прохаживался по своей спальне в накинута кофте, в ритм со стуком бушующего дождя, эти события вновь заполнили все его мысли. Чтение художественной литературы на какое-то время погрузило Коула в фантастические миры. Он думал, что дочтается до того, что просто уснет с книгой в руках, но у этой ночи были совсем другие планы. Буквы скакали перед глазами, а через несколько минут размышлений он понял, что перечитывает одну и ту же строку уже пятнадцатый раз.

Из головы не выходил утренний образ. Ридс прикрыл глаза. Солнечные блики, скачущие по полу и стенам. Ярко-алое пятно, медленно расплзшееся по плитке, как змея. Тяжелое и тучное дыхание миссис Хайн, сидящей на диване. Подозрительно быстро свернувшие расследование полицейские.

Директор тяжело вздохнул и взъерошил короткие черные волосы. Голова снова начала болеть. Еще сильнее, чем утром. Он прижал ладони ко лбу, и прохлада вызвала приятные мурашки по телу. Коул не заметил, что в комнате стало ужасно холодно из-за открытого балкона и ледяного воздуха, прокатывающегося по мокрому полу и нижним краям занавесок. Наоборот, ему казалось, что вокруг невыносимо жарко, пока не осознал, что это исходит от его собственного тела.

- Прекрасно, - с грустью в голосе произнес он, прикладывая тыльную сторону ладони поочередно к каждой щеке. – Вот только простуды сейчас мне и не хватало.

Из коридора донеслись приглушенные звуки детских громких голосов, а затем – резкий и грубый окрик младшего воспитателя, Оливии Линдетт. Ее голос совсем не подходил к ее внешности: грубый, хриловатый из-за частог курения он принадлежал хрупкой худенькой женщине тридцати лет. Она была очень привлекательна, что отмечали даже старшие дети приюта, чем расстраивали своих сверстниц.

Ридс замер у закрытой двери, прислушиваясь. Ему самому казалось, что он хочет. Нет. Ждет, когда послышится голос Джона или Ди. Это дало бы ему повод выйти в коридор и поговорить с мальчиком.

Но ни одного их них так и не слышалось. Коул шумно вздохнул и вернулся к кровати. Ожидание завтрашнего дня и звонка мецената походило на рой муравьев, захвативших все его тело, сновавшим по спине и ногам. Директор дернулся и почесал лопатку. Ему не нравились эти ощущения, так что было принято решение отправиться в душ и попытаться уснуть снова.

Глава 3

Утро выдалось непривычно ясным. После очередного ночного дождя воздух был холодным и промозглым, это чувствовалось даже сквозь закрытое окно. С деревьев на заднем дворе ещё срывались тяжёлые капли, с глухим стуком падая на землю и на плотный полиэтилен теплицы. Приглушенно скрипнула створка старого сарая для инструментов, и этот звук показался Джону слишком громким даже через плотно запертые створки.

Он лежал, рассматривал потолок и прислушивался. Пальцы машинально перебирали мягкую ткань пододеяльника. Потолок был усыпан паутиной тонких трещинок на старой штукатурке. По стене иногда скакал солнечный зайчик – кто-то ходил по двору и отсвечивал наручными часами или подносом.

Коридор все еще не погрузился в гам голосов, значит, он проснулся раньше завтрака. Стены дышали. Медленно стряхивали с себя сон потрескиванием труб, щебетом птиц снаружи, откликом половиц на первые шаги дежурного.

Такие минуты приносили Джону необъяснимую свободу и умиротворение.

- Ди? – позвал он тихо, почти шепотом.

- М? – услышал почти тут же в ответ с соседней кровати.

Этого было достаточно, чтобы, даже не поворачивая головы, понять, что все в порядке. В последнее время они иногда появлялись. Эти странные мурашки, от которых начинало щемить в груди. Джон сглотнул и вдруг тихонько спросил:

- Ты ведь всегда будешь рядом?

Ди протянул руку на тумбочку за очками, напялил их на нос и приподнялся на одном локте, заинтересованно уставившись на друга.

- С чего вдруг такие вопросы? С тобой все в порядке?

Джон наконец оторвал глаза от потолочных узоров и повернул голову в сторону соседа. Ди выглядел бодрым и немного встревоженным. Его глаза блестели под стеклами в оправе и походили на две сияющие бусины. Они какое-то время просто молча смотрели друг на дружку и не торопились с высказываниями.

- Я не знаю. – честно признался Джон через несколько мгновений и перевел взгляд в сторону окна. – Иногда мне начинает казаться, что кроме тебя я тут никому не нужен. И никто не понимает, как ты. А сейчас я почему-то вспомнил Бэна, который выпустился летом. Мы ведь вырастем и уедем отсюда. Но куда? И будем ли дружить дальше...

Он слегка сжал кулаки поверх одеяла, но почти сразу же их расслабил.

Ди улыбнулся.

- Наверное, как мы сами захотим. Может, к тому времени мы уже не так уж нужны будем друг другу. Пока я с тобой и за тебя, не переживай.

Резкий звонок в конце коридора выдернул из сна последних спящих. Обычно ими оказывались самые младшие дети. Просторный двухэтажный дом наполнился жизнью стремительно, как накатившая волна. Ди сел на кровати, свесив ноги. Джон сбросил с себя одеяло, но остался лежать. Только голову повернул в сторону двери, словно ожидая чего-то.

Как по призыву, вскоре дверь приоткрылась и в комнату заглянул дежурный. Сегодня им был шестнадцатилетний Эван Парси.

— Подъем, пора вставать. — Сказал он спокойно, даже не глядя на мальчишек, и тут же исчез из проема.

Джон окинул взглядом Ди: на мгновение, краем глаза, ему показалось, что друг выглядит каким-то болезненным. Однако, взглянув на него в упор, мальчик понял, что Ди такой же, как и всегда. Разве что немного более задумчивый, чем обычно. Но это не было чем-то сверхъестественным. Он спустил ноги на пол и поморщился — холодная поверхность тут же пробрала до костей.

В ванной было тесно и шумно. Как обычно по утрам. Вода в кранах то усиливалась, то вдруг слабела. Послышался приглушенный стук о кафельный пол — упало мыло. Кто-то громко рассмеялся и тут же получил замечание. Запах дешёвой зубной пасты смешался с влажным воздухом и металлической ржавчиной старых труб. Три довольно больших окна под самым потолком запотели и едва пропускали солнечные лучи. Джон умывался медленно, глядя в мутноватое зеркало. Лицо отразилось слабо — словно он смотрел не на себя, а на сильно похожего человека. Он пригладил мокрые темные волосы ладонью и обернулся. Ди уже закончил с процедурами и помахал из проема входной двери в комнату.

Кухня и завтрак пахли привычно. Кашей, чаем, свежим хлебом. Сегодня хлеб пах иначе: слишком много дрожжей. Джон уселся за стол и окинул взглядом комнату. Ди озабоченно проследил за его глазами.

Кухня выглядела также, но неуловимо иначе. Очень быстро стало понятно, почему у еды другой вкус. Миссис Хайн не было нигде видно. Джон любил ее хлеб. Сдобный, ароматный, пористый, как облачко. Сегодня елось непривычно. Мальчик с тревогой ощутил глубоко внутри себя укол. Странное чувство негодования и обиды. И было бы из-за чего...

Ди пожал плечами, отвернулся и, привычным движением руки, поправил очки на переносице.

Дети расселись по своим местам, воздух наполнился шумом переговоров, скрипом перетаскиваемых стульев, звоном тарелок. Кто-то спорил из-за хлеба, кто-то уже доедал и скучал. О том, что произошло на днях почти не говорили. Иногда казалось, что ничего не случилось и вовсе.

- Все думаешь о *том дне*? — Аккуратно предположил Ди, наблюдая за озадаченным лицом друга.

Он тоже чувствовал смутную тревогу. На этот раз было неясно: из-за убийства ли это, или причины несколько другие. Однако не мог не ощутить исходящее от Джонатана раздражение. Это не было чем-то новеньким. Почти такое же Ди видел недавно, когда воспитатель решил наказать мальчика. В тот вечер Джон ложился спать практически с таким же негодованием.

Оглушительный, казалось на тот момент, звук звонка, призвал готовиться к урокам, и дети разошлись по классам.

Джон неторопливо шёл вместе со всеми, не выделяясь. Лишь изредка поглядывал на Ди, шедшего рядом. Шарканье штанин друг о друга, щекотное трение воротника о заднюю часть шеи, немного вспотевшая спина. В классе запах мела, старого дерева, несвежей тряпки и чего-то пыльного окутали пространство. Атмосфера, знакомая практически всю жизнь. В дальнем углу, спрятавшись от ряда выцветших и потрескавшихся парт, черным пятном прятался учительский стол.

Джон аккуратно опустил на стул и железные ножки предательски резанули по ушам скрипом по полу. Мальчик оглядел класс, особо не задерживаясь ни на ком конкретно. У окна разместилась девочка на класс младше, Айша. Она всегда ходила с ними на обществознание, так как опережала свой класс в этом предмете Аккуратные косички, сосредоточенное выражение лица во время записи, погрызенный кончик карандаша. Через два человека от нее Джастис — мальчик, который постоянно шурился, словно вокруг слишком ярко, даже если это вовсе не так.

На мгновение Джон остановил блуждающий взгляд на подоконнике и подумал о Бруке.

Там, у окна раньше сидел Брук. Он всегда старался выбрать места, откуда можно легко списывать. Делал это с твердой уверенностью, что никто не замечает. Наклонялся слишком низко, закрывал тетрадь локтем и косился по сторонам, а потом быстро строчил, часто ошибаясь. Когда учитель его ловил, Брук неумело делал вид, что не понимает, в чём проблема.

Брук любил поболтать. Громко изъяснялся, ржал как лошадь над собственными шутками и часто повторял одни и те же истории. Он любил хвастаться другим, как станет богато жить, когда уйдёт из приюта, как все еще позавидуют, как он знает вещи, которые другим знать не положено. Джон никогда не интересовался, какие именно.

Порой Брук смотрел на него странно — очень долго, с прищуром. Потом многозначительно хмыкал и отворачивался. Джон не понимал, чем именно тот был недоволен, да и не пытался разобраться. Теперь место у двери в их спальне пустовало. Матрас на освободившейся кровати свернули в рулон, и комната стала казаться просторнее, чем раньше. Свободнее и легче.

Учитель уже всю объяснял тему, чем вывел Джона из размышлений. Мел поскрипывал по доске, оставляя неровные линии. Ди сидел рядом, безмятежно почесывая кончик носа, на который по обыкновению сползали очки, и писал. Его почерк выходил ровным и аккуратным. Мысли Джонатана текли спокойно, перетекая с одного на другое, плавно, как русло неторопливой реки. Он видел, как солнечный луч пробился сквозь пасмурное небо и оттуда, дальше через стекло в класс. Как пылинки закружились в воздухе новым вихрем, когда учитель положил сухую меловую губку на полку у доски. Как махонькие капельки полетели во все стороны от губ чихнувшего Кайла Норовица, сидящего впереди.

После уроков мальчики подошли к окну в коридоре, выходящему на центральный ворота в здание. Ди забрался на подоконник и устроился в уголке, обняв колени. Взгляд его умиротворенно переместился с улицы на друга. Голова склонилась набок, как у любопытной птички, а глаза засияли под стеклами очков. Джон же смотрел прямо через окно куда-то вдаль. Двор был влажным от частых дождей, серым и мрачным. Сетчатый забор выглядел как тюремное ограждение и тянулся ровной дорожкой вдоль леса, уходящего за угол дома. Всё выглядело привычно. Где-то в глубине души у Джона кольнуло тоненькой острой иголкой.

Ощущение не особо четкое, незнакомое. Немного липкое, как летом, когда футболка неприятно прилипает к спине от пота жары. Однако туда же вплелись эмоции. Печаль? Грусть? Словно Джон нашел очень давно потерянную любимую вещь, но не может понять: радуется ли он от этой встрече или раздражается.

Ди в то же самое время ощущал почти то же самое, но по-своему. Он смотрел на слегка покрасневшегося друга с легкой полуулыбкой и прислушивался к огромной волне тепла, разившейся внутри него. Ласковые потоки пронеслись через живот вверх, к горлу и окутали голову. Ди прикрыл глаза, наслаждаясь непонятным, но очень приятным чувством некоей ностальгии. Ему было все равно, откуда оно взялось и почему именно с ним.

По коридору торопливо крупными шагами шел мужчина. Его уличный коричневый плащ метался с каждым движением в разные стороны. Рука сжимала ручку плотно набитого черного портфеля на железных застёжках. Лицо у директора Ридса выражало сосредоточие и задумчивость. Когда он вылетел из-за угла, то даже не сразу заметил на середине пути двух мальчишек у окна, но когда все же поравнялся с ними, то лишь рассеянно кивнул. Коул даже не вспомнил в ту секунду, что хотел поговорить с Джоном. Ученики молча проводили мужчину спокойными взглядами и вернулись к своим разговорам. Ридс открыл свой кабинет, зашёл внутрь и только там, наконец, смог позволить себе расслабиться. Плащ полетел на спинку массивного кресла, сделанного из искусственной кожи, а портфель плюхнулся на столешницу так, что верхние листы на стопке бумаг по соседству, взмыли вверх.

Собрание совета сегодня возглавлял меценат, Генри Галахер. Это имя непривычно резало Коулу по ушам, так как в стенах приюта никто не произносил его, а сам директор настолько редко его озвучивал, что оно казалось выдуманным. Вопреки ожиданиям, в этот раз, как и во многие другие, Галахер разговаривал со своими сотрудниками через конференц-связь. Аппарат, стоящий посередине длинного стола, издавал немного булькающие звуки, когда меценат говорил своим хриплым голосом.

Коул внимательно слушал и представлял, как может выглядеть обладатель такого тембра вживую. Воображение почему-то упрямо рисовало умирающего старика, прикованного к постели с кучей трубок, торчащих из разных частей тела.

Ридс присел на подлокотник и слегка потряс головой. За окном стало стремительно темнеть. Головные боли вернулись с новой силой. Пока он ездил на собрание, их не было. Еще и эта неприятность на парковке... Мужчина неторопливо извлек толстую пачку папок и бумаг из сумки, разобрал их на три стопки и направился к себе в спальню. Она находилась в конце коридора, всего через несколько дверей от директорского кабинета.

Комната встретила Коула привычным легким ароматом крема для бритья и одеколона. Занавеска у балкона колыхалась от холодного ветра, просачивающегося через приоткрытую дверь. Мужчина подошел к зыбкому проему и включил прожектор над балконом. На мгновение он застыл, вглядываясь в темноту, окутавшую двор.

В длинном луче света кусты возле самой ограды заколыхались, но почти сразу замерли. Коул вытянул голову вперед, пытаясь рассмотреть. Больше движения не было. А затем раздался вой. Совсем рядом. Необычный, протяжный и жуткий. Ридс вздрогнул и поежился. Показалось, что звук превратился в глухой стон, а затем медленно укатился в глубь леса.

- И кого же ты звал? – пробормотал директор и прищурил глаза, продолжая бессмысленно вглядываться в неподвижные деревья, освещенные прожектором.

Усталость Джона пришла к нему внезапно. Он поежился и натянул одеяло до носа - в комнате было прохладно. Ди сидел на своей кровати в пижаме и листал книгу. Она уже была прочитана несколько раз. Строчки плыли перед глазами, а буквы плясали. Ди смотрел между строк и думал о своем. Лишь на какое-то мгновение, будто вынырнув из сна, он пробормотал:

- Скоро выключат лампы.

После чего книга захлопнулась и отправилась на тумбочку.

Джон не смотрел на друга. Его мысли медленно теряли четкость, словно растворяясь в пространстве. Глаза упрямо закрывались, хотя время еще не торопило спать. Мальчики не произнесли ни слова. В этой странной тишине Харрис и погрузился в глубокий сладкий сон. Как только его губы приоткрылись, издавая легкий храп, свет в комнате выключился. К тишине присоединилась тьма, где только слабое свечение со двора очерчивало прямоугольный оконный проем.

Через время в этом проеме появился черный детский силуэт. Тень просто стояла, опершись руками в подоконник и всматривалась в лес.

А затем раздался вой. Долгий, чувственный, предупреждающий.

Глава 4

Будильник не зазвонил. Ридс приоткрыл один глаз и посмотрел в сторону окна: светало. Впрочем, из-за постоянно пасмурного неба было трудно понять какое время суток на улице. Зябкий сквозняк по-прежнему проникал сквозь приоткрытую дверь на балкон. Свет прожектора рассеивался в воздухе, едва покидая свой источник. В такое время года и в такую погоду птицы замолкали. Им тоже не хотелось петь свои веселые песни рискуя оказаться внезапно намокшими под влиянием непредсказуемого циклона. Коул пошевелил пальцами ног под теплым пуховым одеялом. Вылезать оттуда совершенно не хотелось.

Снаружи слышался звук тяжёлых неторопливых капель о каменные перила. Видно, ближе к рассвету прошел хороший дождь. Странно, но голова не болела. Пока что. Коул даже подумал о том, что виски снова начнет сжимать кольцом, как только он встанет, а пока он в кровати - он в безопасности. Нужно всё-таки сходить к врачу и посоветоваться... Эта мигрень затянулась надолго и уже пугала своей постоянностью. Мужчина прикрыл глаза и позволил себе насладиться покоем и тишиной в ушах. Ладонь прошла по лицу, будто стягивая невидимую паутину. Сегодня предстоял относительно свободный день: все более-менее важные вопросы разобрали вчера на собрании. Может быть, сегодня он и съездит в больницу.

Директор повернулся на другой бок и где-то в области ребер засадило. Ах да... Эти синяки. Их тоже не помешает проверить. Не вылезая из-под одеяла, Коул вытянул руку и нащупал на небольшом столике у кровати пульт от телевизора. Щёлкнула кнопка и зажегся экран небольшого аппарата у стены, прямо напротив кровати. На мониторе мелькали разноцветные части карты прогноза погоды. Диктор говорил почти беззвучно, забавно открывая и закрывая рот. Ридс переключил дальше, чуть заинтересованно открыв оба глаза. На следующем канале шли утренние мультфильмы. Дальше. Внезапно Коул сел и одеяло сползло с его груди. Он сосредоточенно уставился в экран и сделал звук громче.

В программе утренних срочных новостей показывали место. Какое-то слишком знакомое. Мужчина узнал: это сквер за парковкой бизнес-центра, где накануне проходило собрание.

Хмурый и уставший корреспондент сообщил, что этой ночью был найден труп мужчины лет тридцати в красной куртке и джинсах. Насколько можно было это опознать по клочьям ткани, разбросанным вокруг. Власти особенно обеспокоились, потому что убийство произошло в результате нападения крупного хищника, а такого давно не происходило прямо в сердце оживленного города.

Ридс всмотрелся снова и резко зажмурился от накатившей головной боли.

Перед закрытыми веками всплыла красная куртка.

Накануне, выйдя с собрания и спустившись на парковку к машине, Коул стоял со связкой ключей в руках и открывал дверцу. В тот момент сзади кто-то сильно и грубо толкнул его в плечо

- Эй, закурить не найдется? - раздался сиплый голос, а в нос ударил неприятный запах алкоголя.

Ридс испуганно взмахнул рукой и резко повернулся к незнакомцу так, что заехал тому прямо в челюсть. Все происходило так быстро... Коул даже не успел понять, что неудачливый воришка не станет сопротивляться, если примет неуклюжесть противника за превосходство. Так оно и вышло: мужчина в красной куртке пошатнулся и озлобленно уставился на директора исподлобья.

- Ты... Ик. Ты...

Ридс не стал дожидаться фразы целиком и немного смазано пнул грабителя в живот, держа одно рукой за борт авто. Парень ещё попытался побороться, но довольно быстро ретировался, напоследок вцепившись в свободное запястье мужчины и стащив с него наручные часы.

Смотря вслед убегающему неудачнику, Коул мысленно успокоил себя тем, что часы оказались не более ценными, чем бижутерия. Их подарил один из выпускников года назад в честь выхода во взрослую жизнь. Стоили они немного дороже ежедневника.

Голос в телевизоре продолжал говорить ровным бесстрастным тоном. Директор напоследок словно снова ощутил в ноздрях тот запах мокрого асфальта с примесью дешевого одеколона и почесал саднящий бок - подарок, оставленный напоследок воришкой. Брови Ридса взметнулись вверх всего на несколько секунд, а затем лицо расслабилось.

- Нет, ну не может же это быть... - Он с сомнением покачал головой, отвечая самому себе. - Странное совпадение.

То ли от удивления, то ли от сочувствия, мужчина вздохнул и покосился на экран: там мелькала красная лента, натянутая меж деревьев, люди в форме, фрагменты плотного черного мешка. Внезапно выстрелившая пульсирующая боль в висках стала затихать. Наступила чарующая спокойная пустота в голове, заполняемая лишь стуком капель с улицы и тихим бормотанием журналиста. Пульт щёлкнул и телевизор погас.

Коул почувствовал, что окончательно проснулся. Он сбросил одной рукой одеяло, а второй опёрся в матрас, спуская попутно ноги в прохладное пространство между кроватью и полом. Хорошо ощутилось, как промозглый сквозняк гуляет над поверхностью линолеума и ковра. Директор запрокинул голову и прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной и лёгкостью внутри головы.

Моменту не было суждено длиться вечно. Спустя мгновение зазвенел будильник. К этому времени ученики уже должны проснуться и всю готовиться к завтраку. Ридс вновь вздохнул и поднялся. Предстояли будничные дела.

К тому моменту как директор вышел в коридор, шум и беготня уже шли на убыль: завтрак закончился, и ребятня разбегалась по классам. В помещении стоял сытный аромат геркулесовой каши и компота из сухофруктов. В животе у мужчины моментально заурчало. Он прошел по длинному проходу, незаметно заглядывая в каждую открытую дверь. Уроки шли как полагается: старшеклассники усиленно готовились к промежуточным экзаменам, в классах помладше царил почти беззаботная и шутливая атмосфера. Спустившись на первый этаж, Ридс зашёл в светлую и просторную кухню.

Двое старост шустро убрали столы. Один складывал тарелки с остатками уже чуть подсохшей каши друг на друга, и нес в сторону мойки, а его напарник двигался между рядов с мокрой тряпкой в руке. За перегородкой, разделявшей зону готовки и общий зал, слышался грохот посуды и приглушённый смех.

Коул кивнул помощникам и прошел к стойке раздачи. Повариха, миссис Хайн плавно передвигалась туда-сюда, держа список продуктов и иногда делая пометки обгрызленным карандашом. Директор добродушно помахал женщине и ткнул пальцем в сторону подносов. После, получив порцию завтрака, он присел за чистый стол и обхватив пальцами ложку застыл в раздумьях. Взгляд пробежался по комнате. Незатейливый цвет стен, простодушные голоса старост, кухарка, выглядевшая довольно бодрой и живой. Из окна, наконец-то засияло солнце. После стольких то дней холода и дождей. На стене около выхода на задний двор висели рисунки младших классов. Нелепые и размашистые натюрморты, кривые яблоки в горшках и подобия пейзажей с горными вершинами, которых дети ни разу не видели вживую.

Веселая подростковая перепалка, смешанная с плеском воды в мойке, эхом разлетелась по коридору учебной части. Уютный теплый свет и ароматная еда... И все же Коул заметил это. Небольшое пятнышко. Когда глаза скользили по стенам, столам и стульям, а затем невольно опустились вниз. Темное, засохшее пятно. Он уставился на этот след, оставшийся после тща-

тельного мытья полов, в желобке между двумя кафельными плитками. Эдакое напоминание. Ридс слотнул и быстро перевел взгляд в тарелку, о которой благополучно забыл.

Следующие минут пятнадцать прошли спокойно. Мужчина неторопливо доел, периодически погружаясь то в одни, то в другие мысли. После вышел в коридор и направился в сторону своего кабинета. Свернув в крыло, где находился класс ОРКСЭ, директор вдруг замер. Дверь оказалась приоткрыта, но таблички с именем Кевина Нокса уже не было. Ни старой, ни временной. Коричневая дверь, местами неаккуратно покрытая лаком, зияла непривычной пустотой. Несколько секунд Ридс тупо смотрел на поверхность, словно ожидал, что прямоугольник с буквами сейчас появится на прежнем месте.

Как ни странно, ничего не произошло.

Мужчина осторожно толкнул дверь двумя пальцами. Та с лёгким скрипом выпустила свет в коридор и позволила заглянуть внутрь. В классе были явные изменения. Парты начали до блеска и переставили в новом порядке: вместо квадрата, организованного Ноксом, чтобы якобы дети видели друг друга, столы теперь располагались по классической схеме, как и в остальных кабинетах. Со стены исчезли плакаты с изображениями древних собраний и божеств, которые Коул всегда недолюбливал. Так же пропали и религиозные книги с полки. В помещении больше не пахло сандалом, эфирными маслами или чем там ещё. Теперь тут стоял обычный запах бумаги и свежей краски. Класс выглядел как, к примеру, урок истории или географии. Но никак не специфический ОРКСЭ.

Ридс нахмурил брови. Ему совершенно определенно не нравилось то, что он видел. И дело не в том, что память об внезапно ушедшем учителе и его предмете должна была стать памятником посреди приюта. Скорее в том, что всего лишь за пару дней здесь убрали все следы существования Кевина Нокса и его детища, без ведома и разрешения директора.

Коул сжал челюсть и процедил что-то невнятное, но явно ругательное. После того, как он закрыл дверь с чуть большим усилием, чем требовалось, планы идти в свой кабинет явно поменялись. Следующей остановкой теперь стала учительская, располагавшаяся на первом этаже. Когда Коул резко вошёл в комнату, разговоры стихли. Пара преподавателей сидели и пили чай, другой проверял тетради за прямоугольным офисным столом. На директора воззрились несколько пар глаз. Он не стал затягивать паузу.

- Кто дал распоряжение менять кабинет Нокса?

Его лицо излучало раздражение и суровость. Брови хмуро сдвинулись к центру, а губы сжались в тонкую полоску. Люди тревожно переглянулись. Коул не отличался вспыльчивым характером или эмоциональностью. Наоборот, все знали его, как мягкого и доброго преподавателя и руководителя. Сейчас перед ними стоял явно рассерженный человек, и это их напрягло.

Хрупкая Оливия Линдетт, отставила кружку с чаем в сторону и испуганно посмотрела на преподавателя истории, что сидел рядом. Довольно крупный и бородатый Джон Кассел ободряюще коснулся ее руки.

- Пришло перераспределение сверху. Предмет отменён на неопределенный срок, а кабинет приказано расформировать...

- Кто сказал? - Ровным сухим тоном перебил Коул.

Джон почти равнодушно почесал свою бороду:

- Из дирекции. Звонил секретарь самого Генри Галлахера и отдал распоряжение. Так что...

- Да и зачем нам оставлять все как было... - Вкрадчиво добавила Оливия, опустив глаза в стол. - Не хотелось бы лишний раз видеть напоминание событий. И ученикам тоже...

Ридс устало провел по лбу ладонью. Головная боль, до этого едва ощутимая, вернулась внезапно и резко. Да так, что у мужчины чуть не подкосились ноги. Виски сдавило невидимым обручем. Директор зажмурился и прислонился к прохладной стене.

- Воды. - только и смог прохрипеть он.

Линдетт подскочила и протянула мужчине стакан с холодной водой из кувшина.

- Вам плохо? Что с вами?

Присутствующие не на шутку забеспокоились, а Джон подошёл и подхватил Коула под локоть, помогая выпрямиться.

Ридс помолчал несколько секунд и, открыв глаза, понял, что ему нужно на воздух.

- Уже лучше. - спокойно произнес он, почти не глядя на сотрудников. - В следующий раз я жду, что любые изменения или распоряжения будут согласоваться со мной. И неважно, откуда они пришли. Хоть от самого Галахера напрямую.

Все согласно кивнули. Разговоров больше не было. Ридс торопливо вышел, ощущая, как негативные эмоции оседают где-то глубоко, так и не выйдя наружу. Это казалось странным. Как если бы мигрень вступила в схватку со злостью и нокаутировала ее полностью, повалив на ринг.

До своего кабинета мужчина все же добрался. Захлопнув за собой дверь, он сполз по стене, впитывая как губка, ее прохладу и запах шпатлёвки. Через несколько минут боль утихла. Ридс поднялся и пошел к столу за порцией таблеток, что лежали в верхнем ящике. Лишь протянув руку к деревянной ручке, мужчина застыл как вкопанный - на краю стола лежали часы. Его наручные дешёвые часы, облепленные грязью. Коул удивлённо моргнул и резко закрутил головой, осматривая комнату. Казалось, что кто-то чужой все ещё прятался здесь. Посторонний запах, чуть приоткрытое окно... Он подскочил к подоконнику и практически вывалился за него, всматриваясь во двор.

- Что за черт? - Пробормотал Ридс, понимая, что окно находится на втором этаже.

Земля внизу и впрямь казалась истоптанной, но это ничего не давало. После дождей двором занимался садовник или сторож. То собирали листву, то выкапывали старую почву, то просто проходились вдоль здания с фонарем в руках по ночам.

Мужчина шумно выдохнул, и изо рта выкатился клубок пара.

Глава 5

Ридс шумно задышал, так как в его груди начала нарастать настоящая паника. Одно дело увидеть в программе новостей кого-то похожего на своего недавнего обидчика, а совсем другое - обнаружить в запертом личном кабинете на втором этаже, предмет, который точно был утерян в совершенно другом месте. Ещё и километрах в сорока - пятидесяти от самого приюта...

Он осторожно повернул голову назад, возвращая свой растерянный взгляд к столу. Часы по-прежнему лежали на том же месте, издевательски поблескивая металлическим ремешком. Коул отцепил пальцы от подоконника и выпрямился, не сводя глаз с пугающего аксессуара. Стекло циферблата облепила засохшая грязь, уже покрывшаяся миниатюрными трещинками. Директор пригляделся и побледнел: сбоку, там, где находилось колесико регулировки, ему померещилось крохотное бурое пятнышко, бывшее когда-то алым.

По его спине прошла холодная вибрация. Воображение рисовало возможные сюжеты событий, при которых эти часы вообще покинули место своего последнего прибежища. Уже не говоря о том, как они очутились тут... Об этом мужчина даже фантазировать не хотел. Он судорожно сглотнул и все же подошел к столу. Рука дрогнула прямо над грязной находкой, но, ведомая каким-то нездоровым любопытством, наконец, сжала часы в кулак, прислушиваясь к ощущениям.

Неожиданно прозвенел звонок. Он отозвался в ушах гулким эхом, перебивая ворох мыслей. Коул еще простоял как вкопанный, уставившись сквозь стол, а затем вздрогнул, когда понял, что с улицы доносятся детские радостные крики и смех. Двигаясь на автомате, он пошел на звук по длинному и опустевшему коридору. Из открытых настежь дверей классов веяло теплом и запахом мела. Со стороны столовой слышалось молодежное улюлюканье. Очевидно, старшие ученики собрались на кухне и о чем-то спорили.

Директор прошел мимо них через комнату и вышел во двор, освещенный солнцем.

Сырой воздух сразу лег на лицо – прохладный, с ароматом мокрой почвы, прелых осенних листьев, влажности наружных стен. Под ботинком мягко чавкнула грязь. Мужчина машинально посмотрел вниз: в вязкой земле отпечатался четкий неглубокий след подошвы, по краям которого торчали уголки желтых листьев.

По воздуху пронесся девчачий визг, а затем громкий хохот мальчишек. С ветки над крыльцом сорвалась тяжелая капля и разбилась о ступеньку, оставив после себя темное пятно, растекшееся в тонкую лужицу. Коул задумчиво проследил за ней.

Справа от крыльца пробежали двое младших, подняв резиновыми сапогами веера брызг из лужи. Один из них споткнулся и выругался вполголоса, чем вызвал восторженных смех второго. Ридс осмотрел двор. У самой ограды на скамейке под деревом сидели Джон и Ди.

Листва ещё не опала и крона напоминала огненную гриву льва. Мальчики держались особняком от остальных, что, впрочем, не сильно бросалось в глаза. Мужчина неторопливо пошел в их сторону, слегка шаркая ботинками по земле. Грязь тянулась и неохотно отпускала, оставляя за Коулом неровную цепочку следов.

- Скучаем? - бросил он, присаживаясь на край скамьи.

Взгляд Ридса был направлен в сторону остальных воспитанников, не желая смутить этих двух. Ди поднял глаза и внимательно всмотрелся в директора. От стекол его очков по обширному стволу скакали солнечные зайчики. Он поправил оправу указательным пальцем и отвернулся.

- Наблюдаем, - спокойно проследил Ди за взглядом мужчины.

Джон сидел, наклонившись вперёд, и ковырял отошедшую щепку на доске. Под ногтем уже успела скопиться темная масса, похожая на полоску древесины. Он запоздало поднял голову и заморгал, словно не ожидал увидеть кроме себя ещё кого-то. Ридс хмыкнул и с непри-

язную порезал на месте - дерево под ним оказалось холодным и влажным. Ткань брюк моментально неприятно прилипла к коже.

- А как у вас дела? - почти равнодушно поинтересовался Джон, наконец, заметив компанию. - Что делаете?

- Пытаюсь кое-что понять. Пока мыслей нет. —Тихо сказал Ридс и вытянул ноги вперёд.

Пальцы сжались крепче. Металл охлаждал кожу. Встрепенувшись, директор обнаружил, что все это время ходил с зажатыми в кулаке часами. От тепла ладони грязь немного разошлась, размазавшись коричневым пятном по коже. Он озадаченно осмотрел раскрытую ладонь. Ди покосился на часы, затем на Джона и легонько толкнул его локтем в бок. Спрашивать он не стал, но увидел в глаза друга мелькнувшее удовлетворение.

- Я хотел спросить про тот телефонный разговор, - рассеянно вспомнил Коул, убрав часы в карман.

Джон сразу нахмурился.

- А... - протянул мальчик, словно вспомнил только сейчас. - Ну, он сам позвонил, не я. Ридс кивнул.

- Я в курсе.

Тогда Джон просто пожал плечами.

- Спросил, как меня зовут, в каком классе учусь, с кем живу. Ну... В комнате.

Мальчик на несколько секунд замолк, проверяя, правильно ли он говорит. После удовлетворительно хмыкнул сам себе и продолжил:

- Я ответил. Вроде все. Потом пришли вы и разговор окончился.

Ди тихонько фыркнул, мол: очень информативный диалог.

- Это был самый главный директор? Мне не понравился его голос. Странный.

- Чем же? - заинтересованно приподнял бровь Ридс.

Джон безмятежно почесал затылок, растрепав влажные волосы.

- Не знаю. Ненастоящий, как будто притворялся. А вообще он выглядел очень больным. Коул еле слышно хохотнул.

- Скорее всего, так и есть.

- Он хотел спросить что-то ещё, но не успел. - добавил Харрис, и заглянул мужчине в лицо. - Так кто это был?

Ридс запрокинул голову и прищурился от пробивающихся тонких лучей сквозь листву.

- Это наш босс. Ему принадлежит приют, земля и бог ещё знает что.

Мальчики переглянулись. Внезапный порыв прохладного ветра остудил нагретую солнцем площадку и пролетел мимо троицы, всколыхнув волосы. Раздался звук. Ди прислушался. Такой, будто кто-то прошёлся по мокрой земле за оградой. Мальчик резко повернул голову в сторону железной сетки. Джон тоже посмотрел. В этот момент внутри что-то неприятно дёрнуло. И снова этот звук. Уже чуть дальше.

Сетчатый забор тянулся вдоль территории и леса ровной линией. За ним стояли темные деревья, кажущиеся сегодня, в свете яркого солнца, не такими уж и жуткими. Харрис попытался взглянуть в ту часть, где деревья вставали плотной стеной и образовывали почти черный от цвета грязи, туннель вглубь. Оттуда веяло сыростью, холодом и напряжением.

Джон проморгался. Никакого движения. Ди встревоженно обернулся: Коул неподвижно сидел, все также запрокинув голову. Во дворе бегали дети, слышался щебет птиц. После перевел взгляд на друга. Джон по-прежнему сидел, уставившись в сторону леса. Ди сжал рукой коленку. На металлических ячейках ограды застряли мокрые листья - прилипли так, словно их специально прижали к сетке с той стороны. Тревожное ощущение не отпускало, хоть ничего и не происходило.

Мальчик вновь поправил очки и нервно запустил пальцы в светлые мягкие волосы.

- Пошли? - прошептал он пересохшим голосом и провел языком по губам.

Джон кивнул и механически поднялся со скамьи. Ридс лишь приоткрыл один глаз, посмотрел на них и закрыл снова. Мальчики неспеша пошли в сторону здания, так же держась подальше от остальных детей. Позади них раздался скрип - Коул недолго оставался в одиночестве и тоже поднялся вслед за ребятами. Очередной порыв появился из ниоткуда и прошёлся вдоль ограды. Сетка едва заметно дрогнула.

Именно в этот момент из глубины леса, наконец, появилось движение. Будто появившись из самих деревьев, из дебрей вышел пёс. Он казался слишком крупным для привычных глаз собак. Его шерсть свалилась, ребра проступили под боками, а морда казалась вытянутой вперёд, как если бы он принимался к воздуху. Лапы ступали твердо и уверенно, оставляя за собой четкие темные отпечатки.

Ди застыл как вкопанный и стал нервно дергать Джона за рукав, пока тот не остановился тоже и не посмотрел туда, куда показывал мальчик. Пёс задрал голову и посмотрел прямо на Харриса. Ди поежился от резко похолодевшего воздуха и на пару шагов отошёл за спину Джона. Харрис несколько раз моргнул и наклонил голову вбок, разглядывая замершего зверя. Никакой агрессии или злости. Лишь любопытство и ожидание.

Вдруг Харрис понял, что не слышит ничего, кроме шуршания травы и покачивания тяжёлых ветвей. Звуки со двора исчезли. Ни голосов, ни смеха, ни шлёпанья по лужам. Пёс медленно подошёл к самой ограде и замер, просунув кончик черного влажного носа на территорию приюта. Уши напряжённо поднялись. Харрис даже не понял, как сделал шаг навстречу и протянул руку.

Сетка тихо звякнула, и с этим звоном все вернулось в прежнее русло. Вокруг зашумели дети, а за спиной раздался резкий и испуганный вскрик Коула.

- Джон!

Харрис почувствовал, как директор схватил его за руку и потянул назад. Только после этого он обмяк и осел на землю. Ридс встревоженно взял в свою ладонь детское лицо и всмотрелся в замутненный взгляд.

- Ты как? Все хорошо?

- Он его не тронул, - громко всхлипнул Ди. - Я видел, рядом стоял!

Коул поднял Харриса на руки и хмуро посмотрел через забор. Пёс не исчез. Он почти равнодушно оглядел мужчину с головы до ног, развернулся и, махнув хвостом, неторопливо, почти лениво пошел в глубь леса. Директор еще несколько секунд смотрел на лес после того, как зверь скрылся, после чего перевел взгляд на шумно дышащего Ди. Джон лежал у Ридса на руках, обмякнув словно тряпчатая кукла. При этом он находился в сознании. Глаза мальчика смотрели вверх, в небо и иногда закатывались.

Не на шутку испугавшись, Коул почти побежал, неся воспитанника в медчасть.

- Оставайся тут, - бросил он на ходу Ди, - все будет в порядке.

Ему никто не ответил и на секунду обернувшись, Коул удивленно увидел, что второго мальчишки нигде нет.

В тихой белой комнате пахло спиртом, лекарствами и белизной. Джон открыл глаза и понял, что лежит на кушетке, заботливо накрытый коричневым колючим пледом. В медкабинете оказалось пусто. Из-за двери слышались тихие голоса, но мальчик не смог разобрать, кому они принадлежат и о чем идет речь.

Джон отбросил покрывало и спустился с койки. Голова слегка гудела, но в целом самочувствие было отличным. Он ощупал одежду: все та же, в какой и выходил во двор. Мальчик вспомнил пса. Этот взгляд и странное, будоражащее чувство схожее с восторгом или возбуждением.

Мужской голос прозвучал громче и в двери вошли Коул и Тэми Саттенс в белом медицинском халате. Женщина заметила стоящего посреди комнаты сироту и улыбнулась:

- О, рада, что ты очнулся. Как себя чувствуешь?

Джон прищурился. Улыбка казалась искренней. Ни намека на панику или страх. Значит, все было в порядке.

- Здоровее быка, - довольно заключил Харрис и для убедительности согнул руку, демонстрируя шуплый бицепс.

Директор облегченно хохотнул.

- Заставил ты меня поволноваться, парень. Больше так не делай. И впредь держитесь с другом подальше от ограды. Я уже рассказал о волке охране. Подумать только: середь бела дня! – мужчина укоризненно покачал головой. – Совсем страх потеряли дикие твари.

Тэми потрепала Джона по волосам, не прекращая улыбаться.

- Все в порядке. Похоже на переутомление, смешанное с шоком. Выписать тебе освобождение от уроков на завтра? Ты можешь проваляться в постели хоть весь день.

Харрис отрицательно замотал головой. Он обвел взглядом присутствующих. Не хватало самого главного человека, который, казалось, всегда неотлучно рядом. Ди нигде не было видно. Джон вопросительно поднял голову на директора.

- Можешь идти к себе в комнату. Отдохни сегодня. – пожал плечами Коул и повел Тэми под локоть к столу, чтобы что-то обсудить.

Мальчик не стал ждать повторного предложения и выскочил в коридор. Увидев там белобрысую макушку друга, он облегченно выдохнул.

- Ты все это время сидел тут?

Ди посмотрел на товарища, склонив голову. Под стеклами очков блестели его бездонные голубые глаза.

- Ты в норме?

Харрис кивнул и неторопливо пошел по коридору, жестом позвав за собой друга.

- Угу, все отлично. Сам не понял, что случилось.

- Да уж, удивил ты меня. - Невесело усмехнулся Ди. – Обычно у тебя с собаками все происходило наоборот. Это они впадали в ступор, а сегодня вот так вот.

- Директор сказал, что это был волк... - задумчиво проговорил Джон, шаркая в сторону их спальни. – Ни разу еще не видел настоящего волка, да еще и так близко.

Ди лишь многозначительно хмыкнул.

Глава 6

После того, как поток детей занесло в здание, дверь тяжело захлопнулась и сырость двора сменилась теплым воздухом, наполненным запахом еды и влажной одежды. Коридор наполнился смехом, голосами и свистом.

Ридс двигался вместе со всеми, не спеша, не отставая и не обгоняя. Вскоре коридор опустел, оставив директора одного. Часть детей отправилась на оставшиеся занятия, другая – по своим делам или комнатам. Пальцы мужчины время от времени сжимались и разжимались, как если бы проверяли, на месте ли они. Он и сам не заметил этого, как и того, что периодически ненадолго задерживает дыхание, а затем делает глубокие вдохи.

Голова на удивление болела меньше. Очевидно, визит к городскому врачу можно смело отложить. Это казалось непривычным после почти месяца мигреней. Войдя в кабинет, он рухнул в кресло и прикрыл глаза. Начавшийся день выдался насыщенным и казалось, что усталость резко обрушилась на него, вместе с сомнениями и тревогой.

Сквозь карман штанов он почувствовал, как к бедру прижалась холодная твердая поверхность. Извлекая оттуда часы, которые уже успели немного очиститься от грязи, благодаря трению о ткань, Коул положил их на уголок стола и вновь откинулся на мягкую спинку. На этот раз он, не отрываясь смотрел на предмет и думал о том, что успело произойти за последние пару дней.

Почему-то ему совершенно не хотелось оставлять эту пугающую «улику» рядом с собой. Ридс окинул взглядом кабинет. Может... Спрятать их куда-нибудь в ящик стола? Или вовсе, в свою комнату. Нет. Так они окажутся еще ближе к нему. Мужчина вздрогнул, подумав, что где часы, там и жуть.

Мысль о библиотеке всплыла в голове неожиданно. Точно. Коул даже слегка хлопнул себя по коленке в знак озарения. Библиотека с архивом располагались на первом этаже, в противоположном крыле от центрального входа. Место не сильно людное. Ученики не являлись заядлыми книголюбцами, а учителя приходили туда разве что быстро взять то, что нужно и уйти. Идеальное место для того, чтобы найти укромный уголок и спрятать пугающую вещь.

Мужчина достал из ящика стола носовой платок и почти брезгливо обернул им часы, плотно завязав напоследок узелок.

Библиотека встретила Ридса тишиной и умиротворением. В этих четырех высоких стенах время останавливалось и тело окутывал дух старости и мудрости. Запах пожелтевшей бумаги напоминал дом бабушки и дедушки, мирно раскачивающихся на своих креслах-качалках посреди открытой веранды. Горячий чай с чебрецом или мятой, имбирное печенье, деревянные игрушки-солдатики...

Коул улыбнулся воспоминаниям и осмотрелся. Еще в коридоре он прислушался к занятиям, приглушенным строгим голосам учителей, негромким перепалкам, доносящимся из приоткрытых дверей спален. В архиве, как он и надеялся, никого не было. Лишь тихое жужжание вытяжки, что не позволяла скапливаться влаге в помещении.

Мужчина зачем-то отряхнул плечи коричневого пиджака от несуществующей пыли и прикрыл за собой дверь. Тяжелые шторы сегодня оказались распахнутыми и впускали в комнату много солнечного света. В его лучах витали миниатюрные облачка, корешки книг казались не однообразными, а вполне себе яркими и живыми.

Доски под ногами закрипели так, что Ридс даже замер. Он оглянулся в поисках подходящего места для создания тайника. Полки рядами уходили в глубь библиотеки и напоминали современные супермаркеты, разве что без вкусной, но вредной пищи.

Стол у окна мало подходил для цели: слишком обитаемым он выглядел. На поверхности громоздились стопки карточек с именами и названиями, несколько блокнотов и старый, но чистый чайник с водой.

А вот древний секретер, высившийся позади стеллажей, показался Коулу идеальным местом. Его завалили старыми газетами и журналами. Казалось, что макулатуру бросали туда годами – такими высокими и небрежно неровными были стопки.

Директор потянул самый средний ящик и тот, с натянутым скрипом обнажил давно нетронутые края. Пальцы моментально оставили тянущиеся полоски следов. Внутри лежали какие-то фотографии, газеты, исписанные тетради и прочий хлам.

Мужчина нахмурился так, что на лбу появилось несколько глубоких морщин.

– Нет. Тут явно не место.

Где-то в коридоре слышались голоса, но вскоре стали затихать: кто-то прошел относительно недалеко от библиотеки. Ридс понял, что затаил дыхание и замер в полуприседе.

– Как нашкодивший школьник, ну ей-богу. – Смущенно пробормотал он, выпрямляясь.

Поясница слегка заныла. Он задумался о том, что на самом деле делает. Зачем все эти игры? Почему просто не выбросить часы? Или отмыть и носить дальше, позабыв обо всех событиях, связанных с ними?

Ни одного ответа у него не оказалось. Каким-то образом, он чувствовал, что так или иначе, у всего есть своя причина и следствие. Если ситуация повернула свой путь так, что сейчас директору пришлось играть в «спрячь сокровище пирата» — значит так нужно в дальнейшем.

Откуда Коул это знал? Он не знал. Но на интуитивном уровне следовал предчувствиям.

Ящик с силой захлопнулся, подняв в воздух облако пыли. Пальцы нервно постучали по поверхности потертого дерева. Взгляд скользнул вниз, в самое основание шкафа. Тень там казалась плотнее и темнее, чем где-либо в других уголках архива. Ридс опустил на корточки и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Ему показалось, что доски пола, прямо уходящие под секретер, выглядят немного иначе, чем остальные. Одна из них выглядела темнее, с тонкой трещинкой по краю, словно ее уже убрали отсюда.

Он провел ногтем вдоль щели. Пыль собралась под подушечкой пальца и скаталась в серую полоску. Доска не выглядела сломанной или расшатанной — напротив, она как будто держалась уж слишком ровно и аккуратно для этого угла, где всё остальное перекошено и скрипит.

Директор наклонился еще ниже, почти уткнувшись головой в край стеллажа. Запах старого, чуть подгнившего дерева и ржавчины старых гвоздей стал гуще и тяжелее. В глубине библиотеки что-то тихо щёлкнуло — скорее всего, рама окна от ветра. Звук пролетел по помещению и затих, поглощенный мудрыми книгами.

Коул ещё раз провёл пальцами по краю – зазор был, но недостаточно большой, чтобы поддеть его всей фалангой. Он положил узелок с часами на пол рядом с собой, и, сдвинув ладонь чуть глубже под край доски, попытался подцепить её. С первой попытки ничего не вышло — пальцы соскользнули, зацепившись за мелкие щепки. Ридс раздражённо огляделся по сторонам, провёл ладонью по брюкам, вытирая кожу, и попробовал снова.

На этот раз доска чуть поддалась. Для начала она еле заметно дрогнула. Но затем, с тихим, почти недовольным скрипом, приподнялась с одного края.

Коул замер и прислушался. До ушей доносилось лишь тихое и безмятежное дребезжание металлической решетки под потолком и легкие завывания сквозняка. В комнате ничего не изменилось, но директору показалось, что по всему его телу прошла ледяная волна.

Под доской оказался узкий прямоугольный проём. Темный и глубокий, из него веяло прохладой и сухостью. Сначала даже показалось, что дыра очень глубокая, но это было лишь игрой теней и воображения.

Коул нагнулся, опершись ладонями в пол, и заглянул внутрь. Что-то почти сразу мелькнуло, и директор бесстрашно погрузил руку во тьму по самый локоть. Пальцы нащупали неровные очертания — сложенные кривой стопкой бумаги в твердой папке, перевязанные бечёвкой. Несколько отдельных листов лежали рядом.

Коул прерывисто выдохнул и, стараясь не задеть края отверстия, вытащил находку на свет. Бумага оказалась сухой и желтоватой, но не похожей на слишком старую. Пальцы автоматически стряхнули с неё пыль, оставляя светлые полосы на посеревшей поверхности.

Ридс устроился на полу поудобнее, прислонившись спиной к стеллажу, и развернул бечёвку на коричневой папке. Первый же лист оказался газетной вырезкой. На черно-белом размытом фото изображались какие-то люди. Они стояли в два ряда, человек десять. Директор непонимающе нахмурился и аккуратно двумя пальцами приподнял перекинул вырезку на левую сторону папки, открывая следующий лист.

На этот раз обычная бумага пестрила приклеенными на нее вырезками и ручными подписями. Было также несколько строк и пометок, находящихся чуть в стороне, ближе к краю листа. Снова изображения людей, детей и зданий. На этот раз в глаза бросилось цепкое слово «приют», выделенное жирным курсивом.

Неожиданно в коридоре раздался громкий топот каблуков, который затих прямо перед дверью архива. Коул медленно закрыл папку, не сводя напряженного взгляда с запертого выхода. Ручка дернулась и дверь затряслась от попытки войти. Директор вздрогнул, хоть и был готов.

- Эй! Кто это там заперся? – прогрохотал грозный мужской голос. – Немедленно открыть!

Ридс поспешно поднялся, собрал все отдельные бумаги в папку и постарался удалить следы своего взлома тайника по максимуму. В волнительной спешке, он случайно смахнул проклятый узелок, про который успел позабыть, прямо в дыру, но заметив — лишь махнул рукой. После он провел ботинком по полу, сметая с него любые оставшиеся следы или опилки. Только тогда пошел и открыл замок. В библиотеку ввалился красный и пыхтящий от злости Джон Кассел.

Столкнувшись лицом к лицу со спокойным Коулом, учитель истории растерялся, и весь его запал сошел на нет. Грозные морщины на лбу разгладились, а глаза широко распахнулись. Кассел сделал шаг назад и растерянно пожал плечами.

- Директор Ридс? Извините. Я думал, кто-то из старшеклассников заперся. Уже собирался наказать.

Бородач активно закивал, как бы подтверждая свои намерения.

Ридс примирительно выставил обе ладони перед собой и усмехнулся.

- Все-все, верю. Я искал... Читал. – директор с опаской поправил папку, торчащую у него из подмышки. – Давно пора было навести в архиве порядок. Займусь этим позже.

Сказав это, он подхватил бумаги в другую руку и спокойно обошел Кассела, направившись в сторону своего кабинета.

Ноги сами несли Коула вперед по ставшему бесконечным коридору, по непривычно большому количеству ступеней лестницы. Лишь заперев на ключ дверь директорской и бросив папку на стол с шумным хлопком, мужчина, наконец, смог отдышаться. Он всего немного постоял, прислонившись к холодному дереву двери, а затем поспешно прошел к стулу и плюхнулся на него. Глаза, не мигая смотрели на листы. При солнечном свете дня они казались чем-то до противного обычным. Ридс оторвался от спинки и подтянул их к себе. Только сейчас он заметил, что на коричневой плотной поверхности красуется тусклая надпись: «Б.Т.».

Коул приподнял одну бровь. Б. Т.? Что это значит? Аббревиатура? Имя?

Вновь открыв папку, он стал читать более детально. Чем больше он видел, тем больше путался. На первой заметке с мужчинами и женщинами оказался текст о небольшом производстве продуктов для социальных семей. Ничего странного или необычного.

Второе было уже интереснее. То самое словечко, которое так привлекло его внимание в архиве, оказалось контекстом в вырезке про детский приют, находящийся не то, что в другом штате, но в другой стране. Коул непонимающе пробежал взглядом по странице. В новости сообщалось, что старый приют закрывается после десяти лет работы, а дети распределяются по другим заведениям.

Рядом с вырезкой синели пометки ручкой: «Первые дети?», «Штат Роуэн, 1930 год – возраст?», «Директор – Берт Норман, заведующая – Беатрис Порренс.»

Ридс снова внимательно смотрелся в лица. Фото было ужасного качества, плюс ко всему отпечатанное в газете. Он не знал, что хочет там увидеть. Кого-то знакомого? Директор перевернул страницу.

Дальше шли еще подобные заметки, неаккуратно обрезанные, словно в спешке. Такие же записи от руки, дающие Ридсу больше вопросов, чем ответов. Однако, вскоре он начал замечать кое-что знакомое. Например, когда увидел статью про нападение дикого зверя в черте города. Новость оказалась датирована пятнадцатью годами ранее. Коул провел кончиком пальца по изображению полицейского.

В тексте упоминалась похожая ситуация с той, что произошла недавно. Жители обескуражены и напуганы, ведь такое происходило крайне редко. До леса было далеко, в звери обычно не подходили к городам слишком близко. Директор глянул на название места – снова слишком далеко отсюда. Что же могло связывать все эти события в одной непонятной папке, спрятанной тут, в его архиве?

Ответ на вопрос пришел буквально через пару страниц. На очередной странице, испи-санном неким человеком, собиравшим информацию, красовалось лицо молодого мужчины, гордо стоящего перед фасадом двухэтажного здания. По обе стороны от него стояло с десятков маленьких детей.

Фото не было приклеено. Оно тут же сползло по листу. Ридс осторожно взял его двумя пальцами и перевернул. Выцветший размашистый почерк фиолетовыми чернилами. «Г. Гала-хер. 1940 г.».

Глава 7

- Не может быть, - хмуро пробормотал Ридс, но все же взгляделся в фото почти семидесятилетней давности.

Молодой мужчина на снимке с трудом угадывался из-за низкого качества, но навскидку тому можно было дать лет тридцать.

- Но как такое возможно? – он снова перевернул фото и взгляделся в цифры.

Сомнений не было, чернила четко отпечатались, не размазав ни один штрих. «1940». Бумага была плотной на ощупь, чуть выгнутой по краям от времени, что могло доказать правдивость подписанной даты. Коул откинулся на спинку стула и поднял глаза в потолок. По побеленной поверхности тянулась тонкая трещина, уходящая от угла к центру. Как будто карта центральной дороги.

«Г. Галахер».

Имя прозвучало в голове, отдаваясь неприятно пугающим эхом. Директор задумался. Он никогда не видел Генри вживую. Только общение по телефону или через его личного секретаря. Да, сейчас он совсем не молод, судя по голосу, но не может же ему быть больше ста лет? Неожиданно Ридс тихо рассмеялся и вновь осмотрел мужчину на фото. Вот, дурак. Наверное, это однофамилец, родственник или вовсе отец или дед мецената.

От этой внезапной догадки стало спокойнее и Коул шумно выдохнул. Уже улыбаясь, он обвел взглядом снимок. Человек стоял прямо, уверенно вскинув подбородок, плечи отвел назад. Его лицо не совсем можно было различить, но взгляд казался цепким и холодным. Вот она, наследственная власть.

- Видимо, приюты – это семейное дело, передающееся из поколения в поколение, если вы, конечно, родня. А мне кажется, что это именно так. Иначе, как бы ты попал сюда?

Ридс наклонил голову набок, продолжая всматриваться. Тут он замер и поднял взгляд. Какая связь? Он резко бросил фото на стол. Пальцы задели край следующего листа, издав попутно шелестящий сухой звук. Директор поелозил на стуле и, устроившись поудобнее, продолжил изучать, чуть сгорбив спину над столом.

На этот раз ему хотелось читать и смотреть внимательнее. Ситуация походила на игру, и от этого Коула охватил детский азарт. В глазах загорелся давно забытый и потерянный огонек.

Страницы менялись одна за другой по мере того, как передвигалось солнце по небу за окном. Вырезки, заметки, старые фото с подписями и без, обрывки статей, пометки синей пастой на полях, а иногда прямо на желтой обведшей газетной бумаге. Аккуратно наклеенные сноска, прикрепленные то старые, то относительно свежие обрезанные данные на железных скрепках, ржавчина которых оставила бурые следы.

Ридс остановился. Палец завис над одним из листов. Внезапно ему показалось, что он уже видел этот почерк. Примелькавшийся почти за весь день, он все больше и больше напоминал ему что-то, что он видел совсем недавно. Эта мысль скользнула и тут же растворилась в мысленном вихре.

На странице оказалась очередная статья. В центре прикреплена всего лишь половинка фотографии. Коулу уже попадалось много упоминаний об открытиях или закрытиях разных учреждений, о пожарах, угрожающем поведении животных на жилой территории, даже об спонсированных исследованиях тканей днк и генетических особенностей.

На этот раз говорилось об объединении зданий школы интерната для мальчиков и городского собачьего питомника. Дата стояла двадцатью годами ранее и это оказалась относительно свежая публикация. Манера текста и качество изображений разительно отличались от первых

страниц, а место указывалось уже поближе – всего-то в небольшом городке, располагавшемся в двух тысячах миль.

Сбоку аккуратным почерком выведено: «Объединение? Мартин Свен пропал без вести, 1990 г.»

Эта строчка была жирно подчеркнута несколькими нервными линиями.

Следующие несколько страниц оказались выцветшими листовками с информацией об исчезновении. Разный цвет и состояние бумаги, разные года и разные города. Объединяло одно – на каждой из пяти листовок были изображены мальчики примерно одного возраста. 12-13 лет.

Ридс разложил все афиши перед собой и устало потер переносицу. Возвращение мысли рассекло затуманенное сознание, как разряд молнии. Почерк. Коул думал, что он знакомый из-за того, что почти весь день провел за записями. Но нет. Определенно нет.

Директор резко подался вперед и сгреб листовки в сторону. Ножки стула громко скрипнули по полу. Страницы в папке зашуршали, пока он перелистывал их назад, до пометок. Размашистые линии букв вонзились в глаза.

Лицо Ридса вытянулось в озадаченной гримасе, он вскочил и направился к стеллажу. Папка осталась лежать на столе раскрытой. Снимок с молодым Галахером чуть съехал в сторону, как будто следил за движением директора.

Коул не обратил внимания. Он уже рылся на полках. Коричневые картонные дела внутри качнулись и чуть не вывалились на пол. Мужчина перебрал их пальцами и вытащил нужную – ту самую, с личными делами персонала. Он прекрасно помнил, как на днях передавал их меценату, вернул после собрания, и как отложил отдельный лист с анкетой в сторону из-за ненужности. Теперь эти пара скрепленных листов могли открыть ему на один ответ больше.

«Бриджер Томпс» - гласила верхняя строчка. Далее год рождения, место проживания и должность секретаря, на которую он сюда поступил. Все строчки были заполнены его рукой, рукой Бриджера.

Коул почти подбежал к столу и уложил анкету рядом с листом пометок. Те же формы, линии, изгибы букв. Резкие нажимы, привычка заваливать строку вбок. Никаких сомнений – на обеих страницах писал один и тот же человек.

В наличии оказались лишь сведения о заступлении на пост. Ни слова, ни обрывка о том, куда Томпс делся.

- И зачем ты все это собирал? – задумчиво постучал Коул ногтем по столу, рассматривая строчку за строчкой. – Тебя уволили? Или сам уволился? Не сходится...

В кабинете неожиданно стало тесно. Директор оттянул ворот рубашки, впуская прохладный воздух на разгоряченную кожу. Взгляд пробежал по комнате – дверь закрыта, окно открыто, в углу комнаты лежала тень, в которой словно кто-то скрывался, но нет. В коридоре кто-то прошел совсем рядом с кабинетом, половицы коротко скрипнули и стихли.

- Паранойя, - пробормотал Ридс, закатив глаза.

С недавних пор повсюду стало мерещиться призрачное присутствие. Ненавязчивое, но довольно пугающее.

Из окна донесся хриловатый окрик Оливии Линдетт – она звала старшеклассников за собой в теплицу, чтобы заниматься подготовкой растений к холодам. Крытый сад располагался с торца приюта, из-за чего не попадал в поле зрения директора, но он знал, что там безопасно. Совсем рядом с теплицей высился небольшой летний дом для проживания сторожа-садовника. В нем хранились также фонари, инвентарь, пара бейсбольных бит (на всякий случай) и довольно внушительных размеров ружье, закрытое на ключ за железной решеткой.

Ридс подошел к окну и поежился – осень ожесточалась стремительно, напористо, как таран. Директор глубоко втянул воздух: среди запахов озона, влажной травы и вечернего компота со стороны столовой, ударил еще один. Резкий.

Мокрая шерсть.

Мужчина тревожно нахмурился и обвел взглядом двор, особенно периметр ограды. Мерещилось, что аромат настолько близко, будто пес прогуливался прямо под окнами кабинета. Коул даже вывалился через подоконник, разглядывая влажную землю на предмет отпечатков лап.

Нет, их там не было. Забор был цел. Ни одного знака, указывающего на то, что кто-то мог проникнуть на территорию. Ридс вспомнил того крупного пса, который чуть не напал на Джона Харриса. Сам факт присутствия зверя не был чем-то сверхъестественным, ведь в этих краях их водилось приличное количество. Просто то, как он бесстрашно подобрался настолько близко к людям, да еще и посреди дня, когда двор наполнился шумом, голосами и смехом. Это действительно оказалось необычным.

Тут же в голове пронеслись совсем свежие воспоминания о газетных вырезках. «Нападение животных», «Людные места», «В городе». Коул замотал головой и внезапно отметил, что мигрени нет. Виски спокойно и слабо пульсировали. Он даже обхватил лицо прохладными ладонями, будто не веря и проверяя, все ли на месте.

С фото на столе на него спокойно смотрел Галахер. На его смазанном черно-белом лице застыла почти издевательская улыбка. Коул встретился с ним взглядом и раздраженно спрятал снимок под коричневую обложку. Все еще было непонятно, зачем секретарю директора собрать все эти данные. Какая связь между детьми, приютами, зверями, убийствами и... Родственником Генри Галахера.

Все казалось настолько же запутанным, насколько и интригующим.

Скрип двери в глубине здания пролетел по коридорам глухой волной и затих, поглощенный стенами. В воздухе витал аромат тушеных овощей, что раздавали сегодня на ужин. Маленькая группа старшеклассников все еще сидела в столовой и хохотала, несмотря на то что остальные уже довольно давно разбрелись по своим делам.

Джон стоял у выхода, прислонившись к потертому косяку, пахнущему лакированным деревом, и не двигался. Пальцы покоились на холодной металлической ручке, но он не нажимал. Просто держался за нее и прислушивался. В это вечернее время в пустых коридорах чувствовался какой-то уют. Тепло и вкусный аромат делали здание более домашним и менее одиноким.

Ди подошел поближе и театрально приложил к уху раскрытую прямую ладонь, словно пытаясь услышать то, что недоступно другим. После его рука безвольно упала вдоль ноги, и мальчик приблизился к другу.

- За кем следим? – шепотом спросил Ди, мультяшно бегая глазами в разные стороны.

Харрис промолчал. Его пальцы сжались на ручке, металл скрипнул под давлением. Этот звук понравился Джону, и он почти с удовольствием повторил движение, расслабив и вновь напрягая руку. Наконец, дверь неторопливо открылась, впуская в коридор полосу закатного света и холодный свежий воздух.

Деревянные доски пола блестели от влаги – их недавно мыли и запах мокрой тряпки еще не испарился. Стены грустно высились, демонстрируя давно не менявшиеся грязно-желтые обои в выцветший цветочек. Потолок был неровным, с незначительными, но заметными при природном свете, бугорками или провалами.

Дверь закрылась с щелчком и коридор погрузился в полумрак лампочки. Ди со скукой огляделся, а затем посмотрел на Джона.

- Ну и?

Тот опустил руку и сдвинулся с места. Шаг вперед, два, три. Он двигался так, словно на каждом шагу прятались ловушки. Вскоре ноги стали увереннее и повели своего хозяина вперед, в сторону лестницы. Харрис двигался вдоль стены, минуя столовую, классы. Мимо

ниш, где обычно можно было увидеть ведро или швабру. Из-за угла впереди потянуло холодом. Тем самым, что обычно чувствуется как мурашки по всему телу, нежели, чем замерзание.

Ди хмурился, не понимая молчание друга, но торопливо шел вслед за мальчиком, как хвостик. Внезапно Джон так резко остановился, что Ди ничего не осталось, кроме как влететь в него носом. Очки съехали и чуть не упали на пол. Он вовремя поймал их прямо в полете.

- Эй! Ты чего?

Джон ответил не сразу. Его странный взгляд был направлен вниз, на почти черный от отсутствия освещения, пол. Они уже добрались до лестницы и даже чуть дальше, туда, где под тенью ступеней, уходящих вверх, открывалось небольшое пространство, а рядом располагалась дверь выхода к торцу здания, к теплицам.

- Тут что-то есть, - произнес Харрис незнакомым голосом, от которого у Ди пробежали мурашки. – Меня сюда тянет.

Ди нацепил очки, взглянул на друга и отшатнулся – на него смотрела пара округленных и остекленевших глаз.

Глава 8

Коул медленно разлепил веки.

Вначале, всего до за несколько секунд до этого, он вынырнул из глубоко и сладкого, казалось, сна, из-за упрямого ощущения. Тяжелого, настойчивого, тревожного, словно кто-то навис над ним и не дышит. Смотрит в упор, прямо в спящее лицо директора.

В спальне появился едва уловимый запах. Совсем не привычный для смеси одеколона, дождя с улицы и свежей постиранной одежды, висящей на вешалке для следующего дня. Этот был незнакомым и пугающим. Коул сморщился и напряг ноздри: то ли отсыревшая и заплесневелая ткань, то ли подтухшее мясо.

Перед глазами темная ночная комната проявляла свои очертания очень медленно, постепенно. Когда же, наконец, спальня начала становиться привычной и безопасной, Ридс повернул голову направо и в ужас отпрянул, ударившись лопатками о холодную спинку кровати.

Прямо перед ним, в паре шагов от бока кровати стоял человек. Он не двигался. Его глаза широко распахнулись и, не моргая, смотрели в упор на Коула. Среди панических всплесков мыслей в голове у директора мелькнуло то, что лицо человека выглядит знакомо.

Тут же воспоминания услужливо подкинули основную страницу анкеты Бриджера Томпса, с которой на него недавно смотрело то же самое лицо, что и сейчас.

Ридс в страхе зажмурился и досчитал до пяти, после чего аккуратно открыл глаза вновь. Секретарь не исчез. Его сухое, вытянутое, с провалившимися щеками лицо с мутными глазами без отражения и жизни, можно было смело вставлять в рекламу «До и после». Если бы речь шла о каком-нибудь наркотике или тяжелой болезни.

Коул судорожно вдохнул воздух и попытался отползти еще назад, упираясь ладонями в матрас. Ткань собралась под пальцами многочисленными складками, не давая опоры. Он даже не заметил, что уже вжимался в спинку.

- Ты... - его голос сорвался и стал похож на хрип умирающего, - ты...

Томпс, наконец, шевельнулся. Он резко покачался, и это движение не выглядело естественным. Скорее, как если бы его дернули за невидимые нитки. Суставы отозвались глухими щелчками. Бриджер сделал шаг назад, освобождая пространство и выказывая то ли уважение, то ли безопасность. Взгляда он так и не отвел.

Ридс ошарашенно смотрел на губы человека посреди комнаты – их уголки медленно поползли вверх, обнажая желтые зубы. Улыбка выглядела неоднозначной. Коул терялся в догадках как воспринимать ее: как усмешку и опасность или миролюбивый, дружелюбный жест.

Директор шумно сглотнул, но все же усмирив легкую дрожь и привстал на кровати, выпрямив спину.

- Ты Бриджер. – пробормотал он скорее как утверждение самому себе, чем вопрос ему. – Ты тут...

Томпс так резко мотнул головой, что она чуть не свалилась с серой шеи. Движение оказалось недовольным, раздраженным. По его лицу пробежала рябь, и он с трудом нахмурился, попутно поджав губы кверху. Если это был ответ на какой-то вопрос, то он определенно звучал: «Нет».

Человек поднял руку и указал в сторону. Коул непонимающе обернулся, силясь понять, куда указано направление. Цель оказалась в промежутке между высоким шкафом для одежды и окном. Ридс еще раз проследил, но так и не догадался.

Видимо, лицо директора было очень красноречивым. Палец Бриджера задрожал. Эта дрожь за пару секунд зашла ходуном. Его просто крупно трясло, как будто тело сопротивлялось движениям.

- Да что там? – Уже с тонкой ноткой нетерпения икнул Коул.

На этот раз секретарь шагнул вперед и снова дернул указательный палец вперед, резче и требовательнее. И еще раз. И еще.

С каждым движением у гостя все больше проявлялось дыхание: изначально отсутствующее, оно становилось все более хриплым и рваным. В конце концов он открыл рот.

Директор, сам того не осознавая, подался вперед, пытаясь расслышать слова. Однако их не последовало. Лишь глухой, вязкий и чавкающий звук. По комнате протекла струйка тошнотворного запаха плесени. Секретарь сделал еще одну попытку, шумно и сипло вдохнув. Его губы задрожали, растянулись и исказились от боли.

Именно в этот момент Коул с ужасом взгляделся и понял. У Брижера Томпса не было языка. Рот зиял чернейшей пещерой, испещренной у входа рваными ранами и остатками желтых зубов. Гость снова сморщился и медленно прикрыл губы, отчаявшись произнести хоть слово.

- Господи... - Передернуло Коула.

Секретарь стремительно вскинул подбородок и издал громкий захлебывающийся звук, от которого Коул задрожал. Бывший секретарь выглядел устрашающим и яростным. Он сделал еще шаг и оказался вплотную к Ридсу. Да так, что второй почувствовал ледяную сырость и шероховатость чужой одежды, пахнувшей тинной.

Бриджер схватил директора за плечо. Холод прошел через ткань ночной рубашки и впился в кожу иголками льда. Казалось, что ночной гость хотел потрясти Коула за плечи, но вышло неуклюже и размашисто. Ридс едва удержался, чтобы не упасть с кровати прямо в объятия пропавшего секретаря. Комната поплыла перед глазами, стены вытянулись, а все краски потекли тонкими ручейками книзу. Спальня неумолимо теряла свои привычные очертания, превращаясь в незнакомый узкий проход.

Теснота сдавила двух мужчин со всех сторон, пол под ногами стал жестким и влажным. Скрип. Где-то вдалеке скрипнула дверь, и директор с отчаянной надеждой вытянул голову в сторону источника. Внезапно Томпс оказался впереди, в нескольких шагах. Он обернулся через плечо и вновь указал. На этот раз вглубь этого узкого тоннеля.

Рот открылся, чтобы выпустить очередную порцию ужаса, но лицо теперь больше изображало боль и грусть, чем злость. Звук получился громким и пронзительным.

- Я... Не понимаю! – отчаянно крикнул Коул в пустоту. – Чего ты хочешь?!

Томпс замер. Его лицо начало меняться. Глаза остекленели, обволоклись белой пленкой и провалились внутрь глазниц. Кожа потемнела и разбухла, будто пропиталась жидкостью. Из-под воротника проступила темная четкая полоса, опоясывающая шею.

Меньше, чем за секунду монстр оказался прямо перед лицом Коула, почти касаясь кончиком носа щеки директора. Еще одна попытка сказать – и в ноздри Ридса ударил отвратительный едкий запах тухлой воды и дохлой рыбы. Томпс пронзительно закричал - и Коул зажмурился.

Один... Два... Три... Четыре... Пять...

Тишина. Настолько оглушительная, что на мгновение директор решил, что лишился слуха.

Резко открыв глаза, он увидел, что лежит в кровати, натянув одеяло почти по самый нос. В спальне никого не было. До ушей донесся шелест ветвей от осеннего промозглого ветра. По коже пробежало неприятное ощущение – отбросив постельное в сторону, Коул обнаружил, что простыня и подушка под ним мокрая, да и сам он почти с ног до головы такой же. Сквозняк тут же обласкал влажную одежду и волосы со всех сторон, из-за чего мужчина съежился.

Светало. Первые лучи окрасили комнату в тускло желтые оттенки, навевая уныние и странное облегчение. Ридс еще раз осмотрелся по сторонам, в жутком ожидании увидеть распухшего человека, выглядывающего из-за шкафа или из-под комода. Никого не обнаружил, но зато четко ощутил тот же самый запах, что преследовал его во сне. Запах стоячей воды и плесени.

Неожиданно раздался звук падающих капель. Словно кто-то стоял и с него стекала вода. Кап, кап, кап – равномерно и угрожающе. Коул похолодел еще больше, но, когда заставил себя посмотреть в сторону приоткрытого балкона, чуть не рассмеялся: это были остатки дождя, падающие с крыши на поверхность перил и немного на порог.

Через несколько часов директор, укутанный в коричневую куртку, стоял перед зданием полицейского участка и нервно поглядывал на вывеску «Городской архив» прямо над соседней дверью. Две организации, плотно связанные между собой, имели отдельные выходы. Коулу не хотелось проходить дважды через ряд вопросов. Да и в целом, в этом месте он чувствовал себя весьма неуютно.

Складывалось ощущение, словно он пробрался сюда незаконно, как вор. Тяжело вздохнув, Ридс все же зашел в дверь справа и почти сразу же наткнулся на пост охраны. Карточка документов не особо заинтересовала скучающего постового. Крупный и высокий мужчина переписал данные в свой журнал, задал шаблонные вопросы и впустил Коула внутрь.

В городском архиве оказалось уютно: в огромном зале, заполненном железными скелетами стеллажей, располагалось штук десять письменных столов с довольно сносными рабочими компьютерами и настольными лампами. Почти в центре, на возвышении сидел страж храма, всевидящий архивариус, всезнающий Моррис. Коул подошел вплотную и дружелюбно поздоровался.

- Мистер Ридс. – Прожамкал губами немолодой мужчина. – Давно вас не было видно. Руководство отнимает больше времени, чем преподавание?

Да, действительно, когда Коул занимал пост учителя, он частенько забегал в этот отдел за методичками и пособиями для обучения, позже приходил вечерами и сидел один во всем зале, штудировав основы образовательного права для принятия руководящей должности.

- Пожалуй, - улыбнулся он стражу знаний. – Это и впрямь совершенно другое направление. Но я о вас не забывал.

- Что же интересует тебя на этот раз? – Мирнолюбиво поинтересовался Моррис. – Психология? Управление? Повышение квалификации?

Коул откашлялся и этот звук звонким эхом пролетел по залу с высокими потолками. Три стола были заняты людьми, и все одновременно повернули головы с осуждающими взглядами. Директор шепнул «Простите» одними губами и смущенно вернулся к старику.

- Мне бы поискать данные по истории моего приюта и... - его голос снизился до еле слышного шепота, - Людей по фамилии Галахер.

Моррис задрал вверх седую и густую бровь. Сморщенные губы зашевелились, как будто он тщательно пережевывал. Он внимательно посмотрел на директора и пожал плечами.

- Тебе нужны определенные Галахеры? Или все подряд?

- Те, что были связаны с приютами. Вы знаете о ком я говорю?

Моррис расслабил лицо и равнодушно махнул в сторону одного из стеллажей.

- Могу избавить тебя от работы и сказать, что Галахер у нас там один. Кому ж не знать. Там данные о его многолетних проектах, опубликованных в сми. Но ты можешь поискать в компьютере. Я в них не особо разбираюсь, так что уж как-нибудь сам.

Коул поблагодарил, подошел к полкам, сразу нашел единственную увесистую папку с нужным названием и занял один из свободных столов. Пузатый серый монитор тускло паялился

в пространство синей заставкой с несколькими стандартными иконками. Директор недоверчиво скосил на него глаза, но затем, подумав, занялся папкой.

Через полчаса Ридс откинулся на спинку стула и сцепил пальцы в замок на затылке. Как и говорил изначально Моррис, Генри Галахер оказался одним-единственным, кто занимался бизнесом, учреждениями, открытиями и прочим. У него не было детей, братьев или сестер. Отца звали Фредерик, он был фермером. Причем далеко не самым богатым. Однако, он все же отдал свой скромный капитал сыну, чтобы тот учился в хорошей школе.

Все бы ничего, вот только Фредерик скончался в 1935 году, так и не успев поприсутствовать на открытии первого детища своего сына Генри.

Ридс провел ладонью по лицу и уставился на черно-белое, чуть смазанное фото мужчины, отпечатанное на странице перед ним. Того самого, что смотрел со снимка из папки в приюте. Аккуратная машинная подпись гласила: Генри «Гануа» Галахер, 1945 год. Приют «Добрый путь» для детей, изъятых из опасной среды.

Ридс поднял глаза на Морриса, мирно читавшего на своем пьедестале. Мимо прошел один из помощников шерифа, еле заметно кивнув в знак приветствия. Ридс закрыл папку и подошел к старику.

- Ну? Как? – Не сильно заинтересованно спросил Моррис, скорее из вежливости. – Нашел то, что искал?

Коул потоптался на месте.

- Что вы знаете о Генри Галахере? Что означает «Гануа»?

Моррис аккуратно закрыл книгу и отодвинул ее в сторону.

- Конечно, самое основное, никаких тайн. А «Гануа» — это прозвище, которое ему дали бедные африканские и индейские дети, к которым он ездил в экспедиции. Некоторых он привез с собой и поселил в своем первом интернате для мальчиков.

- Это фото... - Коул открыл захваченную с собой папку и продемонстрировал снимок. – Это он? Тот самый Генри Галахер, который владеет нашим приютом?

- Оох, - усмехнулся Моррис, беря страницу двумя руками. – И не только им. У него много чего по всему миру. Ты разве не знал?

Ридс слегка покраснел и отрицательно качнул головой.

- Ну ты даешь. Как ты вообще у него работаешь? Впрочем, Генри довольно скрытный, что верно – то верно. Уже много лет не выходит в люди и не обновляет снимки в газетах да журналах.

Он ткнул пальцем прямо в центр фото.

- Но как такое возможно? - С сомнением протянул директор. – Ему же тогда сейчас около ста лет...

- Сто семь, если быть точнее.

Моррис довольно цокнул языком и вернул папку Ридсу.

- Да. Старикан живучий и не собирается так быстро нас покидать. За ним миллиардное наследие, а передать некому. Вот жалость, верно?

- Ни одного преемника? Протеже?

- Кто знает, кто знает... Чем он там занимается в своем замке. Может быть, кого и обучает.

Моррис задумчиво поджал губы, но почти сразу же потерял интерес к сути диалога, переключив тему.

Глава 9

Директор смотрел как Моррис беззаботно бормотал о том, как в молодости работал на почте, когда ощутил чье-то прикосновение. Твердый тяжелый палец постучал Ридсу по плечу из-за спины.

- Вас к телефону. – Раздался прямо в ухо неторопливый холодный голос.

Коул удивленно обернулся. Позади стоял высокий мужчина в непонятной форме: то ли охранника, то ли младшего полицейского. Лицо не изображало никаких эмоций. Лишь намек на легкую тоску от рутинной работы.

- Меня? – Непонимающе моргнул директор, для убедительности ткнув себя пальцем в грудь. – Вы не ошиблись?

Мужчина медленно кивнул.

- Нет. Следуйте за мной.

Коул вскинул брови и неуверенно взглянул на Морриса. Тот махнул рукой, мол: «иди», и уткнулся в книгу, которую читал ранее.

Дежурный проводил Ридса через длинный коридор, связывающий городской архив и полицейскую часть, а затем завел в неприметный офис. На столе, среди небрежно раскиданных бумаг, лежала телефонная трубка, снятая с рычага. Мужчина ткнул в нее пальцем и вышел за двери. Коул осторожно поднял трубку и оглянулся: провожающий исчез так же, как и появился.

- Да? – тихо начал директор разговор.

Он не понимал, кто это может быть и как это вообще возможно, но любопытство уже разожглось в груди.

- Мистер Ридс, - раздался чуть противный скрипучий, но знакомый голос, - прекрасный день, не так ли?

- Эмм... - только и смог вымолвить Коул, - пожалуй. Мистер Галахер?

Определенно голос принадлежал старому меценату, но как...?

- Простите мне мое любопытство. Не мог оставить без внимания то, что вы вдруг активно заинтересовались моей скромной персоной. Может быть, вам подсказать что-то конкретное? Вас интересует что-то личное?

Коул ощутил, как спина похолодела, а к горлу поднялся тугой комок. Как он мог узнать об этом? Неужели старик где-то в здании или даже в самом архиве? Слышал ли он все, что директор спрашивал у Морриса?

Однако внутренний шепоток тут же успокоил хозяина, подсказав, что ничего такого он и не искал. Всего лишь общую биографию.

- Ну. И? – проскрипел Галахер, терпеливо выдержав паузу.

Казалось, он наслаждался ожидаемой реакцией и смаковал каждую секунду молчания директора.

Ридс дернул плечом, по которому пронеслись мурашки, и крепче прижал трубку к уху. Все-таки диалог складывался жуткий.

— Не переживайте. Праздное любопытство. Изучаю историю учреждения и показалось странным, что совсем не знаю про его основателя, — ровно произнес он, стараясь не выдать напряжения. — Это ведь моя обязанность, не так ли?

На линии послышался тихий вдох. Такой затянутый, влажный, что директор почти почувствовал отвратительную мокроту, что чавкаяще издавала гортань.

Генри зашелся кашлем, с которым почти визуально в мужчину полетели несуществующие серо-зеленые сгустки. Коул невольно стиснул зубы и зажмурился — в горле запершило,

будто сейчас с ним случится тоже самое. Одновременно желудок сжался, угрожая вернуть содержимое завтрака природе раньше срока.

— Обязанность... — почти с одобрением протянул Генри Галахер. — Это редкое качество, мистер Ридс. Очень редкое в наше время.

Меценат помолчал пару секунд, словно на что-то отвлекшись.

— Я рад, что не ошибся в вас.

Теперь голос прозвучал спокойно и твердо. Никаких вибраций или хрипа.

Коул провел пальцем по витому проводу, ощущая, как тот слегка прилипает к коже.

— Раз уж мне поощряется вникать в дела приюта, — осторожно сказал он, — то, может вы знаете, что случилось с Бриджером Томпсом?

— Ах... Томпс... — почти ласково выдохнул старик. — Да-да... конечно. Помню такого. Старик тихо и хрипло ухмыльнулся сквозь сухие губы. Ридс услышал.

— Замечательный был работник. Исполнительный, внимательный до мелочей... дотошный до смерти, я бы сказал.

Последнюю фразу он произнес с мягкой, практически нежной улыбкой, какую только можно было услышать.

По директору вновь пронесся рой мурашек, а ладони стали влажными.

— Я разглядел в нем талант видеть детали, — продолжил Галахер. — Те, что обычно ускользают от других. Такие люди... редкость.

- Как вас не послушать, у вас все работники – исключительные, - немного с опаской усмехнулся Коул.

- Именно так, мистер Ридс. Я нанимаю себе людей только самых исключительных, подходящих для своих ролей. Некоторые попадают уже прекрасно осведомленные о своих талантах и неимоверно ценящих самих себя. И именно поэтому, — добавил он уже совершенно другим голосом, сухим и холодным, — они часто не понимают, где нужно остановиться.

Коул медленно сжал трубку. Влажные пальцы скользнули по разогретому пластику.

— Куда он делся? Его уволили? — выдавил он, не отводя взгляда в никуда перед собой.

На линии раздались несколько негромких звуков, похожих на постукивание ногтями по столу.

— Обстоятельства, — еле слышно пропел старик. — Они всегда имеют место быть.

Кашель вернулся в пространство между ними, более глубоким и вибрирующим. Коул даже отшатнулся от трубки на мгновение.

— У него были... Кха... трудности, — продолжил Галахер, тяжело отдышавшись. — Со здоровьем. С восприятием реальности, так скажем.

— Он что, сошел с ума? — пробормотал директор, тряхнув головой. — Вы хотите сказать, что он в сумасшедшем доме?

В голове вспыхнули жуткие отрывки недавнего видения: пустой рот, рваная кожа, запах воды.

— Он запросил перевод поближе к родным, в горах, — ответил старик после недолгой паузы. — Сейчас ему очень полезен свежий воздух и отсутствие давления.

И это «в горах» прозвучало так, будто никакого «сейчас» уже не существовало.

Коул сглотнул. Он четко ощущал, что пора заканчивать задавать вопросы, но ничего не мог поделать — язык бежал впереди мыслей.

— Чем секретарь занимался в последнее время своей работы? Что-то собирал, искал? — спросил он. — Перед тем как уйти.

На этот раз Галахер не ответил сразу. Коул неподвижно застыл, и, затаив дыхание слушал, как шуршит то ли ткань, то ли бумага.

— Вы задаете много вопросов не по делу, мистер Ридс, — тихо произнес меценат. — Как это относится к вашей службе? И почему вам вдруг стал так интересен бывший сотрудник? Неужто про него снова стали ходить слухи?...

Скрипучий голос снова окутал лстивый мед.

— Скажите мне лучше... — добавил он вкрадчиво, — как поживает тот мальчик, с которым я имел удовольствие говорить по телефону?

Коул напрягся.

— Какой?

— Джон Харрис, — спокойно уточнил старик. — Слышал про недавний инцидент.

Имя прозвучало как-то немного странно из его уст. Даже немного пугающе.

— С ним всё в порядке, — быстро ответил Коул. — Несерьезный обморок.

— Разумеется, — быстро согласился Галахер. — Хотя... Организм порой реагирует раньше, чем разум. Это любопытный и сложный механизм.

Коул непонимающе нахмурился. Разговор начинал его уже порядком раздражать своими загадками. Так хотелось положить трубку, но обстоятельства заставляли его продолжать стоять как истукан и ждать, когда все закончится.

— Вы ведь заметили, — продолжил старик, и голос его стал ниже, — что некоторые вещи вокруг порой начинают меняться?

Ридс вдохнул и замер, так и не выдохнув.

— Запахи, — заискивающе прошептал старик. — Звуки. Случайности, которые вдруг оказываются там, где они нужнее всего.

Пальцы Коула побелели, и он шумно выдохнул, наконец заметив, как начали слезиться глаза.

— Это нормальный этап, — уже сухо подытожил Галахер свою таинственную мысль. — Главное — не вмешиваться.

— Во что? — резко спросил директор.

В трубке раздался короткий смешок.

— Вот именно. Мистер Ридс, — продолжил он уже устало, будто разговор его утомил, — я очень ценю вас и вашу преданность делу, как и любознательность. Правда.

Слабое бульканье в глубине горла слилось со словами.

— Но давайте договоримся, что прошлое останется моим грузом, а вы займетесь настоящим и скорым будущим.

Линия резко оборвалась со звонким щелчком.

Коул медленно опустил трубку и озадаченно выглянул в коридор. В помещение вернулись звуки клацанья по клавиатуре с соседней комнаты, побрякивание ложки в чашке, далекие и приглушенные телефонные трели.

Работника, который привел сюда директора, не было нигде видно.

И тогда появился он. Звук. Он не сразу понял, откуда он исходит.

Звонкая крупная капля. Еще одна, и еще.

Коул медленно перевел взгляд вниз. У самого порога темнело маленькое пятно. Оно выглядело влажным и свежим. Сдвинув брови, Ридс поднял глаза на потолок — сухо. Стены тоже хранили спокойствие и относительно недавний ремонт. Директор тронул пятно носком своего ботинка и почти сразу же следом ощутил слабый запах.

Он уже стал знакомым: стоячая вода, тина, влажное дерево.

Коул резко обернулся, но никого за спиной не оказалось. В узком коридоре было пусто, жизнь в других офисах продолжалась, как ни в чем ни бывало. Звук очередной упавшей капли раздался на этот раз совсем близко, и мужчина понял, что он идет не сверху.

Он медленно опустил взгляд на собственную обувь. По коричневой искусственной коже расплывалось темное влажное пятно.

Джон несколько раз моргнул, не сразу поняв, что именно происходит вокруг. Тетрадь, лежавшая прямо перед ним, была исписана. Рука с зажатой в пальцах ручкой зависла над страницей, собираясь продолжить что-то, чего мальчик никак не мог понять. Строчки шли ровные и аккуратные, как обычно. Почерк был его, без сомнений. Только вот он в упор не помнил, как это писал.

Джон медленно поднял голову.

В кабинете истории почти ничего не изменилось: учитель что-то бормотал у доски, кто-то тихо переговаривался на задних партах, за окном лениво покачивались ветки. Всё выглядело пугающе повседневным.

Только вот изнутри было неуловимо не так.

— Ты чего? — тихо спросил Ди, сидящий рядом.

Джон потерянно посмотрел на друга: его очки съехали на кончик носа, но он не поднимал их, как это случалось обычно. Казалось, что еще чуть-чуть – и они упадут прямо на крашеную парту. Ди помахивал кончиком карандаша из стороны в сторону, не отрывая ладони от стола. Его взгляд неторопливо, но с осторожностью переместился с учителя на Харриса.

— Что? – спросил Джон, все еще выглядя полностью растерянным.

— Снова, — нахмурившись, шепнул блондин. — Сидишь и бормочешь под нос. А сейчас привлекаешь к себе внимание своим странным поведением.

— Я? — Харрис моргнул и попытался сглотнуть через неожиданно сухое горло.

Ди полностью повернулся к другу и, приподняв одну бровь в недоверии, пробежал взглядом по темным волосам и вниз, по самым рукам.

— Правда. Ты меня сегодня очень. Очень. Пугаешь.

Джон медленно опустил глаза обратно в тетрадь. Ему не хотелось прямо сейчас расспрашивать товарища о том, что он имеет в виду и как они оказались на уроке, который должен быть последним сегодня. Тем более, как прошел целый день, и оказался полностью вырезанным из памяти Харриса.

На полях, сбоку от аккуратного текста, шли неровные линии. Не просто каракули — скорее повторяющиеся штрихи, напоминающие не то орнамент, не то схематичные знаки. Мальчик задумчиво провел по ним подушечкой пальца и почувствовал канавки на листке от того, как сильно давили на ручку.

Ди слегка покачал головой, отчаявшись понять и отвернулся. Джон тоже взглянул на доску, но ни таблицы, ни голос учителя не смогли вернуть его в колею. Мысли расплзлись, не цепляясь ни за что.

В голове было странно пусто и одновременно — тяжело. Как будто память скрыла что-то важное.

После непривычно оглушительного звонка, отдавшегося болью в висках, Джон дернулся и понял, что остаток урока сидел, не двигаясь.

Ди уже стоял рядом, закинув сумку на плечо, и внимательно смотрел на него.

— Ты идешь? Или снова будешь зависать? — Спросил он, и не ожидая ответа, направился к выходу.

Джон кивнул в пустоту и поднялся. Ноги механически слушались, но в теле появилась какая-то чужая тяжесть, похожая на долгую и изнурительную пробежку.

Они вышли в коридор вместе с остальными. Шум, шаги, голоса — всё шло своим чередом, но еще никогда так не раздражало Харриса, как сейчас.

Ди молчал почти до самой лестницы, но потом всё-таки не выдержал. Он аккуратно тронул друга за локоть.

— Что с тобой было с утра? Понимаю, что ты не хотел вдаваться в подробности, потому что начались уроки и ты углубился в них, но сейчас то уже можно сказать? Или ты просто не хочешь со мной говорить.

Джон замедлил шаг.

— В смысле? Когда?

— Когда мы были во дворе перед занятием у Линдетт. Ты стал странно себя вести: резко поменялся, перестал со мной говорить, все оглядывался по сторонам и бормотал под нос. Иногда замирал и принюхивался, как какая-то собака. Ты решил надо мной подшутить? После того случая во дворе?

Джон открыл рот, чтобы ответить — и замер. В голове вспыхнула короткая картинка: столовая, шум, кружка, хриловатый крик Оливии Линдетт, собирающей детей перед теплицей... и всё. Все после — пусто и тихо.

Ди хотел еще что-то сказать и даже улыбнулся, но запнулся, всматриваясь в лицо Джона. Уголки его губ съехали обратно вниз.

— Ты вообще это помнишь? — охнул он, догадавшись.

Джон сглотнул. Внутри неприятно потянуло и неожиданно разболелся затылок.

— Извини. Не знаю, что со мной творится. Возможно... Мне просто нужно выспаться.

Ди медленно опустил свою руку, дав Харрису свободу. Последние слова повисли между ними грозовой тяжелой тучей.

Уже после вечерних процедур, сидя в кровати и спрятав босые ноги под теплое одеяло, заботливо подготовленное старостой в их отсутствие, Джон начал ощущать недомогание все сильнее.

Ноющая и тянущая боль в задней части головы стала перерастать в обруч, будто кто-то осторожно сжимал голову кипящими ладонями. Неприятные ощущения накатывали волнами. Короткими, но резкими. Каждый раз, когда он моргал или пытался сосредоточиться, они отзывались глубже.

Харрис несколько раз приложил ладонь ко лбу, поморщился, но не стал жаловаться. Лишь улегся поудобнее и спрятал руки в тепло.

Ди с тревогой проследил за выражением его лица.

— У тебя болит голова? — спросил он, когда уже раздался голос дежурного, предупреждающего о скором отбое.

Джон отмахнулся, но отвернулся от друга, обхватив подушку.

— Пройдёт.

Ди сел в кровати, упёршись локтями в колени, и прикрыл глаза.

Мир слегка покачнулся буквально на секунду. Он уже подумал, что тоже сегодня невероятно устал. Между делом вспомнил, что раньше никогда не замечал за собой усталости или болезней.

И в этой секунде что-то снова сдвинулось. Или произошло.

Тишина стала глубже, тело — легче, а потом...

— Джон?

Ди резко распахнул глаза. В комнате стелился полумрак, освещаемый светом директорского прожектора, и окутывал края мебели. Харрис молчал.

Слишком много странного за один день.

Через несколько минут дыхание Джона стало ровнее. Он крепко уснул.

Ди подождал ещё немного и тоже лёг, не сводя с друга взгляда. Что-то еще было определено необычное и непривычное сейчас и прямо в этой комнате. Мальчик покрутил в руке очки и прищурился: ему показалось, что глаза в это мгновение стали видеть предельно четко.

По комнате прошелестел легкий ветерок. Ди медленно приподнялся на локте. Джон лежал все в той же позе и тихонько похрапывал. Через слегка приоткрытое окно луна танцевала на колыхающейся занавеске.

Ди поднялся, чтобы закрыть створку. Оказавшись на свету, он заметил, как контуры его фигуры... Мальчик моргнул. Наверняка показалось. Окно с треском плотно закрылось и щелкнуло. Ди уже собирался лечь обратно, когда ощутил это снова.

На этот раз изнутри. Странная легкость, похожая на облегчение после долгого трудового дня. Мышцы в ногах и руках расслабились, по спине пробежала приятная дрожь.

Ди медленно сел на край кровати и посмотрел на свои ладони так, словно видел их впервые. Они были на месте, но вот ощущения...

После прикосновения пальцем к запястью, они прошли. Но само ощущение от касания произошло с задержкой в долю секунды. Достаточно, чтобы Ди заметил и достаточно, чтобы в груди все похолодело.

— Что происхо... — прошептал он, но обрывок слова застрял в горле.

Контур ладоней дрогнул. Как рябь по воде спокойного озера при порыве ветра. Ди замер, боясь даже вдохнуть. Его глаза испуганно округлились. Кожа очень плавно и неторопливо меняла сначала свой цвет, а затем и свою форму, расплываясь подобно горячему воску, стекающему по боку свечи.

Мальчик хотел закричать, но изо рта донеслось только тихое шипение. Он отчаянно посмотрел на мирно спящего Харриса, который не видел, что происходит, а отвернувшись мирно сопел.

Ди крепко зажмурился, боясь снова посмотреть вниз, на свои руки, как вдруг, сквозь плотно сомкнутые веки услышал вой. Негромкий, скорее как зовущий. И он был совсем рядом. Под окном? Нет. Оно заперто. Ди показалось, что тяжелое дыхание пасти с высунутым языком уже обжигало его трансформирующиеся колени. Ноги растягивались в незнакомой фигуре, а лицо осунулось, а затем вытянулось вперед.

Глава 10

Коридор тянулся длинной, почти безжизненной змеей, сверкая чешуйками в виде нехитрых алюминиевых люстр и полосок проводов по карнизу потолка. Приоткрытую на треть входную дверь припирал довольно крупный валун. В неярком пасмурном солнечном свете виднелись песчинки песка и земли по краям плитусов крашеного коричневого пола. Сквозняк лениво гулял от вертикальной полоски с серым небом и кусочком ступеней, к деревянной лестнице на второй этаж, цепляя за собой легкий скрип старых облупленных рам и чуть слышный шорох занавесок. Где-то в глубине здания хлопнула дверь и щелкнула железная задвижка.

Комнаты учебных классов стояли открытыми, чтобы проветриться. Пустые парты, чистые доски, аккуратно сложенные мелки в сером металлическом желобке. В одном из кабинетов на углу учительского стола страницы раскрытой тетради слегка подрагивали от движения воздуха. На пол упал косой луч, разбиваясь о ножки стульев и вытягиваясь длинными полосами. Немного непривычная тишина и отсутствие будничных мелочей создавали впечатление вымершего мира.

Столовая отличалась. На весь этаж она сейчас была самой обитаемой и оживленной.

Несколько старшеклассников заняли самый дальний стол, сдвинув к нему стулья от других, и теперь, навалившись плечами друг на друга, слушали музыку с маленького плеера. Попсовая незамысловатая мелодия с дурацким текстом окутывала помещение и делала его уютным. Двое склонились над гаджетом, Эван Парси отстукивал ритм пальцами по столешнице, прикрыв глаза и покачивая головой. Время от времени раздавался приглушенный смех, слишком громкий для полупустого дома. Чашки с нетронутым чаем остывали рядом, под рукой, оставляя на своей поверхности тонкую пленку.

Возле окна, почти у самых дверей на задний двор, двое младших играли в настольную игру, расставив красные фишки на потрепанном поле. Они старались спорить шепотом, чтобы не раздражать взрослых, но так увлеклись, что не замечали ничего вокруг. На подоконнике лежала перевернутая коробка с деталями, из которой высыпались цветные кубики и картонные карточки.

Телевизионная комната — небольшое помещение, переделанное из старой ученической спальни — жила своей отдельной жизнью. Экран таинственно мерцал голубоватым светом, показывая то ли старый фильм, то ли передачу. Несколько воспитанников растянулись на диванах и прямо на полу, подсунув под голову подушку. Звук был убавлен почти до минимума. Доносилось глухое бормотание и редкие всплески музыки. Иногда яркие вспышки озаряли внимательные лица и скакали по стенам северным сиянием. В дальнем углу сидел староста и иногда поглядывал в сторону светлого прямоугольника дверного проема.

Стеллажи библиотеки неподвижно высились над серым каменным полом, некогда уложенным подобием брусчатки. Сквозь пыльное стекло высокого окна, находящегося над человеческим ростом, день освещал скужающие книги. На столе недавно прибрались перед выходными — ненужные бумаги убрали в секретер, а карточки перекечевали в специальные деревянные ящики, подписанные буквами алфавита.

Теплица во дворе корпуса отдыхала от детских глаз и рук. Стекланные панели рассыпали тусклое солнце по влажной земле и рядом зеленых листьев, насколько это было возможно, учитывая то, что стекла покрывала запотевшая пленка и крупные капли. Такие же медленно скатывались по стеблям. Шуршание системы орошения убаюкивало усталый слух. В душном спертom воздухе пахло удивительно свежо. Пробивались сладкие нотки спелых помидор, которые стеснительно краснели из-под густых изумрудных зарослей.

Из-за приоткрытых дверей второго этажа доносились обрывки разговоров. В общей гостиной включили радио. Звук был негромкий, но узнаваемый: короткие реплики, всплески аплодисментов, закадровый смех. Непривычная для будней атмосфера.

Здание жило. Но без взрослых оно казалось другим — более свободным и менее защищенным. Обычно дети проводили уикенд не только в здании: несколько мальчишек гоняли мяч по сырой желтоватой траве, оставляя на ней следы от грязной обуви.

Харви Ленс четырнадцати лет упал, вскочил почти сразу, отмахнулся от чужой руки помощи и снова вернулся в игру. Чуть поодаль, на бортике клумбы, сидели Джон и Ди, лениво перебрасываясь словами и следя за остальными.

Харрис задумался, что выходные пахнут по-другому. Ароматы и формы меняются, появляется едва уловимое, но приятно цепляющееся за память.

И именно в этот момент из-за поворота показалась машина.

Джон с бросил изучать травинки и с любопытством уставился на бело-синий фургон Шевроле, зашуршавший по гравии за ограждением. Он видел его не впервые: это аккуратный грузовичок с еженедельными продуктами и средствами первой необходимости.

Каждые выходные воспитатели и учителя исчезали из приюта. Большинство и так жили в городе и каждый вечер уезжали. Но нескольких Генри Галахер убедил нанять из соседних округов и предоставил им жилые спальни для взрослых. Тем не менее, по договоренности, они имели право покидать территорию и уезжать к себе на четыре дня в неделю, включая общий уикенд. Их предметы, такие как: биология, психология и подготовка к выпускным экзаменам занимали всего три первых дня рабочей недели.

Сегодняшний день не стал исключением. В приюте из взрослых находились повариха миссис Хайн, медсестра Тэмми Саттенс, сторож-садовник старик Милтон и директор Коул Ридс. Ради сохранения порядка в здании должен был находиться хотя бы один из трех воспитателей. Помимо Оливии Линдетт и безвременно ушедшего Кевина Нокса, работала суровая высокая женщина по имени Беатрис Купер. Она выходила на замену Оливии и в такие дни старшие перешептывались о скверном характере «дикой Бетти».

Сегодня «удача» дежурить выпала именно ей. На удивление, она спокойно относилась к досугу детей в выходные дни. Сейчас она сидела во дворе и почитывала книгу, изредка окидывая ястребиным взглядом площадку и открытые двери в столовую. Когда к воротам подкатила машина, она поднялась, поправила высокий пучок каштановых волос и, отложив книгу на скамейку, неторопливо направилась открывать.

Створки ворот лениво разошлись в стороны, пропуская фургон внутрь. Колеса мягко хрустнули по гравии, оставляя за собой две темные полосы. Двигатель заглох не сразу — сначала закашлялся, затем затих, уступив место дворовому шуму.

— Доброе утро, — спокойно произнесла Беатрис, подходя ближе.

Водитель уже спрыгнул на землю и кивнул ей в ответ.

— И вам, мисс Купер. Всё по списку, как обычно.

— Отлично, — она мельком улыбнулась, забирая бумаги. — Сразу в столовую, мальчики помогут.

Её голос звучал ровно, без лишней строгости, но в нем чувствовалась привычная власть — такая, к которой не спорят.

С пассажирской стороны открылась дверь.

Вышедший мужчина почти не выделялся. Темная рабочая куртка, простые брюки, перчатки, переброшенные через руку. Он не оглядывался и не задерживался — просто обошёл фургон и встал у задних дверей, как будто делал это уже не в первый раз.

— Давай, не тормози, — бросил водитель, открывая створки.

Мужчина коротко кивнул и первым потянул на себя ящик.

Движения были спокойные, уверенные, без суеты. Он работал наравне с остальными — поднимал, переносил, заносил внутрь. Ни спешки, ни попытки выделиться.

Столовая встретила его теплом и глухим гулом голосов.

Музыка. Смех. Перетаскивание стульев.

Он поставил коробку у стены, как и остальные, и на секунду выпрямился.

Взгляд прошёлся по помещению — быстро, почти незаметно.

Столы. Окна. Двери. Лица.

Ничего лишнего.

— Эй, сюда ещё, — окликнул один из старших, указывая на свободное место.

Он кивнул и вернулся к машине.

Второй ящик. Третий. Четвёртый.

Работа шла ровно, без пауз.

Только один раз он задержался.

Уже внутри, поставив очередную коробку, он не сразу отступил. Стоял, будто забыв, что делать дальше. Взгляд снова скользнул по комнате, на этот раз медленнее.

— Ты чего завис? — недовольно бросил парень у двери.

Мужчина чуть дернулся, словно вернулся в тело, и без слов развернулся обратно.

Снаружи воздух показался холоднее.

Двор жил своей жизнью — мяч, голоса, шаги по гравиию.

Он взял следующий ящик, но на секунду задержал взгляд.

На бортике клумбы.

Двое.

Один говорил, второй слушал, уставившись куда-то вниз.

Ничего необычного.

Он подхватил коробку и понёс её внутрь.

Разгрузка подходила к концу. Последние контейнеры занесли быстро, почти без разговоров. Водитель захлопнул створки и, потирая ладони, направился к Беатрис за подписью.

Мужчина остался у входа.

Не вмешивался, не торопился.

Просто стоял, как будто ждал.

Из столовой доносилась та же музыка, теперь чуть тише. Кто-то хлопнул дверцей шкафа. Пробежали шаги.

Он медленно перевёл взгляд во двор.

Мяч снова выкатился в сторону клумбы и остановился неподалёку.

Один из мальчишек побежал за ним, но остановился раньше, заметив рядом взрослого.

Разгрузка почти закончилась. Последние ящики перекочевали внутрь, и шум постепенно стих.

Мужчина остался у входа, словно ждал, пока всё окончательно уляжется.

Во дворе мяч снова вылетел за пределы импровизированного поля и покатился к клумбе.

Он остановился у самого края.

Мужчина подошёл, наклонился и поднял его.

Ткань была влажной от земли.

— Держи.

Мальчишка, подбежавший следом, резко затормозил и кивнул, протягивая руки. Но прежде чем забрать мяч, он невольно оглянулся через плечо.

Не на мужчину.

Куда-то в сторону.

Туда, где сидели двое.

Мужчина проследил за его взглядом.

— Играете каждый выходной? — бросил он, почти не глядя на ребёнка.

— Ну... да, — тот пожал плечами.

— Народу у вас тут немного.

— Сегодня да.

Мальчишка забрал мяч, но не убежал сразу. Переступил с ноги на ногу, будто хотел что-то добавить — или, наоборот, решить, стоит ли.

Мужчина опустил на корточки, будто просто перевести дух.

— А в комнате у вас сколько человек живёт?

Вопрос прозвучал буднично. Слишком буднично.

— По-разному, — ответил тот, уже настороженнее. — По двое... по трое.

Секунда.

Он снова бросил взгляд в сторону клумбы.

— Там двое, — кивнул он. //?????

Мужчина не стал сразу смотреть.

Сначала выпрямился. Отряхнул ладони.

Только потом повернул голову.

Один из мальчиков говорил.

Второй сидел неподвижно, уставившись вниз.

Что-то в этой неподвижности было... не тем.

— Эй! — окликнули со стороны фургона. — Подпись нужна!

//Мужчина обернулся.

И в этот момент дверь приюта открылась.

На крыльцо вышел Коул.

Он остановился, шурясь на свет, и почти сразу заметил постороннего.

Их взгляды пересеклись.

На долю секунды.

Но этого оказалось достаточно.//

Мужчина обернулся на окрик, но не сразу пошёл.

Секунду он стоял неподвижно, словно проверяя, не показалось ли ему. Потом всё же сделал шаг назад от клумбы, провёл ладонью по мячу, стирая с него влажную землю, и бросил его в сторону играющих.

Тот коротко стукнулся о ладони мальчишки и сразу же ушёл в игру.

Мужчина выпрямился.

Плечи расправились сами собой, будто по привычке, от которой он давно пытался избавиться. Пальцы автоматически прошли по шву куртки, стряхивая невидимую пыль.

Он уже собирался развернуться к фургону, когда движение у входа заставило его замереть.

Дверь приюта открылась с тихим, но отчётливым скрипом.

На крыльце появился человек.

Свет лег ему в лицо неравномерно — одна половина осталась в тени, другая на мгновение вспыхнула бледным, холодным отблеском неба. Он прищурился, привыкая к дневному свету, и задержался на пороге чуть дольше, чем требовалось.

Как будто тоже что-то почувствовал.

Их взгляды пересеклись не сразу.

Сначала — случайно.

Потом — намеренно.

Мужчина чуть наклонил голову, словно пытаясь поймать ускользающее воспоминание. Взгляд стал цепким, внимательным. Он сделал шаг вперёд.

Ещё один.

И вдруг остановился.

Лицо изменилось резко, почти болезненно — как если бы память ударила не мягко, а с размаху.

Глаза расширились.

Губы приоткрылись, но слова застряли где-то на полпути.

Он всматривался, уже не сомневаясь.

— ...Коул? — выдохнул он почти беззвучно.

Пауза.

Имя, которое давно не звучало вслух, повисло между ними, как что-то чужое и одновременно до боли знакомое.

— Коул Ридс?

Глава 11

— Как же я не люблю это место.

Майк появился внезапно, как всегда: скрипнул стул напротив, потом на стол почти с грохотом легли чужие руки, только затем раздался голос, нарушаемый выстроенную Коулом тишину.

Молодой парень не сразу поднял глаза. Он спокойно и почти безразлично закончил строку, аккуратно поставил точку и только после этого чуть отодвинул от себя тетрадь.

— Это взаимно.

Майкл Хейл откинулся на спинку и огляделся с почти безразличным видом. На нем красовалась зеленая спортивная куртка с эмблемой футбольного клуба университета. Он важно постучал ногтями по столу, а затем резко подался вперед, сложив руки перед собой и практически улегшись на них.

— Да тут же воняет стариками и радикулитом. И девчонок классных нет. — Майк покосился на студентку в очках и с косичками за соседним столом. — И как вы сюда вообще возвращаетесь?

— Мы не «вы», — спокойно поправил Коул. — Я сам по себе.

— Еще хуже.

Хейл раздраженно фыркнул, а затем, осмотревшись по сторонам, понизил голос, словно планировал рассказать что-то секретное.

— У меня экзамен, чудик.

— Поздравляю. — Коул равнодушно придвинул тетрадь обратно к себе и уже занес ручку над страницей.

— Я ничего не знаю.

— Ни капли не удивил.

Хейл хмыкнул, но не обиделся.

— Как бы мне ни было это говорить, но ты снова нужен мне.

Коул замер, прикидывая, стоит ли вообще тратить время. Его рука опустилась на стол, и он кивнул.

— Сколько у тебя есть?

— Мало.

— Насколько?

— Настолько, что я пришел в это жуткое место добровольно.

Коул мягко усмехнулся и скрестил на груди руки.

— Видимо, уже сегодня. Хорошо. Мне нужно имя преподавателя, предмет и все твои конспекты за семестр. Хотя... Какие у тебя могут быть конспекты. Ладно. Принеси свои учебники и пособия.

— Есть, шеф. — козырнул Майк. — Я твой должник.

— Да-да, как обычно, — улыбнулся Коул и вернулся к своим занятиям.

Его ручка скользнула по бумаге, оставив за собой линии красивого четкого почерка.

Стены студенческой библиотеки заплескались, превращаясь в нечто бесформенное и абстрактное, столы растеклись по полу, а книги взмыли в воздух, оставляя за собой разноцветные полосы корешков. Пространство дернулось несколько раз, превращаясь в ритмичную пульсацию. Раздался глухой и резкий звук, становящийся все громче.

Вскоре от прежних очертаний учебного заведения не осталось ни следа, а обстановка начала напоминать взрыв радуги среди черных скал.

Музыка. Она была в виски так, что все тело пронизывала вибрация басов из огромных колонок. Толпа людей напоминала единый цельный организм,двигающийся горячей струей.

Коул чувствовал себя в ней лишним. Непривычная атмосфера чужой ночной жизни, к которой он не имел никакого отношения.

— Ничего не выйдет, я уйду! — крикнул он прямо Майку в ухо, стараясь перекрыть грохот.

— Не дури, — уверенно похлопал Хейл тяжелой рукой приятеля по плечу. — Ты же всю жизнь мечтал их увидеть!

Коул сморщился и потер то место. Он вспомнил, как всю юность обожал группу, которая должна была выступить буквально через полчаса, после «разогрева». Этот концерт в рамках тура мог стать его первой и даже единственной возможностью увидеть кумиров своими глазами, но стоимость билетов оказалась слишком непосильной для кармана студента-бюджетника.

— Два охранника прямо по курсу, — крикнул Ридс, — еще двое слева, за кулисами. Перед сценой их вообще с десятков!

— Я вижу. — захохотал Майк и замахнулся, чтобы снова ударить друга по плечу.

Коул отстранился, и ладонь смеющегося парня рассекла воздух прямо возле него.

— С каждой минутой я все больше жалею, что согласился на твою авантюру.

Ридс покачал головой и с осуждением, но и с улыбкой посмотрел на товарища. Хейл пожал плечами, будто это было пустяком.

— И тем больше я хочу продолжить, дружище.

Парень уверенным шагом направился прямо к закулисной рампе, где стоял бородастый монтажник с бумажным планшетом. Перед Хейлом действительно расступались, и Коул шел следом, не понимая, как это вообще работает. Наглость в выражении лица или твердая походка?

— Стой, — коротко бросил Майк у бокового входа.

Охранник в бронежилете поднял взгляд лениво оглядев двух парней перед ним.

— Прохода нет.

— Не для нас, — легко отозвался Хейл и помахал у него перед лицом двумя ламинированными пропусками. — Мы VIP гости.

— Цветом ошибся, салага.

Секьюрити злобно ухмыльнулся и вытащил из кармана почти такое же приглашение. Однако, оно было желтого цвета, а у Майка - красного.

Коул также заметил, что оригинальная квадратная печать у Хейла синела нечетким кругом. Его лицо покрылось пятнами, и он раскрыл рот для извинений, но безбашенный Майк уже крепко схватил ботаника за запястье и рванул вперед.

— Тогда бежим.

Ридс даже не понял, в какой момент они двинулись с места. Только почувствовал, как тело рванулось вслед за рукой, мир вокруг дернулся вместе с ним, а за спиной раздался крик.

В следующее мгновение он просто стремительно волочился сквозь плотную стену зрителей в неизвестном направлении. Хейл не отпустил его даже тогда, когда Ридс зацепился за кого-то и чуть не упал, согнувшись пополам.

Через какое-то время Коул присел на корточки, переводя дыхание. Людей стало немного меньше, но музыка еще громче.

— Идиот. — выдохнул Ридс, пытаясь успокоить бешеную пульсацию в висках и ногах.

Хейл только усмехнулся и ткнул пальцем вперед.

— Зато теперь ты здесь.

Коул посмотрел туда, куда он указал. Улыбка сама по себе растянулась по всему лицу. Яркий свет сцены ударил в глаза, откуда объявили следующее и основное выступление.

Папа волнительных секунд — и все распалось на вспышки, потоки и затемнение.

Следом наступила тишина. Такая оглушительная, после пары мгновений до.

Из темноты вырвался тусклый круг фонарика и скользнул по сумрачному коридору, упав в конце концов на сердцевину дверного замка.

— Мне это не нравится, — тихо проворчал Коул, облокотившись на стену у дверей учительской и поглядывая по сторонам. — Не пробовал просто учиться лучше?

— Это же так скучно, — в тон шепотом ответил Хейл.

— Если повезет, то нас исключат.

— Меня — да. Тебя — вряд ли. Ты получаешь слишком высокие оценки.

— Ты мог бы тоже, если бы захотел, вместо того чтобы нарушать закон университета сейчас.

Коул закатил глаза и стал разглядывать свои ногти.

Хейл что-то невнятно пробормотал. Внезапно замок щелкнул, и парень уже собрался открыть дверь, но Коул остановил его как раз, когда тот уже почти повернул ручку.

— Подожди. Тихо.

Он вытянул голову вбок, за спину друга, в коридор, где вдалеке появился секретарь.

— Вдруг он сюда же? Попробую отвлечь. У тебя десять минут максимум.

Хейл вскинул брови и быстро обернулся.

— Валяй, я быстро.

Коул торопливо зашагал навстречу мужчине, и в его голосе вдруг появилась уверенность, которой не было раньше.

— О, я как раз вас и искал. Можно вопрос? Я хотел уточнить один момент по распределению часов...

Секретарь вежливо поздоровался и остановился. Хейл, не теряя ни секунды, скользнул в учительскую.

Внутри было тихо, приглушенный свет с улицы и с коридора падал на стены. Стол, журналы, открытый ящик.

— Давай... — пробормотал Майк, быстро перебирая листы и папки.

Снаружи голос Коула становился все увереннее, в слова сложнее и запутаннее.

— ...если брать за основу метод Блумена, то выходит несоответствие...

— Мистер Ридс, — устало перебил секретарь, — чего от меня конкретно вы хотите?

Глаза Хейла остановились на нужной странице. Он резко вытащил из кармана джинс авторучку и от напряжения аж высунул кончик языка. Всего несколько цифр в паре строчек.

Звук тяжелых шагов приблизился к двери. Хейл в панике захлопнул журнал и засунул его в середину стопки, откуда примерно и взял его. Не обернувшись, он едва успел залезть под стол.

Коул вошел внутрь, почти не глядя на него.

— Ну? Как успехи?

— Теперь я прохожу, — тихо усмехнулся Хейл.

— Напомни мне больше не разговаривать с этим болваном впредь.

— Обещаю. — тихо засмеялся Майк и выйдя прямо к дверям потянулся, чтобы в шутку обнять друга.

Они переглянулись и рассмеялись.

Раздался щелчок. Где-то рядом захлопнулась дверь.

Коул моргнул. Поначалу ему даже показалось, что они все еще стоят в университетском крыле и молодой задорный Хейл вот-вот хлопнет его по спине в знак ободрения. Скрип гравия и далекий детский смех вернули мужчину в реальность.

Имя прозвучало так же резко, как тогда хлопнула дверь учительской.

— Коул?

Директор стоял на крыльце, щурясь от дневного света, и смотрел на мужчину перед собой так, стараясь совместить два разных человека в одном. Веселого балагура вечно в своей любимой спортивной куртке университетской команды «Зеленые быки» и заметно постаревшего грузчика в грязной рабочей куртке, с пылью на плечах и сжатыми кулаками.

— Коул!

Окрик прозвучал уже раздраженно, но в нем все еще оставалась та же нотка — почти забытая, но знакомая до теплых мурашек. Брови Ридса дернулись вверх, и на лице отразилось нечто между удивлением и недоверием.

— Майкл Хейл? Майк?

Имя прозвучало странно и необычно для такого места, как показалось директору на первый взгляд. Оба мужчины замерли. Двор продолжал жить своей жизнью — мяч снова ударился о землю, раздался звонкий девчачий визг, в стороне хлопнула дверь фургона.

— Черт... — выдохнул Хейл, коротко усмехнувшись. — Очень неожиданная встреча. Точнее, неожиданное место.

Коул покачал головой с легкой улыбкой и бегло окинул взглядом старого друга с головы до ног.

— Это точно. Как ты оказался тут и в такой одежде? Тебя выперли со службы?

Хейл задумчиво обернулся на Шевроле, как будто забыл на чем он приехал.

— Работаю, — коротко ответил он и кивнул на фургон.

Коул опустил взгляд на его руки, на куртку, на следы грязи, а затем перевел его обратно на лицо.

— Не подходящая для тебя работенка. Не вяжется с воспоминаниями о том, каким ты был в те годы.

В голосе Ридса слышалась откровенная насмешка, но не злая, а скорее ностальгическая и добрая. Но Майкл стал заметно нервничать и поглядывать в сторону здания. Он еще пару раз сжал и разжал кулаки, а затем стремительно приблизился к директору.

— Ты работаешь тут? На Галахера?

Коул немного опешил от этих слов. Он просто коротко кивнул. По его поменявшемуся лицу и искренне удивленным глазам, Хейл понял, что его друг даже с годами так и остался ведомым ботаником. Тогда он расслабил руки и спокойно пробормотал:

— Я был бы рад поболтать с тобой и вспомнить старые годы, если не против. Только не сейчас и не тут. Нужно ехать.

Он не глядя махнул рукой в сторону грузовика. Коул понимающе кивнул, хотя его уже почти распирало узнать, как Майк жил все эти годы, как очутился на такой грязной работе и откуда, черт побери, он знает про Генри Галахера.

— Давай встретимся. Завтра. Надеюсь, в воскресенье ты найдешь для меня пару-тройку часов?

Раздался окрик водителя. Хейл нервно обернулся и махнул рукой. Затем быстро достал из кармана ручку и небрежно написал на запястье озадаченного директора номер телефона.

— Позвони вечером, — бросил он уже направляясь к машине.

Бело-синий фургон заурчал двигателем и вскоре тронулся в сторону ворот, у которых стояла миссис Купер. Ридс задумчиво проводил взглядом машину, пока она не скрылась из виду, оставив слабое облачко пыли, и только потом медленно опустил глаза на корявые цифры темнеющие на его коже.

Глава 12

Коул растерянно стоял на крыльце, впитывая немногочисленные солнечные лучи и размышляя о необычности встречи. Кожа еще ощущала, как на нее совсем недавно давили шариковой ручкой. Он опустил глаза на синеющие кривоватые цифры.

- Майкл Хейл, - тихо усмехнулся директор, пряча руку в карман, - ну надо же.

Он покачал головой и скрылся в недрах темного здания.

Джон внимательно проследил за тем, как Ридс исчез. Его глаза сосредоточенно следили за каждым движением во дворе. Ди уселся на корточки, делая вид, что превратился в исследователя грязи, но на самом деле украдкой и с тревогой наблюдал за другом. Он видел, как его друг с опаской взглянул на незнакомца. Как раз в тот момент они обсуждали спортивные карточки, как вдруг Харрис уставился на нового грузчика.

На какое-то время Джон, казалось, выпал из реальности и стал вести себя подобно хищнику на охоте в жаркой саванне. Ди поежился, вспомнив то его выражение лица. С того момента и до сих пор Джон вел себя молчаливо и тревожно.

- Дружище, - хрипловато спросил мальчик и надел очки, которые держал до этого в ладошке, - Тебе не кажется, что нам пора вернуться в спальню и отдохнуть? У тебя такой вид, будто ты вот-вот снова хлопнешься в обморок от перенапряжения. Может, тебе стоит выпить тех таблеток, что выписала мисс Саттенс?

Джон качнулся и уставился на Ди холодными темными глазами. Свет скользнул по радужкам так, что показалось, словно они стали черными, сливаясь со зрачком в одну бездонную яму. Друг отшатнулся и чуть не свалился на землю, вовремя уперевшись в выставленные назад ладони.

- Да что с тобой?

Ди не удержался и коснулся Харриса. Сначала один пальцем, а затем, набравшись уверенности, сжал его ладонь своей. В этот момент Джон вздрогнул всем телом и часто заморгал от солнечного света. Глаза пришли в норму и приобрели свой родной оттенок серого осеннего неба в голубоватыми вкраплениями. Он растерянно покрутил головой по сторонам.

- Я что-то пропустил?

- Снова, - вздохнул Ди и снял очки.

Последние пару дней он заметил, что без них иногда стал даже лучше видеть, что было очень странно, ведь сколько он себя помнил, ни разу не снимал их за исключением сна или купания. Он повертел их и осмотрел со всех сторон, впервые разглядывая, как чужую вещь.

Джон закашлялся и схватился за голову.

- Ужасно болит, - чуть ли не заплакал он и опустился на скамейку, продолжая сжимать пальцами виски.

Ди обеспокоенно нацепил очки обратно и присел рядом, заглядывая другу прямо в лицо.

- Может быть, снова в санчасть? Или позвать ее сюда?

В ответ мальчик лишь отрицательно замотал и без того раскалывающейся головой.

- Ты прав. Пойдем в спальню, я хочу прилечь.

Ди серьезно кивнул и пропустил Харриса вперед.

Уже подойдя к столовой, мальчики оба резко повернулись на шум авто, подъехавшего к воротам. Никто не планировался приехать в такое время субботнего дня в отдаленный детский приют, поэтому они были удивлены, увидев блестящий и недешевый минивэн белого цвета. Он дважды и коротко по-хозяйски посигналил. Дикая Бетти выглянула из окна, вытирая руки о влажное полотенце. Ее лицо выражало смесь недовольства и легкого удивления.

Она молча кивнула старику Милтону и тот заторопился открыть. Джон нахмурился и убрал ногу со ступеньки, на которую собирался подняться. Ди напряженно перевел взгляд с друга на машину, из которой почти вальяжно вышел худой высокий мужчина, похожий на птицу типа журавля или аиста.

У него оказались тощие длинные ноги, одетые в обтягивающие джинсы, сверху красовался клетчатый свитер, что также не скрывал худощавого телосложения. Руки походили на ветки дерева. Темные волосы подстрижены как «по стандарту», ничего примечательного в остальном. Но глаза... Его взгляд «летал и порхал», как сканер по лицам, предметам. Наконец он задрал голову, осмотрев фасад до самой крыши и фыркнул.

От такого зрелища Купер замерла и возмущенно вздернула брови.

- Вы еще кто такой? – громко спросила она, не смущаясь своего тона перед незнакомым.

Мужчина повернул голову к ней и изобразил легкое почтение.

- Дэниел Крейн. Новый преподаватель. Вас не предупреждали о моем приезде?

Он даже слегка поклонился, то ли как издевательство, то ли действительно в знак почтения. Голос нового учителя оказался звонким, но негромким. Каждое слово чеканилось, разве что, не оставляя впечатлений в воздухе. Слоги и буквы скакали подобно перекаченному резиновому мячику, перекачивались в его устах. Невозможно было не услышать или не понять хоть что-то в его пугающе острой речи.

Даже бывалая Беатрис поежилась, как только он произнес первую фразу, отделив ее от остальных, почти визуальной точкой. Женщина дернула плечом и с размаху закинула полотенце на свою шею.

- Мистер Ридс сказал, что вы прибудете завтра, к началу учебной недели.

- Ну зачем же ждать? – обнажил Крейн ряд острых белых зубов. – Мне ведь нужно оглядеться, ознакомиться с обстановкой и людьми.

Сказав это, он просто направился в сторону входа большими твердыми шагами. На крыльце Дэниел опустил голову и задержал взгляд на Харрисе буквально на несколько изучающих секунд. После повернулся и зашел внутрь.

Джон испытал смесь непонятных ему эмоций и чувств. Ему померещилось, что вокруг нового учителя струится черный как смола дым, но не мог это доказать. Он даже оглянулся на Ди и других детей, играющих во дворе, чтобы проверить: вдруг кто-то из них тоже заметил странности. Но увы. Никто даже не смотрел на то место, где всего минуту назад стоял новоиспеченный сотрудник приюта.

- Ты почувствовал что-то нехорошее в нем? – догадался Ди и проследил взглядом за Крейном, который топтался в столовой и представлялся старшим воспитанникам.

Джон мрачно кивнул.

Коул сидел в своем кабинете и вертел в руках листок с переписанным номером телефона, когда услышал оживление на первом этаже. Что-то явно происходило. Ведомый любопытством и слабой тревогой, он спустился вниз. В коридоре появился новый аромат, казалось отбивавшийся от остальных, и никак не желавший смешиваться. Одеколон или эфирное масло? Возможно, что-то между. Ноздри Ридса раздулись и расслабились.

Из столовой послышался незнакомый мужской голос. Он прозвучал вкрадчиво, как ядовитая змея. Коул замер у косяка.

- Вот и мистер Ридс, - Крейн улыбнулся, но его глаза остались ледяными, - Дэниел Крейн к вашим услугам.

Директор немного растерялся. Он уже успел позабыть о том, как накануне его предупредили по телефону о прибытии нового преподавателя по ОРКСЭ. В тот момент Коул еще поду-

мал о том, что это ненужная трата средств, так как предмет не особо полезный для будущей взрослой жизни.

Теперь они стояли лицом к лицу, такие два разные мужчины с разными взглядами. Крейн почувствовал неловкость, повисшую между ними и остальными с любопытством наблюдающими за ними, и увлек директора в коридор.

- Я так понимаю, ваши ученики не приверженцы определенных религиозных взглядов?
- Холодно произнес новый учитель, оттачивая каждое слово. – Надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество и отсутствие препятствий моим методам воспитания.

Коул уже открыл рот, но худой человек не дал сказать ни слова, неприятно улыбнувшись ему:

- Мастер Галахер дал очень неплохие рекомендации на счет этого учреждения. Знаете ли, я не из тех людей, кого легко уговорить на работу с трудными подростками. Я подчеркиваю, что буду занимать тут особое место со своими правилами и требованиями.

Коул прикусил язык. Человек Галахера – это не тот, с кем рекомендуется ругаться. А этот явно прислан самим меценатом с определенной целью. Он буквально съежился, вспомнив недавний кошмар с Томпсом и звонок в полицейском участке. А вдруг его прислали следить за ним, Коулом? Чтобы он не начал копать, как старина Бриджер в свое время?

Очень много вопросов, на которые никто не мог дать ему ответ. Более того, самое печальное оказалось то, что директору даже не с кем было поделиться своими мыслями или предположениями.

Так вышло в жизни Коула Ридса, что судьба не подарила ему семью, которая бы могла заботиться о нем, как и он в ответ. Родители умерли очень давно, когда тот был еще подростком лет одиннадцати. После он жил с тетей и дядей, увлекся книгами, отлично учился и успешно поступил на отделение педагогики. После университета ему не очень везло с девушками, а единственная, которая была ему небезразлична провела с ним всего год, после чего погибла в пожаре.

Убитый горем, Коул больше не поверил в чувства и не желал повторения мучений, а потому уединился и давал частные уроки отстающим студентам в маленьком кабинете при закрытой школе. Где его и нашел Генри Галахер, предложивший поработать преподавателем в приюте-интернате. Коулу сразу понравилось расположение нового рабочего места – подальше от города и его страстей. Еще больше понравился оклад: зарабатывая столько в год, он смело мог откладывать себе на безбедную старость где-нибудь на райских островах.

Возможно, проведя столько лет в эмоциональном одиночестве, он разрывался от противоречивых чувств после встречи со старым и единственным другом из университета, Хейлом. Но сейчас, столкнувшись нос к носу со странностями, менявшими его размеренную спокойную жизнь, с мистикой, загадками и тайнами... Майк случайно оказался единственным человеком, с которым Коулу больше всего на свете сейчас хотелось встретиться и вывалить все, что накопилось в голове.

- Мистер Ридс?

Резкий и нетерпеливый тон Крейна вывел директора из череды размышлений. Он судорожно мотнул головой.

- Извините. В последнее время мигрени...

Он хотел продолжить, но внезапно осознал, что головных болей уже не было довольно давно, хотя он не принимал таблетки. Коул задумчиво уставился на лестницу.

Дэниел звонко цокнул языком.

- Как я вижу, мои уроки могут пригодиться не только детям.

Он укоризненно покачал головой и вздернул подбородок в сторону второго этажа:

- Предполагаю, моя комната там.

Ридс рассеянно кивнул и жестом пригласил мужчину пройти наверх первым.

Позже, когда солнце неумолимо скатилось вниз, а двор опустел, в полутьме пустого коридора Джон тихонько прокрался под лестницу и присел на корточки так, чтобы было видно, что происходит вокруг. Ди потоптался рядом, с тревогой огляделся и, не найдя другого выхода, опустился позади.

В просторном и старом здании стоял уютный домашний гул. Из столовой продолжали доноситься веселые голоса и негромкая музыка, сменившаяся на подобие рекламных мелодий. Слышался звон посуды, оставшейся после ужина. Харрис ощутил, как шевелятся его уши, словно локаторы, улавливающие тонкие сигналы. Ему показалось, что его тело стало легким и совсем чужим, но это не пугало его. Наоборот. Даже давало какое-то странное облегчение. Он поднял голову вверх.

Со второго этажа, среди девчачьего смеха и фальшивого пения из душа, он уловил другой звук. Тревожный. От которого все его существо плотно сжалось. Вначале мальчик даже не понял, что это именно был за сигнал. Но вскоре звук усилился и стал приближаться. Шаги. Это оказались тихие, легкие, но в то же время четкие шаги с постукиванием. Можно было представить, как по деревянным давно не крашеным полам гордо идет высокая цапля, касаясь поверхности острыми тонкими когтями.

- Что там? – шепетом спросил Ди, втягивая голову в шею, как черепаха.

Он ничего не видел, но чувствовал, как незнакомый страх сковывает его конечности, заставляя дышать как можно тише и медленнее. Каким-то образом он понимал, что Джон сейчас не только в безопасности, но и в более неуязвимом состоянии, чем когда-либо. И это не было связано с тем, что они притаились под лестницей. Ди показалось, что он услышал отчетливый, но далекий вой. Он резко повернул голову в сторону приоткрытых дверей на улицу, но никого не увидел.

Харрис не двигался. Он прикоснулся кончиками пальцев края ступени и смотрел вперед. Наконец, на первый этаж медленно спустился Дэниел Крейн. Он зачем-то провел ладонью по перилам и рассмотрел ее на предмет пыли. Затем принялся. Не найдя ничего интересного, он сложил руки за спину и зашел в один из классов.

Отметив что-то про себя, новый учитель вышел обратно в коридор и зашел в следующий кабинет. Так он повторил, пока не добрался до недавно убранного класса ОРКСЭ. Крейн пару раз коротко дотронулся ручки, как если бы проверял, не горячая ли она. После зашел внутрь и остановился прямо посреди комнаты.

Внутри царил порядок. Принадлежности Кевина Нокса тщательно собрали со всех полок и уголков и отнесли в архив, оставив лишь несколько старых плакатов с изображением религиозных обрядов. Они лежали скрученные и стянутые офисной резинкой на одном из стеллажей. Учительский стол пустовал. Крейн глубоко вдохнул: в воздухе все еще витал очень слабый аромат ароматических палочек или подобия эфирного масла.

У дверного проема со стороны коридора показались две невысокие макушки. Они замерли прямо у косяка приоткрытой двери.

- Тут явно необходима моя рука и мои методы воспитания. – Спокойно и звонко произнес Дэниел в пустоту класса, словно он был полон учеников. – Это пространство ждут большие перемены.

Ди испуганно ойкнул и зажал рот рукой: плечо Харриса, за которое он осторожно держался, зашлось крупной дрожью или тряской. Со спины он не мог понять: то ли его друг беззвучно смеется, то ли у него приступ судорог. Ди неосознанно сделал шаг назад и распахнул глаза. Джон Харрис, обычный сирота и тринадцатилетний воспитанник приюта-интерната сейчас стоял к нему спиной, трясся от эмоций и менял форму своего тела. Он растягивался то вверх, то в стороны, то растекался вниз, к полу.

Глава 13

Крейн прищурился, вслушиваясь в каждый звук приюта. Сомнений не было – за дверями кто-то явно прятался и следил. Всего в несколько широких шагов он преодолел треть класса и оказался у косяка. В коридоре он нос к носу столкнулся с Джоном, который внимательно уперся расширенными зрачками прямо в его лицо. Крейн уже ожидал гостей, но не с таким выражением лица. Оно казалось нездоровым и даже... Пугающим. Хотя Дэниел не думал, что что-то может его так растревожить.

Харрис не моргал. А может быть, моргал, но одновременно с мужчиной, поэтому он не мог заметить. Крейн напряженно нахмурил брови и скрестил руки на груди.

- Так. И что мы тут делаем в такое позднее для учеников время? Разве вам не положено находиться в своей спальне и готовиться ко сну?

Его речь звучала вежливо, но одновременно мрачно и кусочками острого льда врезалась в барабанные перепонки.

Ди непонимающе уставился на друга: Джон выглядел нормально, хоть и со спины. Однако, если новый учитель так спокойно на него смотрел и говорил, значит Харрис в порядке. Так что же за чертово наваждение было всего несколько минут назад? Ди аккуратно выглянул из-за плеча Джона, пытаясь рассмотреть в полутьме коридора хотя бы профиль друга. Мальчик был в норме. За исключением, разве что необъяснимого ступора перед худым мужчиной.

Ди вспомнил недавние события и мягко сжал ладонь товарища. Не встретив сопротивления, он осторожно сжал пальцы. Тогда-то Джон снова встрепенулся. Почти как в прошлый раз. Он мотнул головой и оглянулся на друга. Крейн нервно постучал ботинком по полу.

- Повторять не собираюсь. Марш в свою комнату. Как тебя зовут?

Джон лихорадочно старался понять, что происходит и рассеянно назвал свое имя и фамилию. После этого он развернулся и торопливо зашагал в сторону своей комнаты.

Только закрыв за собой дверь, он шумно и глубоко задышал, спустившись по стенке.

- Ух... - Харрис с благодарностью посмотрел на Ди, который прошмыгнул сразу к своей кровати и уже забрался на нее с ногами. – Черт. Что это еще было?

Едва успев произнести свой вопрос, он зажмурился и сжал голову руками.

- Болиииит... - тихо взвыл Харрис.

Ди встревоженно наклонил голову и не сводил взгляда с мальчика, но даже не встал с кровати.

- К врачу? – с сомнением пробормотал он, но тут же отрицательно мотнул головой сам себе. – С тобой происходит что-то посерьезнее, чем головные боли. Я переживаю за тебя и твое состояние. Как бы тебя не упекли в психушку.

Джон приоткрыл один глаз и зыркнул в сторону соседа. На лице промелькнула гримаса раздражения, но он промолчал. Боль отрезвляла и прочищала мысли. Правда, лишь на какое-то время. Потом Джон снова становился сам не свой и ощущал провалы, когда его тело жило само по себе, если верить реакции товарища. Он не смог придумать ничего лучше, чем попытаться поскорее заснуть. Ведь во время сна он точно ничего не пропустит и ничего не произойдет.

Ди следил за молчаливыми движениями друга с жалостью и некоторым осуждением. Ему не нравилось, что Харрис перестал с ним делиться, но и давить не хотел. Оставалось лишь наблюдать и быть рядом.

Глубокой ночью Ди подскочил в кровати от тревожного предчувствия. Самым странным для него показалось то, что он вообще проснулся в такое время – раньше с ним такого не происходило. Ни разу, сколько он помнил. Глаза удивительно быстро и четко видели обстановку

комнаты. К слову, за очками он даже не успел потянуться. Ди испуганно осмотрелся и обнаружил, что кровать Харриса пуста.

Единственным источником света в спальне был лишь лунный луч с улицы и немного от прожектора, который неизменно охранял приют от диких незваных гостей. Это слабое свечение мягко ложилось на угол вещевого шкафа, небольшой коврик посреди комнаты, отражался обратно от зеркала, висящего на стене, и немного подсвечивал окраску пледа, покоившегося поверх основного одеяла на кровати Джона.

Ди напряженно сел на краю кровати и лишь медленно поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, всматриваясь в самые темные уголки. Наконец, взгляд его добрался до дверей. Что-то было не так. На фоне деревянного полотна, погруженного в ночную тьму, ярко чернел силуэт. Кто-то стоял спиной к мальчику, уткнувшись прямо в центр двери. Ди ощутил почти безумный панический ужас. Он почувствовал, как его волосы встали дыбом.

Пока он лихорадочно соображал, спрятаться ли лучше под одеяло или закричать, чтобы кто-то пришел на помощь, фигура вдруг шевельнулась. Ди замер и медленно перевел глаза в сторону источника. Дверь с тихим скрипом открылась и силуэт плавно выскользнул наружу.

- Оставить меня тут одного? – Ди поежился и огляделся в поисках очередной жуткой тени.

Никого больше не было. Предчувствие сильного переживания за друга кольнуло в самое сердце, и мальчик подскочил с кровати.

- Ну уж нет, чудище. Я иду за тобой.

Он сам не понимал, откуда в нем взялось столько уверенности и храбрости, но они определенно заполняли сейчас всю его маленькую и хрупкую сущность. Ди выскочил в темный и мертвенно-молчаливый ночной коридор.

Его очки так и остались лежать на тумбочке около кровати.

Тень Харриса, а именно в этом Ди был уверен, то мягко плыла по помещению, то вдруг резко оказывалась на несколько шагов впереди, как будто перескакивая. Мальчик шел молча следом, боясь что-то произнести. Он держался на расстоянии, но на не таком большом, чтобы потерять существо из виду.

Фигура спустилась в учебный корпус, и Ди уже решил, что она хочет выбраться наружу, на улицу. А может быть даже умчаться в лес. Представив себе, что за плотной темнотой скрывается его единственный близкий друг, Ди неожиданно похолодел. Он не хотел, чтобы Харрис ушел за ограду. Еще меньше он хотел, чтобы Джон оставил его одного в этом страшном мире, с этим пугающим новым учителем, с игнорирующими его учениками и без возможности поговорить хоть с кем-то.

От внезапного осознания мальчик зашагал еще быстрее и вскоре настиг замершего друга, стоящего перед запертой дверью. Ди оглянулся назад и осмотрелся по сторонам. Он не заметил в раздумьях, куда их занесло. Под покровом ночи здание хранило свои потаенные закутки ценнее, чем в другое время суток. Джон так уверенно двигался вперед, что Ди так же, не задумываясь, следовал, даже не заметив, что вокруг темнота, а они уже давно не в коридоре учебной части.

Место оказалось незнакомым Ди. Он даже слегка притронулся к шероховатой поверхности стены, что отличалась от большинства остальных. Эта была сырой, краски не было вовсе, а штукатурка, или то, что от нее осталось, собралась мелкими, как песок, комочками, размазывающимися под нажатием руки.

Ди брезгливо отдернул ладонь и вернулся взглядом к другу. Сейчас он уже выглядел не как черная тень непонятного существа. Над дверью очень тускло мерцала прямоугольная лампа красного цвета. В этом загадочном свете Харрис был почти своего обычного вида. Почти. Что-

то неуловимо было не так и Ди пытался понять. Он хотел тронуть товарища за руку, как проделывал до этого, но его внимание привлекло то, перед чем они стояли.

Дверь была железной и очень ржавой. В воздухе витал неприятный запах плесени, металла и чего-то такого... Ди задумался. Где он мог уже почувствовать этот запах? Память услужливо подкинула ему воспоминание парой лет назад, когда летом дети приюта ездили в поход. Это было незабываемое и редкое мероприятие. Он сразу понял, откуда то, что показалось ему таким знакомым. Это была озерная вода. У самого берега, куда ему в то лето запретили залезать, ибо дно было слишком илистое и купаться запрещалось.

Ди встрепнулся.

- Джон? – тихо позвал он, боясь издавать громких звуков.

Ему показалось, что незнакомый узкий коридор, в котором они оказались, может начать сдвигать свои стены, поймав мальчиков в смертельную ловушку, если вдруг он нарушит мрачную тишину.

Харрис не ответил. Он лишь медленно вытянул свою руку и слегка потянул на себя тяжелый амбарный замок, что висел на «ушках». Тот громко лязгнул, прокатившись эхом под потолком. Ди съехал от тревоги. Джон постоял несколько секунд, все так же держа в пальцах механизм. Затем крупно затрясся. Ди уже видел похожее недавно. Решив, что ему снова мерещится, он сделал шаг назад.

На этот раз Харрис не стал расплываться. Он неестественно запрокинул голову и взвыл. Этот вой заставил Ди коротко вскрикнуть. Харрис яростно дернулся на себя замок, пытаясь его сорвать с дверей, один раз – второй. Конечно, у него ничего не вышло. Вход в неизвестную комнату так и остался запертым.

Тогда Джон резко повернулся к другу. Его глаза закатились, лицо побелело даже в красноватом освещении. Рот приоткрылся и из гортани донесся нечеловеческий, леденящий кровь стон. Ди ощутил чувство, которого раньше не испытывал. Он хотел закричать, но не смог – голос просто пропал и превратился в мышинный писк, едва протиснувшийся наружу.

В этот момент мальчик почувствовал горячее, почти обжигающее дуновение на своей спине. Это было почти невозможно, но Ди немного повернулся назад. Настолько, чтобы можно было увидеть дорогу, по которой они пришли сюда.

Прямо за ним стоял волк. Или пес. Нет... Это точно был тот самый дикий пес из-за ограды. Ди не мог вздохнуть. Не мог шевельнуться, хотя подсознание просто орало ему: «Прячься! Беги! Спасайся!».

Собака вблизи оказалась гораздо крупнее, чем тогда, когда он видел ее с площадки. В холке она практически доставала ему до лопаток. Мокрый кипящий нос буквально уткнулся Ди в поясницу, словно удерживая от побега. Мальчик уже мысленно попрощался с Харрисом, одноклассниками, директором, который единственный был мил с ним. Он хотел прикрыть глаза, чтобы не видеть своего конца, но почему-то веки не слушались.

Животное зарычало. Ди удивленно уставился перед собой, боясь снова посмотреть назад. Джон все так же стоял с задранной головой и стеклянными глазами. Из его приоткрытого рта доносился, казалось точно такой же приглушенный рык, как и прямо за спиной. Удивило Ди то, что в этом звуке из пасти зверя не веяло угрозой или агрессией. Скорее... Он словно защищал, предупреждал, охранял. Вопрос оставался только: «кого?».

Харрис будто вторил гостю эхом, повторяя почти в точности интонацию и перекаты.

Ди снова окутал первобытный страх. Он ощутил, что голос к нему вернулся и, не теряя ни секунды больше, набрал полную грудь воздуха.

- Помогите! Кто-нибудь! Сюда! Помогите!

На этом его запас смелости и кислорода иссяк. Мальчик обмяк и чуть не упал. Собственный голос показался ему оглушительным. Сработало. Через несколько минут с потолка посы-

палась пыль и мелкие комочки влажной отсыревшей штукатурки. Кто-то бежал по второму этажу в сторону лестницы.

Пес обернулся в сторону выхода и приняхался. Брошенный с досадой короткий рык немного смутил Ди. Почему он не убегал?

- Сюда! – крикнул он еще раз в сторону топота шагов, не отрывая глаз от пристального взгляда зверя.

Тот спокойно сел и изучающе склонил голову. Этот жест совсем сбил с толку мальчика. В узкое пространство старого заброшенного коридорчика ворвался Коул. Он выглядел растрепанным, заспанным, в своей полосатой пижаме. За ногами волочились развязанные шнурки ботинок, а в руке он держал ружье.

Увидев дикое животное, директор резко затормозил, чуть не улетев носом вперед. Глаза его распахнулись от шока. Руки ловко зарядили и вскинули ружье на плечо, словно он стрелял каждый день.

- Ты в порядке? – спросил он Ди, не отрываясь от спокойно сидевшего пса.

Мальчик быстро закивал и схватил Харриса за руку. По телу Джона прошли электрические разряды, он, наконец, опустил голову, недоуменно оглядываясь по сторонам. В этот момент зверь вскочил на лапы. Его шерсть поднялась дыбом, и он утробно зарычал на мальчиков. Харрис вскрикнул от страха и попятился, пока не уперся спиной в ржавую дверь.

Коул не стал дожидаться трагедии. От дула ружья до собаки было довольно маленькое расстояние, так что он опустил его чуть ниже головы, в район плеча зверя и молча выстрелил. Дротик с желто-красной насадкой до конца вошел в плоть и наполовину скрылся в свалившейся шерсти.

Пес тихо заскулил. Глаза медленно прикрылись, и он рухнул на пол, как мешок с картошкой. В эту минуту позади Коула появился чуть запыхавшийся Крейн.

- Что тут случи... - он не договорил и вонзился взглядом сначала в спящее животное, а потом в Джона, судорожно хватавшего воздух.

Ди прижался к стене между директором и другом, переводя ошалелые глаза из одной стороны в другую.

Ридс вытер запотевший лоб тыльной стороной ладони и обернулся. Дэниел покачал головой.

- Вы очень вовремя успели, мистер Ридс. Благодаря вам сегодня не случилось трагедии.

- Очевидно. – Раздраженно бросил Коул и опустил оружие. – Разбудите и позовите мистера Милтона. Нужно убрать эту тварь.

Он ткнул краем дула тело пса. Когда Крейн ушел, директор присел на корточки и осторожно повернул огромную морду, разглядывая ее в тусклом красноватом свете.

- Вы расскажете мне все утром. Сейчас – бегом в спальню и... Запритесь. Мы позаботимся о том, чтобы остаток ночи никто не побеспокоил учеников.

Ди рвано кивнул и потянул ошеломленного Харриса за руку в сторону светлого прямоугольника в конце тесного коридора. Его не стоило приглашать второй раз покинуть это жуткое пропущенное место, пропахнувшее влагой, тухлятиной и вдобавок, псиной.

Глава 14

Когда Крейн вернулся, детей уже не было. За ним забавно семенил старик Милтон с вилами в руках. На фоне нового учителя он выглядел ростом со школьника. Коул внимательно посмотрел на мужчин и кивнул на лежащую собаку.

- Что думаете, господа? Предлагаю запереть эту тушку у тебя в сарае, а затем... Зачем тебе вилы, Джордж?

Он осекся и осмотрел оружие в руках у запыхавшегося старика. Это выбивалось из общей мрачной картины и придавало ей комичности: седые волосы торчали в разные стороны, ночные флисовые гамаши и такой же в тон свитер усыпаны колтунами и катышками, на ногах красовались мягкие тапочки, связанные миссис Хайн несколько лет назад. Милтон стоял, слегка сторбившись и обеими руками сжимал древко, увенчанное четырьмя длинными острыми железными кольями.

Сторож опустил одну руку и почесал голову. После просто пожал плечами, сморщив лицо.

- Ладно. – Директор провел ладонью по лицу, словно снимая пелену. – Запрет пса в своей сторожке. Утром позвоню в отлов диких животных и пусть они решают его судьбу. Не хочу проливать кровь на территории заведения. Тут все-таки дети. Все согласны?

Милтон быстро закивал. Коул посмотрел на Дэниела. Тот не выглядел напуганным. На его губах блуждала странная полуулыбка. Ее можно было расценить как торжествующую.

- Мистер Крейн?

Новый учитель взял себя в руки, и его лицо разгладилось, вновь приняв свою прежнюю суровость и хмурость. Милтон подошел к псу, присел и принялся разглядывать.

- Хм. Странная порода. Я таких еще не видел. Этот кобель слишком крупный для пса, но точно не волк.

Он приподнял брыли указательным и большим пальцами. В полутьме сверкнули чистые блестящие от слюны клыки.

- Любопытный экземпляр... - пробормотал старик и опустил собачью пасть обратно на пол.

- Мы так и будем разглядывать и дожидаться, когда оно очнется? – холодно и безразлично бросил Дэниел.

Ридс кивнул сторожу.

- Идите, мистер Крейн. Выспитесь после переполоха. Мы с Джорджем займемся псом и проверим периметр. Нужно найти лазейку, через которую он проник.

Дэниел не стал настаивать. Только коротко кивнул и отправился наверх.

Директор со сторожем довольно шустро перенесли животное в сарай, хотя пес, казалось, весил целую тонну. На деле собака оказалась куда легче. То ли от истощения и голодания, то ли адреналин помог и прибавил сил мужчинам. Во всяком случае они почти бережно уложили зверя на песчаный пол и надежно заперли двери на крупную железную щеколду снаружи. Милтон даже пару раз дернул ручку, дабы убедиться.

После они вдвоем, взяв фонари, не один час бродили вдоль всего периметра в поисках порванной сетки или подкопа, обошли здание раза четыре. Но увы, так ничего и не нашли. Озадаченные таким поворотом, мужчины решили не спать остаток ночи и устроились у обоих выходов из здания, чтобы не допустить нового проникновения.

Утренние лучи и крики улетающих на юг птиц разбудили директора на рассвете. Он вздрогнул от холода и резкого звука. Ридс сидел, подперев массивную входную дверь. Вокруг

не виднелось ни одного следа. Мужчина было по привычке и спросонья хотел посмотреть время и опустил глаза на запястье, но вспомнил, что часов нет.

Обойдя вокруг приюта, Коул нашел Милтона, курящего на небольшом крылечке заднего выхода.

- Тишина, - пробормотал старик и покачал головой, заведя директора. – Ни одной зверюги. И этот молчит.

Он многозначительно кивнул в сторону своей сторожки. Ридс похлопал по плечу сторожа и поднялся к себе в кабинет, где вызвал службу отлова и объяснил ситуацию. В организации обещали приехать в течение нескольких часов.

Для остальных жителей приюта воскресное утро началось как обычно. Никто не слышал ночного переполоха. Или же не хотел лишний раз вылезать из теплой постели и вмешиваться в суматоху.

Столовая ожила: повариха и пара старост уже начали готовить завтрак. Звон посуды, легкая музыка из радио и соблазнительный аромат горячей свежей еды окутал помещение и просочился на второй этаж, где слышался плеск воды, переговоры между детьми, туда-сюда сновали ребята, покрасневшие от горячей воды и пара. Приют превратился в безопасное место, полное веселья и жизни. Так казалось всем, кроме четырех человек.

Крейн направился на завтрак вместе со всеми остальными. Он продолжал изучать обстановку и поведение ребят своим зорким взором, стараясь при этом оставаться незамеченным, держась в тени. Коул спустился вниз. Ступив с последней ступеньки на пол коридора, он сладко зевнул и с хрустом потянулся. Недолгий и тревожный сон в положении сидя на улице, не принес его телу долгожданного отдыха.

Директор выглядел уставшим, с мешками под глазами. Чувствовал он себя не лучше. Стойко пережив завтрак и поговорив немного с миссис Купер, Коул, наконец, дождался нескольких сигналов за воротами.

Из ярко-красного фургона вышли двое крепких мужчин в спецовках и со специальным оборудованием для ловли животных: прочные петли из тросов на длинных шестах. Дети с любопытством сбегали к окнам и примкнули к стеклу. Несколько ребят даже вышли с опаской на крыльцо, чтобы не только увидеть, но и услышать, что за переполох.

Дикая Бетти прикрикнула на воспитанников, приказав всем разойтись по своим местам, и те с неохотой послушались. Они побрели обратно за столы, бурча под нос возмущения и недовольства. Сама же Беатрис напряженно выглянула в окно и, вернувшись к детям, успокоила их, придумав историю про заблудшего домашнего пса, сбежавшего из дома на окраине города. Никому не хотелось паники среди детей.

Коул благодарно кивнул Бетти с улицы и повел сотрудников за здание, к сторожке, прихватив по пути задремавшего на солнышке Милтона. Крейн наскоро вытер губы салфеткой и поспешил за ними, выскочив из столовой на задний двор.

- Мы решили оставить его тут до вашего приезда. – Закончил Ридс рассказывать ловцам очень сокращенную версию истории о том, как появился пес.

Джордж с усилием выдвинул тяжелую щеколду из паза и отошел в сторону, шутливым жестом указав на дверь.

- Только после вас, господи.

Мужчины переглянулись и кивнули друг другу. Один приготовил пистолет с усыпляющим дротиком, а второй выставил перед собой инвентарь и ящик для отлова, придвинув его прямо к самому входу. После знака старик Милтон со скрипом открыл деревянную дверь и отскочил.

Ничего. Тишина. Ловцы подняли брови и выпрямились, опустив руки.

- Это что, шутка? – спросил один из них и нахмурился.

Второй по-хозяйски зашел внутрь и огляделся. Он даже зачем-то пошевелил стоящими у стены лопатами, чтобы те задели остальные инструменты и издали громкий раздражающий звон.

Крейн заинтересованно вытянул шею и заглянул в кладовку. Следом вперед шагнул и Коул с Милтоном. Вскоре пятеро мужчин стояли перед входом в сарай и озадаченно смотрели на пустое помещение. Внутри пахло шерстью, на земляном полу виднелись непонятные следы, напоминающие собачьи и еще несколько размашистых полос, словно что-то волокли. Или подметали... Заметали...

Один из мужчин зашел внутрь и оглядел каждую стену по низу.

- Лазов нет. Доски на стенах целы. – Подвел итог ловец. – Если тут и был кто-то, то его явно выпустили. Опросите своих ребятишек. Возможно, кому-то из детей стало жалко собачку.

Он разочарованно покачал головой и сказал второму, что они уезжают. После того, как ловцов проводили, Коул, Милтон и Крейн снова столпились у сторожки.

Джордж поцокал языком и почесал сальную голову:

- Снаружи нет следов. Никто не открывал эту чертову дверь. Выходит, зверюга проснулась и «сделала ноги»?

Ридс внимательно осмотрел землю под ногами. Она была рыхлой и их следы отпечатались очень четко. Кроме них ничего. Звериных не было точно.

- Дети не могли знать, что кто тут заперт. – Пробормотал Милтон и сплюнул в сторону. – И я был тут все время с самой ночи. Уж мимо меня бы не прошли.

- Но мы ведь все видели это? – Уже с сомнением спросил Коул и посмотрел на Крейна.

Он сухо кивнул. Старик сделал то же самое.

- Это что еще за массовый гипноз? Нет... Внутри есть отпечатки лап. И запах. Мы с Джорджем полночи осматривали периметр и не нашли никаких повреждений ограды.

Он говорил это скорее самому себе, но звучало так, словно директор оправдывался. Коул понимал, что если он не доложит о происшествии Галахеру, то это сделает Крейн. Если уже не сделал. Этого Ридсу не хотелось.

- Я без понятия, что делать с этим. – В итоге признался Коул и опустил голову, почесав пальцами глаза. – Джордж, присмотри сегодня за территорией повнимательнее. Постараюсь к вечеру решить вопрос безопасности. Хоть как-то. Может... Повесить замки на входные секции и проверить окна первого этажа.

Коул снова зевнул.

- Поспите хотя бы пару часов, - мягко посоветовал Милтон и похлопал директора по спине. – Решим, не переживайте. И выясним, что произошло.

Ридс рассеянно кивнул обоим мужчинам и побрел внутрь.

Дэниел быстрым шагом шел по учебному коридору. Достигнув дверей в учительскую, он зашел и плотно закрыл за собой дверь. Сегодня здесь было тихо. Не пахло кофе и печеньем, не пахло сигаретным дымом. Кабинет отдыхал от преподавателей. Дэниел уселся за письменный стол и снял трубку с рычага.

- Мистера Галахера. – Спокойно и ровно проговорил Крейн в своей привычной четкой и звонкой манере.

- Второй день и тебе уже есть чем меня порадовать? – раздался вскоре сухой скрипучий голос.

Крейн расплылся в улыбке и сжал трубку крепче.

- О да. Ночью в подвале было происшествие... Какая-то дикая зверюга таинственным образом проникла...

Он рассказал все, стараясь как можно подробнее описать детали и того, как выглядело животное, и какая реакция была у директора со сторожем, и какие меры они приняли потом. Меценат не перебивал.

- Ты сказал, что собака напала на детей?

Крейн покачал головой, словно собеседник мог увидеть.

- Там был один ребенок. Джонатан Харрис. Я с ним познакомился прежде, днем, когда он шпионил за мной. И... Мне не кажется, что животное как-то угрожало мальчику. Это то, что вы искали? Или вы просили наблюдать за иными странностями?

- О, мой дорогой Дэниел. Это то, что надо. – хриплый голос зашелся мокрым кашлем, но звучал уже гораздо восторженнее и здоровее, насколько это возможно. – Но ты продолжай наблюдать, мой мальчик. Продолжай. Загадки и странности еще будут, держу пари. Позвонишь и отчитаешься мне сразу же, как только увидишь что-то еще.

В телефоне раздались короткие звонкие гудки. Крейн положил трубку и отодвинул от себя телефон. Он чувствовал себя великолепно. Угодить Генри Галахеру – угодить собственному кошельку и будущей карьере. Мужчина довольно откинулся на спинку кресла и смахнул с рукава коричневого пиджака микроскопические пылинки.

Глава 15

Веки медленно поднялись. Перед глазами запестрел казавшийся нереально белым потолок. В центре, возле люстры на полотне виднелись малюсенькие тонкие трещинки. Воздух в спальне казался спертым и тяжелым. Окно плотно закрыто, и сегодня ветер не качал занавески, как это было обычно.

Харрис приподнялся на локтях. Одеяло сползло чуть ниже груди, а шею неприятно холодила влажность от пота. В комнате не было жарко. Мальчик слез с кровати и смущенно оглядел свое тело: он стоял в одних трусах. Впрочем, он вообще не мог вспомнить, как добрался до кровати, не то что, почему он без одежды.

В пространстве чувствовались перемены. Джон повернул голову. Ди сидел на стуле, поджав ноги под себя и обхватив их руками. Он молчал и рассматривал краску на полу.

- Где... Где твоя кровать? – наконец выдохнул удивленный Харрис.

До него дошло, что же так сильно изменилось в комнате. Кровать Ди, так же, как и его тумбочка со шкафчиком просто испарились. На том месте был расстелен коврик. Неожиданно создалось впечатление, что там никогда ничего и не стояло. Харрис поморщился и повторил:

- Друг? Что происходит? Тебя переводят?

Ди все-таки поднял голову и внимательно посмотрел на Джона. Без очков его глаза выглядели немного меньше, чем обычно, но сверкали ярче и глубже.

- Я не знаю. – Сказал он так тихо, что Харрису пришлось прислушаться. – Я не мог уснуть. Мне кажется, что я разучился спать. Мне было так непривычно видеть эту комнату и тебя в ночной темноте, что несколько раз выходил прогуляться по коридору. Потом вернулся, а моих вещей просто...

Он вдруг всхлипнул. Джон все понял.

- Их не оказалось на месте. – закончил он за товарища, шумно сглотнув от напряжения. – Кто же мог вынести вещи, пока я спал, а тебя не было? И зачем? Нужно немедленно пойти к директору Коулу и поговорить об этом.

- Мне страшно, Джон, - прошепел Ди и еще крепче обнял себя.

Харрис растерялся. За столько лет, сколько они жили вместе и дружили, он еще ни разу не видел друга в таком состоянии. Еще хуже то, что он не знал, как утешить или чем помочь. Мальчик подошел к своему шкафчику и наспех оделся, практически не глядя, во что.

- Пошли. – Твердо скомандовал он, придав голосу как можно больше уверенности и оптимизма. – Спросим директора и узнаем, в чем тут дело.

Коула не оказалось в своем офисе. Дверь не поддалась. Джон раздраженно пнул ее ногой и развернулся. Ди молча прижался к стене, не поднимая головы. Ему было страшно. Не только из-за изменений в комнате. В его голове крутились ночные события. Еще поведение Харриса. Оно изменилось. Стало страннее, мрачнее. Злее. Когда друг не впадал в свой пугающий транс, то часто стал выглядеть раздраженным или даже иногда агрессивным.

- Ничего. – Бросил Джон, глядя в коридор. – Надо будет... Я могу подождать и тут.

Ди медленно подошел к Харрису и потянул его за рукав теплой хлопчатой рубашки.

- Пойдем отсюда. Мне тут не по себе. – Все так же тихо прошептал он и побрел в сторону лестницы.

Ему совершенно не хотелось возвращаться в, ставшую пустой, спальню. Это очень тревожило его, и он не меньше друга жаждал разобраться, но стоять у закрытых дверей и неизвестно сколько ждать, ему казалось еще страшнее. Мальчик уже собрался вниз, в столовую. Туда, где светло, тепло, вкусно пахнет и ощущение безопасности. Харрис еще немного постоял у директорского кабинета, а затем направился следом за другом.

Оживление на улице было заметно уже лишь войдя в столовую. Двери на задний двор оказались закрыты, что само по себе выглядело непривычным и странным посреди дня, когда погода еще позволяла наслаждаться свежей осенней прохладой. Зато людей внутри комнаты заметно прибавилось.

Всем, кто планировал как обычно погулять во дворе в уикенд – сейчас запретили это делать и попросили оставаться в здании.

Ди остановился возле одного из столов, где сидели подростки и обсуждали свежие новости. Мальчик напрягся.

- ... Забежал к нам, а обратно не выбежал. Значит, бродит где-то по нашей территории. – Девчачий голос звучал воодушевленно и с напором. – Слышала, что с этого дня перед отбоем начнут проводить обходы, а на двери закрепят дополнительные засовы.

Харрис медленно направился к окну, где уже крутились любопытные дошколята. Он аккуратно, без злобы, подвинул одного ребенка и вплотную прижался к подоконнику. Снаружи было несколько незнакомых мужчин в черных комбинезонах с неизвестным мальчику оборудованием. Трое двигались вплотную к ограждению, изучая чуть ли ни каждый сантиметр железной сетки. Они держались друг от друга на приличном расстоянии, проверяя каждый свой периметр. Еще двое осматривали двор: теплицу, сторожку, каждый закуток здания. Даже под скамейками и под крыльцом. Очевидно, искали пропавшего пса, о котором гудела вся столовая.

Кухня превратилась в некое место сбора. Пара старост, миссис Хайн, Тэмми Саттенс, дикая Бетти стояли возле открытого окна и тихо переговаривались, держа кружки с горячим свежесваренным кофе, аромат от которого приятно щекотал нос. Их лица выглядели озабоченными и встревоженными.

Джон внимательно оглядел каждого из присутствующих. Не хватало двоих главных персон: новоявленного учителя ОРКСЭ и директора. Мальчик протяжно вздохнул и сморщился от накатывающей головной боли. Он немного надеялся, что мистер Ридс окажется здесь, чтобы поговорить с ним, но, видимо, тот отлучился по своим делам.

Сзади неслышно подошел Ди. Его голосок остался таким же тихим, как с самого утра, но Харрис отчетливо услышал.

- Они ищут *его*. Того зверя, который... Ты помнишь его?

Джон нахмурился, одновременно борясь с болью и бередя воспоминания ночи. Разумеется, он помнил. Не мог не помнить такое. Но подсознание словно пыталось скрыть четкую картинку матовой полупрозрачной стеной. Джон сосредоточился и вытеснил преграду, открыв дорогу потоку воспоминаний. Внезапно, вместе с ночным псом хлынули и другие детали. Харрис схватился за спинку стула и согнулся пополам. Ди бережно помог ему сесть.

Перед полузакрытыми глазами Джона мелькали какие-то события, пейзажи, комнаты, незнакомые лица. Такое впечатление, будто мальчик неожиданно получил ворох совершенно чужих воспоминаний, обрывки чужой жизни и ее моментов. Однако, во всем этом было и нечто такое... Знакомое и прожитое. Это оказалось очень странно. Харрис схватился за голову, которая стала раскалываться все больше, как будто не вмещающая в себя столько разом.

- Что это? – прошептал Ди, испуганно рассматривая свои ладони.

На мгновение они стали нечеткими, серыми, потеряв краски. Ди быстро заморгал и пальцы вернулись в сове прежнее состояние.

- Джон? Друг?

Харрис продолжал сидеть, свесив голову над столом. Он все так же смотрел быстро мелькающие кадры: разговор нескольких мужчин, чей-то злобный взгляд и властный взмах руки, много деревьев, летнее небо с облаками и птицами, площадка приюта с детьми, ночной дождь на асфальтовых лужах, автомобили и горящие фары, парк, красная куртка. Джон не слышал,

как Ди обращался к нему. Не замечал воодушевленных переговоров вокруг него за столами, где ребята обсуждали людей в форме, снующих по территории. В реальность его вернул только один голос. Он раздался, прорываясь сквозь хаотичный ворох сумбурных картинок и звуков.

Скрипучий старческий голос, прерывающийся захлебывающимся кашлем. От него разило тревогой и опасностью. Только этот звук зазвучал громче остальных, как все закончилось. Картинки исчезли, фон стих и остался только он.

- А как тебя зовут? – зашипел он змеей в полной тишине. – Джон? Какое замечательное имя. У тебя есть лучшие друзья?

Вдруг Харрис распахнул глаза. Этот разговор уже был и помнил он его очень отчетливо. Тот телефонный разговор прямо после инцидента, всколыхнувшего весь приют. Внезапно Джон вспомнил Кевина Нокса в ту злополучную ночь. Наказание, ругань в кабинете, спальня. Но и после: как Нокс шагает по коридору, как он выходит на задний двор, чтобы проверить, все ли зашли внутрь и запереть дверь, ведущую на улицу из столовой.

Этого не могло быть. Харрис не мог этого знать, видеть. Мальчик вспомнил запах. Острый и сладковатый аромат страха. Страх человека, который мало чего боится – он самый вкусный и привлекательный.

Харрис вскочил со стула, чуть не опрокинув его. Ему стало страшно от одной мысли о том, как до мурашек понравилось ощущение чужих эмоций. Он впитал их, как губка, после чего протяжно выдохнул. Несколько человек, что сидели вблизи недовольно покосились на мальчика.

Коул распахнул глаза. Несмотря на то, что проспал он всего не больше пары-тройки часов, он чувствовал себя достаточно бодрым. Непреодолимая сила тянула его подняться с кровати и отправиться туда. В то место, где ночью случилось что-то непонятное и странное. Директор сел на кровати, свесив ноги. Он не переодевался, когда измотанный рухнул в кровать утром. Ткань впитала в себя смесь запахов сырости, шерсти, металла и мокрых листьев. Он глубоко вдохнул и поежился.

Тем не менее, сомнения его не пересилили: мужчина твердо поднялся на ноги и подошел к балкону, выглянув наружу. Двор пустовал. Так непривычно для выходного дня, когда обычно дети вовсю носятся по территории и галдят. Ридс задумался и все же для начала направился в свой кабинет, чтобы позвонить старику. Секретарь Галахера ответил сразу, словно сидел возле телефона и ждал звонка. Вскоре и сам меценат в своей привычной манере поприветствовал Коула прерывистым голосом. Сегодня он звучал болезненнее, чем обычно, однако тон казался радостным, насколько такое вообще может быть.

Ридс вкратце рассказал о том, как зверь пробрался внутрь и напугал детей. Затем о том, какие меры он принял, как директор, не забыв указать нанятую спец команду по усилению ограждения, которая приехала, пока Коула не было. Генри дождался, пока директор завершил свой отчет и задумчиво закряхтел.

- Какие дети пострадали? – хрипло уточнил он, постукивая чем-то металлическим по трубке.

Ридс без малейшей тени сомнения ответил, что это были двое детей-соседей из одной комнаты, Джон и Ди.

- Уверен? – проскрипел меценат, и только тогда Коул задумался.

- Разумеется. Со мной был новый учитель, Дэниел Крейн. Позже подошел и Джордж Милтон. Мы все там были. Я отправил мальчиков отдыхать – они наверняка очень сильно перепугались. Позже попрошу медсестру осмотреть Джона. Он выглядел болезненным.

- Как зовут этого... Второго. – Галахер защелкал сухими пальцами. – Ди? Какое его полное имя?

Ридс замер. Почему он никогда не задумывался над этим? Ни разу не было повода, наверное. Он не выделялся, не участвовал в крупных учебных мероприятиях, чтобы где-то упоминать его полное имя и фамилию. Он не попадал под наказания учителей, не бывал в санитарной части, на него не заводилось никаких дел... Или заводились?

Коул стоял с трубкой в руке и даже не заметил, что в ней уже звучали короткие гудки. Он медленно вернул ее на рычаг и подошел к полке с личными делами воспитанников. Тяжелая стопка громко рухнула на стол. Пальцы перебирали одну папку за другой. Глаза бегали по строчкам с именами и фотографиями. Когда под очередной он увидел темно-коричневую поверхность стола, Ридс понял, что никакой анкеты и личного дела мальчика по имени Ди нет.

По спине пробежал холод. Возможно, затерялось... Возможно... Директор вернулся к делу Джонатана Харриса. Наверное, мужчина надеялся найти хоть какие-то сведения о его соседе и друге там, но никаких упоминаний не нашел. Коул повернул голову в сторону открытых дверей. Со стороны первого этажа доносились детские голоса, тихая музыка. Он вышел в коридор и посмотрел на казавшийся бесконечным, ряд дверей в жилые спальни. Тут было тревожно тихо. Ридс подошел к комнате Харриса и осторожно приоткрыл ее.

Глава 16

Джон шел по коридору ватными ногами. В голове творилось непонятное, а тело стало непослушным и с трудом поддавалось командам.

- Ничего, друг. – Шептал Ди, шагая вплотную сбоку для подстраховки. – Сейчас примешь лекарство, лежишь и станет легче.

Голос Ди смешивался с роем звуков в сознании Харриса. Он на секунду зажмурился, не переставая идти, в надежде, что это поможет. На удивление, в голове стало будто бы тише, а боли приглушились.

Зайдя в свою спальню, мальчики застыли. На краю кровати Брука сидел директор, крепко сцепив пальцы в замок. Вещей и мебели Ди по-прежнему не было, но комната уже не выглядела так, словно из нее только что вынесли то, что давно там стояло. Теперь что Харрис, что его друг видели спальню несколько иначе: будто такой она всегда и была. Какая-то завеса сошла с их глаз и приоткрыла реальность совсем с иной стороны, чем та, какую они привыкли видеть.

Весь запал Джона, который вырывался из него еще утром, куда-то пропал и иссяк. Ди с тревогой посмотрел на Коула и встретился с его не менее взволнованным взглядом. Мужчина сидел вполоборота и, увидев ребят, оперся ладонями в деревянный остов кровати.

Джон с плохо скрываемой злобой посмотрел на Ридса и прошел к своей кровати. Там он достал из тумбы бутылки с таблетками и выпил одну, запив водой из ночного стакана. Затем мальчик сел поверх одеяла и скрестил ноги под собой, выжидаяще уставившись на директора. Ди тихо прошел мимо, опустив голову и сел на стул, стоявший возле шкафа, оказавшись таким образом между Коулом и Харрисом.

- Вы пришли рассказать, что забираете Ди? – хмуро поинтересовался Джон, не сводя с мужчины сосредоточенного взгляда. – Что он вам сделал?

Ридс почти умоляюще взглянул на бледного белобрысого мальчика, которого уже привык видеть в очках. Сейчас, без них, он выглядел более пугающим и серьезным. Особенно после разговора с меценатом.

- Ди? – аккуратно спросил директор, глядя в упор на него.

Подросток медленно поднял голову и вопросительно посмотрел на мужчину. Коул сглотнул, почувствовав, как пересохло горло.

- Хочу задать тебе важный вопрос, который меня волнует с недавних пор. Какое твое полное имя и фамилия?

Харрис резко вскинул голову и перевел глаза от одного к другому. Его лицо выражало возмущение и удивление. На самом деле Джон неожиданно задумался над ответом на вопрос. Оказалось, что он и сам не знал на него ответ. Ди замялся. Но скорее не от того, что не хотел отвечать, а от того, что не мог сформулировать правильные слова. Директор почувствовал напряжение и постарался торопливо и сбивчиво сгладить:

- Дело в том, что мы с главным боссом занимались документами на детей и не обнаружили твоих. Так что решили записать тебя заново, не переживай. Видимо, твое свидетельство просто затерялось... Позже мы восстановим его.

Джон уже с явным любопытством прожигал друга взглядом.

- Я... - Ди тихо зашелестел, как трава. – Меня зовут Ди...

- Это я знаю, - почти ласково и мягко произнес Коул. – Очевидно, что прозвище по первой букве имени, так?

Ди испуганно кивнул. Харрис озадаченно уставился в пол, сосредоточенно о чем-то задумавшись.

Коул уже начал терять терпение, когда всех троих спас звук телефонной трели, доносящейся из кабинета Ридса. Коул потер переносицу и вздохнул:

- Я скоро вернусь.

После встал и ушел, оставив двух друзей наедине с их недосказанностью.

- Слушаю.

- Мистер Ридс, - раздался голос Беатрис, - тут звонок из городской. Спросили вас. Соединять?

- Соединяй. – Согласился Коул, раздумывая, кто мог позвонить в выходной, да еще и в приемную детского приюта.

Неужели хотят привезти новеньких? Галахер дозванивался сразу напрямую в директорскую. Значит, это был не он. Пока мужчина перебирал варианты, в трубке раздался мужской неуверенный голос.

- Коул?

Директор неосознанно вздрогнул. Что-то показалось ему знакомым.

- Директор детского интерната. Слушаю.

- О как... - Раздался почти горестный смешок в телефоне и связь на мгновение испортилась, наполнившись шуршанием. – Это я. Майкл. Хейл. Помнишь меня?

Ридс удивленно приподнял брови и уселся на кресло, немного поерзав, чтоб сесть поудобнее.

- Майк... Эм. Привет, друг. – Голос Коула окреп и стал более мягким, доброжелательным.

- Извини, если отвлекаю тебя от работы, - Хейл торопливо затараторил виноватым тоном, - ты не позвонил вчера и я... В общем, заволновался, что что-то случилось. Потому и решился сделать это сам. Вот.

Коул откинулся на мягкую спинку и прикрыл глаза, не отводя трубки от уха.

- Все в порядке, Хейл. Спасибо, что перезвонил. И ты меня прости. Я правда, собирался вчера набрать тебя, но столько всего тут случилось, что голова шла кругом. Оказалось не до того.

- Что произошло? – Майк звучал искренне сопереживающим, и Коулу стало как-то не по себе. – Ты можешь поделиться со мной, я выслушаю.

Эти ощущения казались Ридсу незнакомыми, но очень теплыми. Как же давно у него не было рядом никого, с кем можно было бы поговорить по душам, раскрыться. Вывалить, наконец, все, что с ним творится в последнее время. А ведь, действительно происходило многое и непонятное. То, что тревожило его больше всего...

Коул немного помолчал.

- Сейчас я не могу покинуть территорию, а приглашать тебя сюда... Я побаиваюсь, если честно.

Хейл заметно напрягся.

- Считаешь, что в приюте беспокойно? Есть на это причины?

- Вот теперь я тебя начинаю узнавать, - тихо рассмеялся Ридс и приоткрыл глаза, покосившись в сторону дверей. – Мой старый добрый криминалист. Но, да. Причины свои имеются.

- Слушай, - уже воодушевленно продолжил Майк, - давай я подъеду вечером. Заезжать не буду, посидим у меня в машине, за территорией. С меня гамбургеры. Как в студенческие времена, а?

Коул ностальгически улыбнулся. Голос Хейла, его речь – они принесли директору некое успокоение, твердость и надежду на то, что он, Ридс, все еще не сошел с ума.

Не дождавшись ответа, Хейл быстро добавил: «Тогда вечером. В семь.» - и положил трубку.

Все также продолжая улыбаться, Ридс вышел из кабинета. Он чувствовал себя странно. Это походило на счастье. Или удовольствие. Он не мог определить, но точно что-то весьма приятное.

В детской спальне директор нашел лишь Харриса. Он свернулся калачиком на кровати, не став расстилать ее. Увидев вошедшего Ридса, мальчик только поднял на него глаза и отвел их в сторону.

- Он убежал. – Коротко и холодно бросил Джон. – Видимо, вы напугали его своими расспросами.

Мужчина растерянно обвел взглядом комнату.

- Может быть, раз уже его нет, то ты мне расскажешь, что происходит у вас тут?

Он медленно прошелся по спальне к окну и выглянул наружу. Во двор высыпали дети – работники спец службы уже уехали и двери на улицу снова открыли. Ди нигде не виднелось.

- О чем вам рассказать? – буркнул Харрис. – Зачем вы приказали убрать вещи моего друга?

Коул удивленно обернулся.

- Это был не я. Наоборот, думал, что это... Впрочем. Все так запутанно, что уже даже не удивляет. Можешь мне напомнить, когда Ди был зачислен в приют? Возможно, в то время я тут еще не работал.

Джон уставился в неподвижное покрывало с облезлым узором и провел по нему пальцем.

- Не помню. Просто появился, и всегда был рядом.

- Почему-то я подумал так же, - кивнул Коул в подтверждение своей слабой догадки.

Он хотел раскрыть рот, чтобы поделиться предположениями, но вовремя закрыл его. Нужно собрать еще доказательства, прежде чем выставить себя идиотом. Мужчина вздохнул и вышел из комнаты.

Спустившись вниз, Ридс вслушался в обычные бытовые звуки, которыми жило здание. Никто из обитателей не вникал в суть происходящего так глубоко, как сам директор. Никому из них не было так «не по себе», как ему. В столовой он подошел к Беатрис и тихонько переговорил с ней так, чтобы не привлекать внимание ни учеников, ни взрослых. Крейна по-прежнему не показывался. Наверное, отдыхал.

Если бы кто-то пригляделся, то заметил бы, как «дикая Бетти» что-то говорит директору и украдкой показывает на окно. Как Коул выглядывает на улицу и кивает в ответ женщине. Но никто не смотрел в их сторону.

Никто не обратил внимания, куда направился директор после того, как вышел из столовой обратно в коридор. Как он направился в самое старое крыло здания, туда, откуда совсем недавно посреди ночи слышался детский крик. Ни один воспитанник или взрослый не знал, что Ридс в эту минуту со смешанными чувствами вошел в тот самый тревожный и очень тесный проход, освещенный тусклым красным переливом, исходящим от таблички «вход» над дверью.

Коул остановился прямо перед ржавым висячим замком. Рука нащупала в кармане брюк холодный металлический ключ, приготовленный заранее еще утром. Сначала он вспомнил, как на этом самом полу лежал неправдоподобно большой пес, с каким лицом стоял над ним Джон Харрис и как в страхе прятался Ди за спиной друга. События начинали перемешиваться в запутанный клубок, в котором просто необходимо найти тот самый заветный кончик, за который следует потянуть, чтобы размотать его. Кто из присутствующих был реальным, а кто – нет? Ридс поднял голову и уставился на лампу. Был ли из реальности этот пес? А Ди? Вдруг его самого не существует, или все вокруг – лишь плод его больного воображения?

Чем больше Коул находился в этом узком пространстве, тем страшнее ему становилось. Не только эти события связывали директора и данное место. Внезапно холодной и липкой субстанцией обволокли картинки из еще одного воспоминания... Прямо на этом месте, под этой самой красной вывеской стоял никто иной, как старина Бриджер Томпс, источая гнилостный запах разложения. Здесь предыдущий секретарь, исчезнувший неизвестно куда, пытался достучаться до нынешнего директора и упрямо тыкал в стены пальцем.

Коул достал железный предмет и покрутил в пальцах, словно стараясь измерить его вес. Чувство страха постепенно растворялось, уступая место любопытству и усталости. Замок тяжело качнулся и издал оглушительно громкий щелчок, опустившись директору в ладонь. С двери тут же облетела потрескавшаяся краска цвета запекшейся крови и осела на пол новым конфетти.

Дверь поддалась не сразу. Ридсу пришлось дернуть ее раза три, прежде чем она скрипуче открылась. В нос тут же ударил резкий и знакомый запах плесени. Воздух тут оказался влажным и тяжелым. Настолько, что чувствовался почти что физически. Вдобавок еще и горячим, что лишь усиливало ароматы заброшенности и многочисленных протечек. Слышались падающие капли, разносившиеся эхом по помещению бывшей прачечной. Коул нащупал на стене выключатель и нажал. Свет лампы, защищенной железной решеткой с пластиковым плафоном, ударил в глаза, и Ридс прищурился.

Он знал об этом аварийном помещении еще в те времена, когда работал тут преподавателем. Однако ни разу не спускался сюда, зная, что комната давно заперта и небезопасна. Прачечная оказалась довольно просторной. Тут по-прежнему стояли три больших стиральных машины, очевидно уже не пригодные для работы. Из-за приоткрытой дверцы одной даже свисала какая-то тряпка. Несколько разбухших деревянных лавочек, пара столов, тоже искалеченных временем и воздухом.

Директор сделал несколько шагов вперед и почувствовал, как трудно ему становится дышать. Горло обволокло и сперло. Он уже собрался развернуться и уйти, как неожиданно краем глаза заметил необычную для общей картины деталь. За одним из столов, практически между «отекающей» задней стенкой и кирпичной стеной, покрытой капельками влаги торчал крошечный серый уголок пластика.

Коул подошел, присел и аккуратно потянул за край. Это оказался плотно заклеенный пакет, внутри которого был явно еще один слой. Из-за легкой испарины и освещения нельзя было рассмотреть точно, что находится внутри. Тем не менее Ридс чуть отодвинул стол, убедился, что за ним больше ничего нет, зажал пакет подмышкой и поспешно вышел из помещения, прихватив за собой все признаки своего присутствия.

Глава 17

- Он ушел? – тихонько спросил Ди, заглянув в спальню.

Харрис так и лежал на своей кровати, сосредоточенно разглядывая потолок. Он думал о том, как странно вел себя сегодня, вероятно, единственный взрослый в целом мире, к которому он хорошо относился. Директор Ридс даже не старался, чтобы завоевать доверие мальчика. Джон ощущал непонятную тягу к этому человеку с самого первого дня, как увидел его в приюте, около четырех лет назад.

Именно столько времени назад Коул Ридс впервые переступил порог интерната и начал свою работу приходящим учителем по английскому языку и истории. Джон ходил к нему на уроки целых два года, пока мужчину вдруг не сделали директором. Харрис скучал по его преподаванию. В те моменты ему нравилось учиться – так интересно и живо мужчина объяснял свой предмет, как влюбленный в свое творчество художник.

Директор ни разу не обижал воспитанников, старался сгладить конфликты, а самого Джона не один раз спасал от вредных одноклассников и строгих воспитателей.

Харрис вдруг вспомнил Кевина Нокса и ту злополучную дождливую ночь. По спине пробежали мурашки. Неожиданно для себя, он задумался о плотном запахе шерсти, злости и о распахнутых глазах воспитателя... С чего бы взяться таким фантазиям?

- Джон?

Озабоченный голосок Ди выдернул мальчика из размышлений.

- М? Да, да...

Харрис мягко улыбнулся, успокаивая друга, который и так чувствовал себя не в своей тарелке.

- А... Что же мы будем делать с твоими вещами? — спокойно спросил Джон, как бы между прочим.

На самом деле, в это мгновение Харрис внимательно всматривался в лицо друга, в поисках реакции. Складывалось ощущение, что он уже давно знает что-то, чего не знает больше никто, и хочет просто проверить, так ли это.

- Директор говорит, что он непричастен, значит, отправимся искать того, кто это сделал. – Добавил он, не сводя глаз с Ди.

Мальчик сидел на кровати Брука и растерянно осматривал комнату, словно очутился в ней впервые.

- Думаю, можешь сегодня поспать на этой, - кивнул Харрис на свободную койку, еле заметно усмехнувшись. – Если тебе вообще нужно спать.

Ди резко вскинул голову, уставившись на друга несвойственно серьезными глазами.

- Что ты хочешь сказать? Говори прямо, пожалуйста. Мне и так хватает этих странностей. Не хватало, чтобы единственный друг морочил мне голову.

Харрис удивился. Вечно спокойный и тихий Ди сейчас забушевал, как беспокойное море, то понижая голос, то повышая его вновь. Что-то явно происходило вокруг, но чтобы выяснить недостаточно прямого вопроса в лоб. Джон видел и понимал, что Ди не может сейчас дать ответы и объяснения. Очевидно, он сам ничего не знает и напуган. Харрис отчетливо чувствовал этот страх.

Друг выжидающе замолчал. Похоже, он и сам не ожидал от себя всплеска эмоций. Тем не менее, его заботило сейчас больше другое: Джон не был похож на себя. Он не был собой. Прежний Джон, спокойный и рассудительный, относился к нему с глубоким уважением и преданностью. Но сейчас он выглядел как совершенно чужой человек.

- Ничего. – Улыбнулся вновь Харрис и странно покосился на друга.

Коул поспешно зашел к себе в кабинет и, заперев дверь, устроился за письменным столом. Туда же опустился найденный пакет. Аккуратно, слой за слоем, мужчина вскрыл канцелярским ножом целых четыре слоя довольно толстого полиэтилена. Под ними оказалась тетрадь. Он бегло пролистал ее и отметил, что большая часть страниц пустые.

Но первые... Первые оказались обклеены вырезками копий каких-то документов и странными списками несвязных слов и фраз. Ридс прищурился. Похоже, мигрень нашла путь обратно и снова начала атаковать голову директора. Он сразу узнал и почерк, и манеру сбора данных. Томпс. Это определенно точно была вещь секретаря.

На этот раз перед Коулом расположились данные именно о детях. Точнее говоря, о родителях сирот, которые, по всей видимости находились под попечительством Галахера в разное время. Большинство родителей не было в живых, о чем свидетельствовали копии свидетельств о смерти и выписок из городского архива.

Внезапно Ридс подумал о Моррисе. Интересно, знает ли он столько же много, сколько знал Бриджер? Тут явно проделана огромная работа с документами и привлечено немало связей.

- Кто же ты был, Томпс?... – озадаченно пролистал еще пару страниц Коул и осмотрелся по сторонам, опасаясь, что вновь призовет его беспокойную проекцию.

Пробегая взглядом по строчкам, Коул замер. Одно имя, выведенное жирной пастой шариковой ручки, заставило сердце трепетно забиться чаще, а дыхание замедлиться.

«Мэрион Эштон»

Коул ощутил, как через грудную клетку прошел электрический разряд.

-... Милый, ты готов?

Коул поправил накрахмаленный воротник белой рубашки и еще раз осмотрел себя в зеркале. Из-за спины появились две изящные руки и обхватили мужчину за талию. Он улыбнулся. Глаза счастливо блестели в скромном желтом свете бра. Сердце гулко билось в висках, а в голове правил пьянящий дурман молодого и горячего желания.

К плечу прижалась голова с волнами светлых волос. Коул повернулся и уткнулся носом в женскую макушку. Цветочный аромат шампуня с нотками итальянских духов сводил с ума и наполнял грудь мягкой сладостью. Мужчина легко подхватил хрупкую стройную девушку за талию и поднял ее так, что ее лицо оказалось прямо напротив его.

Ее губы были нежными и теплыми, с запахом карамели, а от раскрасневшихся щек веяло душистым мылом. Яркие голубые глаза напоминали море. Глубокую воду, в которой Коулу хотелось утонуть и никогда больше не выныривать в этот скучный серый мир. Он обнимал ее, и обнимал, все крепче прижимая к себе. Слушал, как она щебетала, смеялась, смотрела на него своими большими влюбленными глазами.

Мэрион. Его маленькая и радостная Мэрион. В приталенном платье персикового цвета. В черных туфельках на высоком каблуке, чтобы не выглядеть слишком низкой рядом с ним. Обвивающая его шею тонкими пальчиками, чтобы украдкой поцеловать.

Директор дернул головой. Чуть трясущейся рукой он коснулся щеки, на которой осталась влажная полоска. Коул бросил взгляд на настольные часы – до встречи с Хейлом еще осталось время. Он обтер лицо ладонью и вернулся к тетради. Здесь должна быть разгадка ее участия. Почему в таинственные записи Томпса попала малютка Мэрион Эштон, так трагично погибшая десять лет назад?

Ридс начал вчитываться в строчки так, как ни делал ни с одним важным документом в своей жизни. Ее имя оказалось в списке родителей. Мужчина нахмурился: у Мэрион не было детей. Девушка не хотела, и он не настаивал. Даже не смотря на ее принцип, Коул все равно сделал ей предложение, считая, что даже без топота маленьких ног он станет самым счастливым

мужчиной на земле с женой в роли Мэрион. В сердце снова вонзилась невидимая игла. На этот раз ощущение не вызывало радости.

- ...Да в чем же дело?

Коул присел у кресла, где сидела девушка и взял ее лицо в свои ладони, умоляюще глядя ей в глаза. В тот момент, когда она сказала: «Нет», в его груди разросся огромный валун, не дающий дышать. Он приоткрыл губы, чтобы попытаться сказать что-то еще, но Мэрион снова отодвинулась назад.

- Я не могу, Ридс, не могу.

Она сдерживалась из последних сил, и парень видел это. Ему было нестерпимо больно от бессилия. Никакие его слова не смогли переубедить любимую, которая вдруг резко поменяла, казалось, свое отношение к нему. Она в очередной раз всхлипнула и рыдания вырвались сами собой.

Коул плюнул на все ее сопротивления и обхватил хрупкую девушку, сжав ее в кольцо своих рук. Он ощущал, как футболка на груди стремительно становится мокрой, а ее вздрагивания резонировали по всему его телу, заставляя трястись вместе с ней. Парень уже и не понимал: плачет ли он вместе с ней или нет.

Самое главное, чего он не понимал, было то, почему вдруг Мэрион передумала и решила разойтись с ним? Ведь все было так прекрасно. Они любили друг друга, светились, словно рождественские лампочки на гирляндах, все окружающие ни минуты не сомневались, что совсем скоро Мэрион выйдет в свет с кольцом на пальце и гордо носящей фамилию Ридс.

Этот вечер стал переломным в их жизнях. Тот момент, когда воодушевленный Коул пришел к ней домой просить руки у ее брата и дяди, учитывая отсутствие родителей. Та минута, когда любовь всей его жизни открыла дверь с красными глазами и сожалеющим выражением лица...

Сколько бы он не пытался получить ответы на свои вопросы, раз за разом сталкивался со стеной молчания. В конце концов дядя Маркус решил вмешаться и осторожно зашел к ним в гостиную, где и сказал, что Мэрион придется покинуть город. Уехать вместе с ними к дальней родственнице куда-то на юг побережья.

Коул не понимал. Он все умолял то ее, то его рассказать все ему подробно. Если у Мэрион проблемы со здоровьем – то он подключит все связи и найдет необходимых врачей. Если у нее проблемы с деньгами, долги или еще хуже – то тоже что-нибудь придумает.

Маркус лишь расстроено качал головой и просил оставить девушку в покое.

- Дай ей отдохнуть и уехать. Обещаю, она напишет тебе письмо, как только доберется.

Ридс сдался. Он не мог продолжать мучать ее, видеть, как каждый его вопрос вызывает все более бурные волны рыданий. Он ушел. Он ждал.

Он ждал неделю. Потом месяц. Потом полгода. Он так захандрил, что бросил преподавание, которым зарабатывал на жизнь. Заперся в доме, не отвечал ни на чьи звонки.

Письмо не пришло ни через год, ни через два. Даже когда Коул пришел в себя и вернулся к работе. Единственный и последний раз, когда он, наконец, хоть что-то услышал о Мэрион – была новость, где сообщалось о трагической гибели при пожаре в их старом доме. Так Коул узнал, что Мэрион с родственниками вернулись в родной особняк. Трагедия, унесшая из жизни девушку, ее брата и дядю случилась через три года после того, как Ридс в последний раз видел и прикасался к Мэрион Эштон.

Директор осознал, что держит в кулаке лист бумаги. Он растерянно опустил взгляд на стол. Вырванный лист из тетради Бриджера оказался сжат в очень плотный комок. Мужчина устало откинулся на спинку стула и постарался разгладить страницу. На этот раз имя возлюб-

ленной выглядело не так волнующе, как в первый раз, но все же. Рана разбередилась, воспоминания всплыли, а чувства... Каким-то невообразимым образом, они вернулись.

В записях мало говорилось о конкретных именах, датах или месте. Но почему-то в графе «для связи» стоял ее прежний адрес. Тот самый, до боли знакомый. Коул напрягся. Все это казалось слишком странным. Почему она оказалась в списке родителей детей-сирот? Может, перед гибелью она успела усыновить кого-то? Но зачем? Ведь она никогда не хотела детей... Голова разболелась еще больше.

Ридс схватился за виски. Внезапно, приоткрыв один глаз, он заметил, что вечер уже приблизился к семи часам. Наскоро спрятав тетрадь с пакетами в ящик стола, директор встал, одернул рубаху, накинул плащ и направился на улицу.

Старенький седан цвета мокрого асфальта уже стоял за воротами приюта. Довольно далеко, чтобы не бросаться в глаза постояльцам или не попадать под обзор из окон, но и достаточно близко, чтобы Коул увидел его сразу, как вышел за территорию.

Директор не стал махать старому другу, виднеющемуся за рулем. Прогулочным шагом он зашагал к машине, спрятав руки в карманы длинного пальто.

Глава 18

Майкл Хейл слыл балагуром в студенческие годы. Действительно, лучшие веселые годы с выпивкой, смехом, красивыми девушками... Да. Они так и липли к одному из самых симпатичных студентов университета. Майкл отличался уверенностью, харизмой, красивой шевелюрой и глубокими умопомрачительными карими глазами, разбившими не одно сердечко. Его речь сопровождалась юмором, пафосом и непоколебимостью собственного эго.

Для многих однокурсников того времени оставалось загадкой, как могли сдружиться такие абсолютно непохожие люди, как Хейл и Ридс. Второй в свою очередь ни разу не посещал вечеринки, сборища спортивных фанатов либо же просто места общего скопления популярных студентов. Даже в столовой Коул превращался в невидимку. И его это устраивало. Он был поглощен учебой даже вне занятий. На крупных перерывах и даже после того, как все расходились по домам, Ридс оставался в библиотеке, где его всегда могли найти при необходимости.

Тихий, скромный, немного пугливый. Коул с самой подготовки к поступлению знал, чего хочет. Знал, что пойдет по стопам своего покойного отца и будет нести знания в массы, займет пост преподавателя и старался делать это со всей душой. Его легко приняли на курс, учитывая высокие оценки и отличную подготовку.

С Майком он познакомился случайно. Ридс сидел в коридоре около учительской и ждал своей очереди, чтобы попросить дополнительный факультет. Хейл сидел на соседнем кресле, нервно постукивая пальцами на ноге. Ему предстояло взять разрешение на дальнейшее посещение своего предмета криминалистики и психологии из-за очередного нарушения правил учреждения и выписанного штрафа.

Их разговор завязался без особой причины или надобности. Майк, как обычно, начал первым. В своей нагловатой манере, Хейл скорее всего просто хотел развеять скуку или успокоить расшалившиеся нервы. Коул в тот раз удивился, зачем этот красавчик в футбольной куртке вообще с ним заговорил. Но уж, как вышло – так вышло.

С того дня эти двое необъяснимым образом начали дружить. Про их отношения нельзя было сказать «очень близкие» или «неразлучные». Однако, хоть они и не общались каждый день, находясь в одном здании, но все же, поддерживали друг друга на непонятном для остальных уровне.

Коул внимательно всмотрелся в постаревшие глаза старого друга. Он выглядел уставшим, но как-то хорошо знакомо довольным. Лицо слегка осунулось, появилась глубокая сетка морщин, а в темно-каштановых волосах проглядывались седые тропинки.

На смену зеленой куртке с эмблемой, которую он не так давно вспоминал, пришла кожаная черная «косуха». Вполне себе в стиле Хейла. Крутого, смелого парня. Майк тоже осматривал директора и еле заметно усмехнулся. В тишине салона, наконец, раздался голос.

- Обалдеть. Директор.

Они уже с добрых полчаса сидели в машине и неспешно беседовали, позабыв о мире за пределами седана. Коул вкратце рассказал, чем занимался последние двадцать лет, так же как и Майк. О том, как работал следователем после учебы, а после, когда решил перейти на что-то поспокойнее – детективом.

- Мне все еще не совсем ясно, что тебя привело сюда в этом нелепом маскараде и откуда ты знаешь про Галахера. Разумеется, он – личность знаменитая. Но почему мне кажется, что не его автографа ищешь.

Хейл коротко хохотнул и отпил газировку. Между сидениями лежала скомканная упаковка от гамбургера. Ридс свой еще не доел и держал в руке, иногда поднося ко рту.

- Скажи мне, директор, - произнес Майк с иронией, - ты совсем не интересуешься жизнью и работой своего начальства?

- А надо? – приподнял брови Ридс и откусил маленький аккуратный кусочек от булки.

Хейл напряженно выглянул в окно, из которого виднелся торец здания. Коул посмотрел туда же. Никого из людей не было видно.

- Ты что-то расследуешь тут? – Понимающе кивнул директор. – Если надо, то я помогу. Ты же знаешь...

Майк смущенно кашлянул.

- Ты застал одного из своих воспитанников. Брука Адамса. Если подсчитать, сколько ты, говоришь, на посту директора. Он пропал...

- Полгода назад. – Подтвердил Коул и посмотрел на стремительно сереющее небо. – Откуда ты его знаешь?

- Это мой племянник, Ридс.

Директор с удивлением повернулся к другу.

- Точнее, двоюродный племянник. Был.

Майк поспешно вытер уголок губ салфеткой и скомкав ее, откинул в сторону смятой упаковки.

- Моей кухне пришлось отдать сына на патронажное воспитание. Он был слишком гиперактивным, буйным, агрессивным... Ну, дети... А она сама развелась и не справлялась. Я помню Брука малышом

Хейл сжал пальцами переносицу и на секунду зажмурился.

- Черт, он пробыл у вас всего 8 месяцев. Что произошло? Может, хоть ты мне расскажешь?

- Ты расследуешь его исчезновение?

- Да. И готов добраться до сути, какой бы она не оказалась. Не увиливай, Коул.

Директор вздрогнул. Майк крайне редко называл друга только по имени. Чаще по фамилии, ботаном. По его интонации было件нятно, что это не праздный интерес. Детектив действительно занимался работой. Причем такой, в которую замешаны его родные. А это еще серьезнее.

- Я рад помочь тебе, друг. Я не изменился с тех старых времен. – Ридс повертел в руках остаток бургера и отложил его на приборную панель. – Но мне тоже постоянно закрывают глаза.

Майк нахмурился и поелозил в кресле, развернувшись к мужчине.

- Что ты имеешь в виду?

Ридс вздохнул, отпил напиток из узкого горлышка и постарался изложить детективу все, что с ним происходило за последнее время. Упомянув, как быстро замяли дело и с Томпсом, и с Ноксом, и даже с малюткой Бруком Адамсом. К концу рассказа, Коул ощутил, как легко стало в груди. Даже головная боль, столь неуместно вернувшаяся недавно, отступила.

Хейл вел себя уважительно: он внимательно слушал и не перебивал, даже когда Ридс не мог подобрать слова или замолкал. Лишь изредка вставлял короткие уточнения по поводу того или иного человека.

Директор рассказал все, что не давало спокойно спать по ночам в последние дни. Включая жуткие видения призрака Бриджера и свои догадки по поводу того, что с ним стало.

Когда Ридс закончил и залпом допил оставшуюся половину бутылки, Майк сочувственно покачал головой.

- Все куда сложнее, чем я думал. И запутаннее. Тем не менее, ты сейчас помог мне утвердиться в моих собственных догадках о сфере деятельности вашего щедрого мецената. Видишь ли...

Детектив вновь выглянул наружу через лобовое стекло, всматриваясь в стремительно темнеющий двор приюта и желтые прямоугольники окон.

- Я подозреваю, что Галахер что-то сделал с моим племянником. Что-то противозаконное и явно не гуманное. Поэтому я слежу за ним и его деятельностью.

Коул недоверчиво хмыкнул.

- Зачем старику ребенок?

- Оооо, друг мой, - похлопал Майк его по руке и улыбнулся, - ты живешь в совершенном неведении. Впрочем, судя по всему, ты так или иначе все равно оказался втянут в этот водоворот. Хотя и не хотел этого. Твои сведения очень продвинули мое следствие.

Чуть поразмыслив, Ридс рассказал другу еще кое о чем. Точнее, о ком. Раз уж речь зашла о детях, то он решил довериться и поделиться своими наблюдениями за Ди и Джоном.

- Может быть, ты можешь мне рассказать, что за чертовщина творится, раз уж никто не может.

Майк кивнул.

- Есть пара теорий. Я все проверю, и мы встретимся на неделе со свежими новостями. А пока живи, как жил. Работай. Но посматривай за происходящим. Думаю, ты прав в том, что новый учитель – разведчик старика. И...

Хейл тревожно оглянулся и посмотрел назад, в уже темную чащу деревьев.

- Пригляди за детьми.

Коул промолчал. Он и так уже понял, что за его двумя «особенными» воспитанниками нужно внимательно следить. Он душевно и крепко пожал другу руку и вышел из машины. Майк завел мотор и седан, чихнув, дернулся. Уже собираясь выкрутить руль, Хейл высунул голову из окна и посмотрел на директора снизу вверх.

- Тебе не будет лишним побеседовать с этим твоим Моррисом на досуге. – Как бы между прочим проговорил он, не глядя Ридсу в глаза, а поглядывая на здание, утонувшее в темноте. – Конечно, как будет время. Надеюсь на скорую встречу.

После этого машина задрезбуждала и скрылась за поворотом в облаке дорожной пыли.

Дальше время понеслось как-то странно и сумбурно. С того дня, как Ридс встретил друга впервые за последние двадцать лет, с тех выходных, выбивающихся из привычного русла, с приезда нового учителя,двигающегося по приюту как худая тень самой тревоги... С того момента будни неуловимо поменялись. Что-то происходило вокруг. В стенах, в воздухе.

Не только Коул это ощущал и понимал. Джон вел себя отстраненно и холодно. Началась рабочая и учебная неделя. Понедельник. Вторник. Все чаще резко отвечал и стал получать столько замечаний от учителей, сколько не было за всю его жизнь. Ди теперь просто молчал и иногда лишь покачивал головой, глядя на поменявшегося друга. Он стал пропадать после отбоя, и Харрис решил, что товарища все-таки перевели в другую спальню. Отчасти, из-за этого он тоже почти перестал разговаривать с Ди, как и тот с ним.

Мальчики больше не были неразлучны. Однако там, где был Джон, всегда неподалеку находился и его верный спутник. Чуть поодаль, словно, не желая мешать, Ди наблюдал из-под неожиданно сильно отросшей челки цвета спелой пшеницы. Он больше не носил очки, цветовая гамма одежды поменялась на более светлые и однообразные тона, а волосы опустились почти до плеч. Но, кажется, никому не было до этого дела.

Коул вел привычные дела, но часто отвлекался, в ожидании звонка от Хейла. Он не позвонил ни в середине недели, ни в конце. Во время возобновившихся занятий по ОРКСЭ, Ридс стал прохаживаться по учебному коридору, вслушиваясь в звонкий четкий голос Крейна, терпеливо объясняющий основы религий и мировоззрения.

На его уроках практически всегда стояла пугающая тишина. Дэниел не позволял едких комментариев или смеха даже от старшеклассников. Любые громкие или раздражающие звуки пресекались еще на стадии замысла. Он считывал эмоции на детских лицах как детектор. С

ровным безразличным выражением, он продолжал вести урок, успевая отслеживать глазами малейшее движение даже в дальних концах класса.

Воспитанники очень быстро невзлюбили его предмет даже больше, чем когда его вел Кевин Нокс. Благо, Крейн проводил свои уроки всего лишь пару дней в неделю.

Харрис вел себя настороженно в присутствии нового преподавателя. Он буквально чувствовал исходящую от него угрозу и предупреждение. Дни оставались беспомощно наблюдать за безмолвным сопротивлением взрослого и ребенка. Больше всего на свете, светлоголовый мальчик боялся того, что кто-то из них выкинет что-либо первым. Но пока что эта холодная война продвигалась без последствий.

Накануне уикенда, когда часть персонала вновь разъехалась по своим домам, в приюте стояла удивительно спокойная тишина. Звонок отбоя уже прозвучал. Дежурный уже прошелся по комнатам, беззлобно напоминая детям о сне.

Джон аккуратно выскользнул из своей спальни, заранее осмотрев оба конца пустого коридора. Бесшумно спустившись по ступеням, он мягко пробежался до столовой и замер, облокотившись о дверной косяк. В отличие от темного пролета, на кухне все еще горел неяркий свет и слышались голоса.

Женский принадлежал миссис Хайн, а мужской – Крейну. Судя по диалогу, Дэниел собрался уезжать на выходные. Харрис слегка высунул голову, чтобы разглядеть говорящих.

-... Ой, это было ужасно. – Вздыхая пробормотала кухарка и шумно отхлебнула из чашки. – Я с тех самых пор вообще боюсь двери открывать после темна.

Раздался сухой и ироничный смешок «человека-журавля».

- Суеверия и религия... Это не одно и то же. Разные грани одного мнения – вероятно, можно допустить. Но я, как специалист, не советовал бы вам забивать свою голову подобным. Бывает, что совпадения мы ошибочно принимаем за знаки или...

Голос резко прервался, и Джон спрятался в тени коридора.

Через несколько секунд Дэниел продолжил уже менее уверенным тоном:

- Думаю, мне пора. – Мужчина нервно дернул плечом и посмотрел в сторону черного дверного прямоугольника.

Глава 19

Холодные мелкие капли брызгами летели в лицо, приводя в порядок мысли и чувства. То, что еще совсем недавно казалось тревожным и подозрительным, слетало прочь с врывающимися миниатюрными волнами шторма. Ночное небо стало еще чернее: звезды заволокло тяжелым щитом, извергающим легкий дождь. Он как бы посмеивался, глядя на тех, кто еще не успел найти себе укрытие. Ведь сейчас был всего лишь упреждающий удар. Впереди готовилась гроза.

В воздухе пахло озоном. На несколько секунд облака приоткрыли свой занавес, позволив полной луне взглянуть вниз. Туда, где с одной стороны обрамленная лесом, а с другой – пустынной дорогой, одиноко светилась детская площадка. Луч прожектора над директорским кабинетом выхватывал со двора скамейки, футбольное поле, качели. Металл ограды поблескивал, чуть покачиваясь от ветра. Остальное поуползло в темные закутки территории приюта.

Места вдоль стены, за углами, в торцах зияли почти потусторонним мраком. Теплица выглядела словно огромный гладкий булыжник. Внезапно появилась вспышка фар, озарившая ворота. В прямых светлых лучах плясали мелкие острые капли, оставлявшие на лобовом стекле своеобразные узоры. Дэниел включил дворники. Те с легким стуком начали убирать воду. Крейн посмотрел на наручные часы и слабо выругался. Он не планировал так сильно задерживаться, так как хотел заехать в пару мест для отчета.

Неделя выдалась непростой, но вполне ожидаемой: учитель понимал, как ему будет непросто с одинокими детьми. Тем более, Харрис, к которому ему поручили присматриваться, вел себя порой агрессивно, а иногда прямо наоборот – казался отчужденным, непонимающим и потерянным. Дэниелу даже пришлось один раз наказать мальчика перед всем классом, отхлестав его ладони указкой за то, что Харрис не слушал урок, а машинально рисовал в тетради. Это было вчера.

Несмотря на свой характер, хладнокровность и обыденность суровых методов воспитания... Крейну было не по себе. Даже слишком. После его занятия, когда ученик выходил из кабинета, учитель поймал на себе такой тяжелый взгляд, что чуть не прогнулся от внезапно свалившегося невидимого груза.

Крейн потянулся к бардачку, чтобы достать оттуда аудиокассету с любимыми записями. Они успокаивали по дороге. Особенно, когда ехать предстояло долго. Он опустил голову, всматриваясь в тускло освещенные недра ящичка с барахлом, когда услышал, как по капоту начало громко и звонко стучать. Дождь усиливался. Дэниелу совсем не хотелось оставаться тут на ночь в такую погоду и с таким невеселым расположением духа.

Мужчина почти раздраженно поднял голову и, посмотрев в окно, остолбенел. Прямо перед машиной, полуосвещенный фарами, стоял Джон. Его ладошка сжимала учительскую металлическую указку, которой он легенько постукивал по капоту. Звук был очень похож на крупные капли дождя и сливался с нарастающей бурей. Крейн замер, чуть приоткрыв рот. В его груди нарастал страх. Не тревога, не удивление, а именно дикий, животный ужас.

Будто прочитав мысли учителя, Харрис довольно улыбнулся и... Исчез. Дэниел захлопал ресницами. Наконец, обретя вновь возможность двигаться, он судорожно замотал головой, озираясь по сторонам. Снова тот самый стучащий звук раздался сзади. Крейн резко обернулся. Джон стоял перед багажником, так же покачивая указкой, которая касалась кончиком металлического покрытия. Тук-тук-тук.

На мальчике была черная толстовка с капюшоном, накинутым на голову. Ткань насквозь промокла и прилипла к телу. Вода стекала струйками с краев толстовки и низа штанов, зали-

ваясь прямо в кроссовки. Дождь стал еще сильнее. Из-за его плотного потока уже стало невозможно разглядеть что-либо за несколько ярдов от авто.

Крейн моргнул и вновь увидел, что мальчик пропал. Мужчина нервно дернул ворот рубашки, практически срывая верхнюю пуговицу. Ему резко стало нечем дышать. Хотя все стекла были подняты – по телу прошелся озноб, который стремительно переходил в удушающую жару и обратно.

Неожиданно Джон вырос прямо перед лицом учителя – он стоял вплотную к двери водительского сиденья.

- Черт! – задохнулся Крейн и схватился за сердце.

Он еще пару раз выругался и трясущейся рукой нажал блокировку двери.

Джон лишь опустил взгляд на задвижку и медленным шагом обошел машину спереди. Дэниел уставился на ученика, широко распахнув глаза. Рука потянулась к ключу зажигания и несколько раз провернулась. Тишина. Машина не хотела заводиться. Крейн с тревогой опустил глаза вниз. Из-под приборной панели торчали обрывки проводов.

- Какого... - тут же позабыл он все свое показное «воспитание». – Да ну к черту!

Дыхание стало сбиваться. Нужно было бросать машину и торопиться туда, где есть свидетели.

- Да это же просто чертов ребенок! – шумно выдохнул Дэниел, пытаясь успокоиться.

Мужчина попробовал разглядеть улицу. Последнее горящее окно в приюте погасло и теперь двор освещал лишь прожектор. Харриса нигде не было видно. Воспользовавшись моментом, Крейн неуклюже выбрался из машины. Ледяные струи дождя тут же окатили его и тело вновь затряслось. На первых же двух шагах его ноги заскользили по грязи и чуть не разошлись в шпагат.

В этот момент Харрис вновь появился. Но уже не один. Сквозь шум воды мужчина услышал тонкий протяжный свист. Через секунду Джон возник в нескольких шагах от учителя. Позади мальчика высился пес... Нет. Этот зверь выглядел куда крупнее любой собаки и даже волка. Из-за воды шерсть свисала сосульками и было непонятно, какого она цвета. У существа виделись торчащие ребра и худые лапы. И тем не менее, двигался он грациозно, бодро и мягко. Зверь обошел Джона вокруг и встал в стойку сбоку. Харрис поднял руку и погладил животное по загривку.

Лица мальчика Крейн не видел. Оно также скрывалось в тени мокрого капюшона, обнажая лишь бледные, синеватые, вероятно от холода, губы. Приподнятые уголки рта пугали того, кто думал, что ничего не боится. Мужчина стоял посреди двора, обливаемый стремительными струями воды. Он даже раскрыл рот, в попытку что-то прокричать, чтоб его услышали в здании, но не смог издать ни звука.

Мальчик поднял руку и горло мужчины сжало тисками, обжигая каждую клеточку кожи. Зверь доверчиво кивнул и посмотрел на Джона. Губы зашевелились – Харрис что-то говорил спокойным и уверенным тоном. После чего он вскинул вторую руку с указкой, как фехтовальщик с рапирой, готовящийся к бою. Зверь ошетинился и пригнул уши, нацеливаясь атаковать в сторону мужчины.

Джон скинул капюшон, чтобы Крейн *увидел*. Дэниел прищурился из-за текущей по лицу воды и вгляделся. Харрис смотрел в упор прямо на учителя. Он молчал. Глаза... У него странные глаза, - успел только подумать Крейн.

Один глаз Харриса был мутным, как в те моменты, когда он впадал в транс и забывал обо всем. Но второй был четким и ясным. Как в любой обычный день. Джон смотрел на происходящее с нескрываемым любопытством и азартом.

В конце концов Харрису надоело, и он махнул псу рукой. Тот выпрямился и стал выше мальчика. По крайней мере так показалось Дэниелу. Это то, что отразилось в его расширен-

ных зрачках, когда зверь выгнул спину и, оттолкнувшись задними лапами, взлетел в воздух, приближаясь к мужчине с обнаженным рядом острейших клыков.

Коул резко выпрямился в кровати. Шея тут же замерзла, оказавшись мокрой, как и подушка. Директор нахмурился и потер горло. Он что-то почувствовал. Нечто тревожное заставило его проснуться и теперь не давало расслабиться. Появилось ощущение, что ему куда-то нужно пойти. Ридс поднялся и прошел к балкону. За окном стояла плотная стена дождя, смывающая все на своем пути.

Директор открыл двери, и в комнату ворвался ледяной порыв мокрых брызг, окативший мужчину с головой. В нос ударил острый запах собачей шерсти. Директор с досадой выглянул наружу, но так и не смог разглядеть, что во дворе. Слишком сильный ливень.

- Кто будет бродить на улице в такую погоду? – пробормотал Коул и, покачав, головой, запер дверь.

С другой стороны здания, тускло мигнув несколько последних раз, погасли фары пустой машины, направленные на ворота.

Глава 20

Майкл Хейл сидел за столом у себя в импровизированном «кабинете» и перебирал бумаги, сосредоточенно нахмутив лоб. Иногда он поднимал глаза на мерцающий экран компьютера и пробегал глазами по строчкам. Он не дрогнул, когда зазвонил телефон. Резко взял трубку, не дав звонкому звуку затихнуть.

- Да, Зоуи. Нет, не переживай за меня. Эм... - он повернулся в сторону часов и поморщился, - Выходной. Да. Может, завтра? На сегодня еще есть дела.

Трубка с легким стуком вернулась на рычаг. Глаза Майка встревоженно метнулись по комнате, и он с хрустом покрутил головой, разминая затекшую шею. Затем, резко о чем-то вспомнив, он подхватил телефон и быстро набрал выученный номер.

- Что там? – Даже не поздоровавшись выпалил он. – Я чуть не забыл позвонить. Надеюсь, что...

Дальше он замолк на полуслове, слушая собеседника, который перебил его. Постепенно глаза его стали больше, а губы приоткрылись, словно он услышал что-то шокирующее.

- Кто? Кто жертва?

Хейл аж приподнялся со стула, а костяшки пальцев побелели, сжав трубку так, что послышался легкий треск. Лицо сменило выражение на недоуменное.

- Точно? Ты не ошибся? Как со свидетелями? Мгм... Понятно. Его люди уже провели проверку территории? Хех... Ну, разумеется, кто бы сомневался.

На том конце провода снова заговорили, и пару минут Майкл просто молча стоял и слушал, периодически кивая.

- Хорошо, спасибо. Держи меня в курсе, если появится новая информация.

Не кладя трубку, Хейл нажал двумя пальцами на рычаг и набрал еще один номер.

- Коул Ридс? Слава богу, ты на месте. Что у вас там творится?...

В столовой стоял гул. Миссис Хайн, бледная как штукатурка на стене, обмахивалась тетрадью. Рядом с ней, сжав плечо поварахи встревоженно высился Джон Кассел. Он уехал домой накануне, но только услышал, что произошло, немедленно примчался обратно, в приют. Оливия Линдетт нервно мерила шагами обеденный зал. Ее красивые и аккуратные ногти были изгрызены на почве стресса.

Машина скорой помощи уехала с час назад, увезя с собой то, что осталось от Дэниела Крейна, некогда бывшего новым учителем ОРКСЭ. Полиция успела сменить состав за минувшие несколько часов. Прибывшие эксперты осмотрели двор и открытые ворота, с которых сейчас со шланга смывали следы крови. По двору текли розоватые потоки, убегающие в системы стока.

- Господи, все повторяется... - Пробормотала Тэми Саттенс, обхватывая себя руками. – Аж мурашки. Что же это творится.

Она произнесла эту фразу уже в третий раз за утро.

Убитого учителя обнаружил сторож, старик Милтон. В этот выходной он поднялся рано из-за ночного дождя. Нужно было проверить, не затопило ли его сторожку, так как ливень выдался приличный. Дети вновь были разосланы по своим спальням. На этот раз они уже все поняли и в приюте стояла подозрительная тишина. Было не до смеха или вопросов. Из некоторых окон виднелись тревожные лица, наблюдающие за зачисткой территории.

Полицейский фотограф запечатлел приоткрытые ворота и многочисленные глубокие следы звериных лап, успевшие погрузиться под толщу воды. Все было очевидно и просто для отчета и протокола. Но только не для Коула.

Директор высился над своим столом и сжимал виски. Он ждал звонка от старого друга почти неделю. Но лишь успев обрадоваться родному голосу в трубке, вся радость слетела прочь. Он рассказал Майку все, что произошло, хотя и сам пока еще находился в полном замешательстве. Хейл сразу стал расспрашивать, поэтому директор понял, что друг тоже занимается этим делом. Он решил отложить беседу и ностальгические отступления.

Выяснив все подробности, Майк обещал перезвонить позже и отключился. После разговора у Ридса вновь разболелась голова. Уже почти забытое ощущение скованного черепа вернулось с новой силой. Директор выпил две таблетки, прописанные Тэми и постарался ровно дышать, чтобы хоть как-то помочь лекарству утомить проклятую боль.

В проеме приоткрытой двери в кабинет, показалась светлая макушка. Ридс поднял измученный взгляд на показавшееся движение.

- Ди? Заходи. Как ты тут оказался? Староста ведь велел никому не выходить из комнат.

Мальчик скромно зашел в комнату и встал у стены, опустил голову. Его волосы свисали безжизненной соломой и окутывали плечи подростка. Коул несколько раз коротко зажмурился и уставился на ученика. Ему показалось, что Ди выглядит словно призрак. Бледный, осунувшийся, бесцветный. Сквозь него будто виднелась часть стены размытым пятном.

В голову словно выстрелили, а пуля прошла навывлет. Ридс сморщился от внезапной рези. Ди поднял на мужчину глаза и сцепил руки в замок.

- Директор, вы должны помочь Джону... - Прошелестел он настолько тихо, что Коул едва слышал.

Мужчина мотнул головой.

- Что ты имеешь в виду? И прошу, говори громче.

Ди посмотрел в окно и пошевелил губами, будто подбирая слова.

- Джон. Он в беде. Вы нужны ему. Но только вы.

- Если твоему другу плохо, то я, разумеется, отведу его в медчасть. Врач поможет с...

- Нет!

Голос мальчика внезапно окреп, а глаза вспыхнули незнакомым огнем.

- Это другое. Ему помогут только вы. Вы ведь уже поняли, кто я?

Боль вновь накатила. Коул с трудом улыбнулся, но мальчик остался таким же мрачным и встревоженным. Ди склонил голову набок и внимательно прошелся взглядом по директору.

- Это еще усилится. Но я могу чуть-чуть приглушить.

Он осторожно подошел к Ридсу и протянул свою белую, почти прозрачную руку вверх, к его голове. Не понимая, что делает, мужчина механически наклонился, сокращая расстояние между своим лбом и кончиками пальцев мальчика.

Ди поднял вторую руку и обеими внезапно резко сжал голову директора. Странно, но Коул не почувствовал ни чьих-то ладоней, ни давления. Лишь легкую приятную прохладу. Она окутала лицо, щеки, глаза. Когда Ди отступил на пару шагов, призрачное дуновение исчезло, забрав с собой боль и тревогу.

- Как? Что ты сделал? – Ридс выпрямился и испуганно уставился на белобрысого мальчишку. – Кто ты?

Последнюю фразу он не сказал, а выдохнул.

- Вы знаете. – Прошептал подросток и сделал еще шаг назад.

Перед глазами Коула пронесся вихрь воспоминаний. Обрывками. Кусками. Где-то со звуком, где-то просто неподвижными короткими изображениями.

Среди личных дел учеников не просто так не было никаких материалов о Ди. В учебных журналах посещаемости тоже не было его имени среди остальных. Косые взгляды одноклассников на уроках и во дворе, осуждающе наблюдали, как Харрис сидит один за партой или на уличной лавочке и говорит с пустотой. Ни один из жителей и преподавателей не обращался напрямую к Ди.

Этот мальчик со светлой шевелюрой словно был частью Джона все эти годы. Когда кто-то обращался к этим неразлучным друзьям, говорил лишь с Харрисом. Коул опустил взгляд под ноги ученика... Ди не отбрасывал тени.

Ди... Ни личности. Ни жизни. Ни даже полного имени. Лишь первая буква от имени самого Джона. Частичка сущности Харриса, обреченная следовать за ним по пятам, пока не исполнится предназначение...

Ридс посмотрел на Ди, не понимая, что чувствует сейчас. Страх? Изумление? Неверие? Вся информация буквально прошла через сознание директора, отправленная руками несуществующего подростка вместе с исцелением.

Лицо мальчика, до этого спокойное и уставшее, стало вдруг испуганным и встревоженным. Он резко повернулся в сторону дверей.

- Он просыпается! – затараторил Ди и обернулся на мужчину. – У меня мало времени. Вы все поймете. Джон совершил ужасный проступок. Думаю, что скоро исчезну совсем...

Ридс приподнял руку и открыл рот, чтобы спросить, но подросток остановил его жестом.

- Я сам только недавно осознал цель своего существования. Она заключается в том, чтобы спасти его от пути, на который он уже ступил. Я не справился, извините. Никто больше не должен пострадать от тьмы, что поселилась в его душе. Остерегайтесь старика. Не подпускайте его к Джону, прошу... Будьте рядом. Вы нужны ему сейчас как никогда!

С этими словами Ди исчез. Ридс так и стоял с открытым ртом, пытаясь понять, привиделось ли ему все произошедшее или же было на самом деле.

Из коридора раздался негромкий скрип двери одной из спален. Харрис осторожно выглянул наружу. Воспитанники все еще сидели в своих комнатах, встревоженные происшествием. Джон вытянул голову, посмотрев в оба направления. Его внимание привлек светлый прямоугольник, ведущий в директорский кабинет. Мальчик ощутил урчание в желудке и одновременно тошноту.

Яркое пятно перекрыла высокая тень. Харрис посмотрел вверх. Коул высился в проеме своего офиса, скрестив руки на груди. На его лице смешались напряжение и любопытство. Взгляд впился в мальчика, который совсем недавно не вызывал никакого интереса и почти не выделялся из серой массы остальных воспитанников.

Теперь Ридс смотрел на Джона иначе. Слова Ди никак не выходили у него из головы, впившись в память клещом. Мужчине уже стало казаться, что Ди – это его, директорский, плод воображения, галлюцинация, психическое заболевание, которое никто кроме него не видел. Но Харрис общался с ним, он ведь видел это столько раз. И вот теперь, они двое стояли и смотрели друг на друга в ожидании, кто первый начнет действовать.

Джон не выглядел злодеем-убийцей. Однако и безобидным подростком быть перестал. Ладонь Коула непроизвольно дернулась, как от слабого электрического разряда игрушки-шокера.

- С вами все в порядке? – настороженно, но холодно спросил мальчик, метнув взгляд на еле заметное движение.

Его голос прозвучал отчужденно и незнакомо. Ридс слотнул и кивнул.

- А как ты? Ночью ничего не видел?

Харрис безразлично мотнул головой.

- А где Ди? Он с тобой?

При упоминании родного имени, Джон вздрогнул и растерянно заморгал, словно очнувшись. Это продлилось всего несколько секунд, и он вновь выпрямился. Глаза утратили свой мимолетный блеск, а лицо расслабленно разгладилось. Директор ощутил, как страх перед

ребенком парализует его мышцы, сковывает горло. Он задумался о том, что зря задал этот вопроси ответ может оказаться пугающим.

- Он всегда со мной, не переживайте. – Сухо ответил Харрис и медленно «вплыл» обратно в свою спальню.

Коул облегченно прикрыл глаза и глубоко вдохнул. Больше всего ему сейчас хотелось покинуть приют и умчаться как можно дальше. Вместо этого, директор заперся в своем кабинете и позвонил Галахеру для уточнения дальнейших действий с полицией и отчетами.

Генри ответил коротко и сухо, словно пытался поскорее завершить телефонный разговор. Как и хотел Коул, меценат велел ему пока не вмешиваться и заняться своими делами, пока высшее руководство улаживает все дела.

- Сегодня ведь уикенд? – задумчиво проскрипел кашляющий голос в трубке. – Почему бы не тебе не передохнуть? Мои люди все уладят с вашей неприятностью.

Это было именно то, чего хотел Ридс. Он не стал ждать повторного предложения. Вместо этого, подхватил плащ и заторопился на улицу, пока не раздался очередной звонок.

Воздух приятно охлаждал покрасневшее лицо, врываясь в опущенное стекло с водительской стороны, пока Ридс ехал по неровной дороге, оставляя тревожно нависающий над ним приют в зеркале заднего вида. Директор почти с удовольствием поглядывал на то, как уменьшается здание в отражении, а затем и вовсе исчезает в деревьях за поворотом.

У директора накопилось слишком много вопросов. И, как ему казалось, единственным человеком, способным ответить хотя бы на половину из них, был, повидавший жизнь города, библиотекарь Моррис.

Глава 21

- Марта, милая, кто там пришел? – ласково крикнул Моррис, не отрываясь от газеты.

Он сидел в мягком клетчатом кресле. Под его поясницу была заботливо подложена подушка, а ноги накрыты махровым коричневым пледом. Дверной звонок прозвенел пару минут назад, и его жена почти сразу же вышла из кухни, чтобы открыть.

- Снова эти представители косметики. – по-доброму усмехнулся старик и перевернул шуршащую страницу.

Марта вошла в гостиную, смущенно отряхивая чистый передник. На ее седом пучке на голове не выбился ни один волосок, блестящая заколка отбрасывала на стены солнечных зайчиков. Она пару раз тихо кашлянула.

- Дорогой, тут... Эм...

Она запнулась, осознав, что совсем не запомнила имя гостя. Следом за ней в комнату вошел мужчина с темным осенним пальто через руку.

- Коул Ридс, - вежливо подсказал он и улыбнулся.

Моррис прищурился и отложил газету.

- О! Какой сюрприз. Марта, приготовь нам чаю.

Женщина кивнула и засеменила на кухню. Моррис выпрямился и жестом пригласил директора присесть на небольшой диванчик, украшенный кружевными вязанными салфетками. Коул сел и огляделся. В гостиной стоял идеальный порядок. Подушечки аккуратно взбиты, на скатерти ни единой складочки, ковры на полу настолько сверкали чистотой, что можно было с них есть. Солнце освещало статуэтки на каминной полке, рамочки с множественными фотографиями, некоторые из которых черно-белые.

На журнальном столике около кресла высилась ровная стопка газет и журналов. В воздухе витал запах ароматических палочек, свежего белья и фруктового чая с кухни. Директор глубоко вдохнул и почувствовал себя в безопасности. Он так долго находился в напряжении и тревоге, что почти забыл, каково это – полностью расслабиться и не ожидать подвоха.

Моррис, все это время спокойно наблюдавший за гостем, со смешинками в уголках глаз, решил начать первым:

- Ну, мистер Ридс, чему обязан таким редким визитом?

Старик сложил руки на своих коленях. Он не выглядел напуганным или обеспокоенным. Появилось ощущение, что он только что принял у себя в гостях старого друга или родственника. Несмотря на то, что Коул впервые оказался в стенах родного дома библиотекаря.

Марта вошла в гостиную с серебристым подносом. На невысокий стол между креслом и диваном, украшенный бело-голубой скатеркой, все так же аккуратно и ровно опустились две чашки, чайник с идущим из него паром, вазочки с сахаром и с вареньем, ложки.

Моррис мягко улыбнулся ей и погладил по руке.

- Спасибо, милая. Мы поговорим вдвоем.

Женщина коротко кивнула и, прижав поднос к груди, торопливо вышла из комнаты.

- Это ваша жена? – удивленно уточнил Ридс. – Простите. Сколько вас знаю, никогда не представлял, как вы живете за пределами архива. Какой у вас дом, семья... У вас очень уютно.

Старик налил гостю ароматный напиток и затем себе.

- Да. У нас с Мартой семья маленькая, но понимающая и дружная.

Коул осторожно отхлебнул, чтобы не обжечься.

- Это я вижу. Трогательное понимание и эмпатия.

- Так что привело тебя сюда в такой замечательный солнечный выходной? Надеюсь, не плохие новости.

Директор поставил посуду на стол и тяжело вздохнул.

- Хотелось бы отыскать ваш адрес и потревожить отдых по радостным причинам. Но в приюте творится что-то странное. Я решил, что вы сможете помочь...

Старик привстал, и подушка за ним медленно надулась, возвращая прежнюю форму.

- Неужто снова кто-то пострадал?

- Снова? – нахмурился Коул. – Что вы имеете в виду?

Моррис махнул рукой:

- Я про то ваше недавнее происшествие. Отдел полиции долго судачил по поводу Кевина Нокса, обсуждали причины и прочее.

- А, это. Да. Дело в том, что аналогичная трагедия произошла вчера ночью. И я... Мне слабо верится в заключения экспертов, хотя и они подтверждены очевидным.

- Кто жертва? – перебил Моррис и заинтересованно подался вперед.

- Дэниел Крейн.

- О. – коротко удивился хозяин. – Это странно.

- Почему?

Старик ответил не сразу. Он сделал пару глотков и посмотрел в окно.

- Ведь он человек Галахера. А все похожие подозрительные дела прикрывал именно он. Вначале, честно говоря, я думал, что похожие убийства так быстро закрывали, потому что именно по указке Генри «убирали» тех людей. Но тут другая история. Или Крейн перешел богачу дорогу?...

Библиотекарь задумчиво пожевал губами, словно пробуя собственные слова на вкус.

- Почему вы так уверены в этом? – непонимающе скривился Ридс. – Неужели вы действительно так много знаете, как об этом говорят?

Моррис неожиданно рассмеялся. Директор откинулся на спинку дивана и с любопытством уставился на хозяина дома.

- Зачем ноги привели тебя сюда, Коул? Ты ведь хотел узнать мое мнение только опираясь на мои знания и опыт, так?

Ридс неопределенно пожал плечами. Он до сих пор выглядел растерянным, но старика это, казалось, лишь веселило.

- Я полжизни работаю по соседству с участком, через мои руки проходит столько информации, в том числе и практически все закрытые или приостановленные дела. До меня долетают все сплетни, обсуждения, интриги. Ведь я – невидимка. Всего лишь старик, которому только кроссворды разгадывать на рабочем месте.

Внезапно в дверь снова позвонили.

- Ты кого-то ждешь? – заинтересованно спросил библиотекарь.

Коул молча покачал головой.

В гостиную вошла Марта. На этот раз взгляд у нее был встревоженный.

- Дорогой, там... Из полиции.

Ридс дернулся. На какой-то момент ему почудилось, что Галахер наблюдал за ним от самого приюта и теперь, когда он снова начал копаться в делах мецената, за ним прислали людей. Однако Моррис только ласково посмотрел на жену и успокаивающим тоном сказал:

- Пусть войдут.

Она ушла и вернулась с крепким мужчиной в кожаной куртке. От него пахло свежим сигаретным дымом и одеколоном. Полицейский перевел взгляд со старика на директора и удивленно поднял бровь.

- Ридс?

- Здравствуй, Хейл. – облегченно выдохнул Коул и чуть не рассмеялся.

Майк сбросил с себя показную напыщенность и строгость. Лицо расплылось в улыбке. Моррис спокойно наблюдал за встречей, будто все происходило именно так, как он и предпо-

лагал. Затем жестом показал жене, что все в порядке, и Марта оставила мужчин в гостиной одних.

- Слухи распространяются быстрее, чем я ожидал. – усмехнулся директор и проследил, как Майк опускается в свободное кресло. – Я думал, что ты в отставке.

Улыбка медленно сползла с лица Хейла, и он пару раз кашлянул.

- Мне кажется, что я тут по той же причине, что и ты, друг. Узнать больше о том, что же, черт возьми, творится вокруг.

Моррис звонко опустил свою чашку на стол и расслабленно сложил руки на животе.

- Чем же я могу помочь вам, господа?

Коул растерянно перевел взгляд с Майка на старика и обратно.

- Честно сказать, даже не знаю, с какой конечной целью я тут, но буду благодарен за любую информацию с вашей стороны.

- Ты не боишься вот так вот оставлять детей и свой пост, когда трагедия еще так свежа? – поинтересовался библиотекарь, приподняв бровь. – А если убийца все еще бродит неподалеку?

Ридс тяжело вздохнул и наморщился, собираясь с мыслями.

- Дело в том... Я думаю... Мне кажется, что убийца живет среди моих воспитанников.

Хейл пораженно выпучил глаза и застыл.

Директор сосредоточился и постарался как можно кратко, но подробно описать события последнего месяца, не упуская самых необычных и шокирующих подробностей. В комнате звучал лишь его волнительный голос, прерывающийся неловкими паузами, которые не нарушили ни Майк, ни Моррис. Они терпеливо дождались, пока Коул закончит.

Ридс отдышался и завершил:

- У кого есть мысли по поводу сказанного?

- Ого. – выдохнул Хейл и проморгался. – Такого даже я не ожидал. Эм... Все это звучит, как фантастика, если честно. И я бы даже рекомендовал тебе сходить к специалисту и подлечить больное воображение... Если бы не знал тебя.

Моррис кивнул. Лицо его оставалось спокойным, но глаза стали блестеть заинтересованностью.

- А я верю каждому слову. Генри всегда был странным. Точнее, загадочным. Вспомнил времечко... Я тогда был совсем мальчишкой и подрабатывал разноской газет в городе. Как раз Галахер младший вернулся из очередного путешествия то ли в индейские поселения, то ли с острова аборигенов – уже и не помню... Но вернулся он счастливым и сразу начал работать над открытием своей первой лаборатории. Тот год ознаменовался несколькими крупными событиями: пропажа отца Генри, несчастный случай с маленьким мальчиком – моим ровесником и крупный слух, который распространился подобно вирусу.

Ридс подался вперед, забыв дышать. Моррис улыбнулся.

- Я хорошо помню эту сплетню, ставшую чуть ли ни городской легендой. Люди пересказывали из дома в дом, из улицы в улицу о том, что Генри вернулся от аборигенов не с пустыми руками, а с неким ритуалом, что дарует бессмертие.

- Что? – не выдержал Хейл и засмеялся.

Но смех его оказался неровным и нервным. Моррис добродушно пожал плечами.

- Я говорю лишь о легенде, которую слышал мальчишкой. Якобы Галахер привез рецепт вечной жизни и стал неистово работать над эликсиром. Для этого он и открыл свои лаборатории. А потом из его приютов начали пропадать дети... Все как один – одного возраста и все сироты. Люди стали предполагать, что Генри увозил их в свои лаборатории и ставил на них эксперименты, испытывал свои зелья. Но это всего лишь слухи.

- Да. Как это может быть связано? Только тем, что эти дети содержались в его приютах? – встревоженно спросил Майк, не заметив, как его голос повысился и охрип. – А что со взрослыми, растерзанными дикими зверями? Тоже дело рук Генри? Такое тоже уже было?

- Было. – кивнул Моррис. – Довольно чаще, чем ситуации с детьми. Тут бытует несколько теорий, если верить не сводкам, а обычным людям. Самые частые: Галахер «убирает» тех, кто ему неудобен или тех, кто перешел ему дорогу...

- Но ведь там были звери! – воскликнул Ридс, молчавший до этого. – Я видел сам эти следы от когтей!

- Это вторая основная теория.

Библиотекарь согласно пожал плечом и отпил чай.

- Звери выпущены Галахером. Дрессированные, науськанные. Потому их и не могут потом найти. Потому и в твоём случае ваш чудо-пес исчез из запертого сарая.

Он ткнул мокрой ложечкой в сторону директора, напоминая о его рассказе.

- Есть даже предположение, что Генри скрещивает и выращивает этих тварей в своей лаборатории.

- Мутанты? – Хейл нахмурился и опустил глаза в пол, крепко задумавшись. – А что? Догадка неплоха и вполне логична...

Ридс оглядел собеседников и мрачно выдал:

- Вы забываете о деталях, что я рассказал. Дети. Джон. Ди.

- Даже если это все реально... Мальчик не сказал ничего, что бы доказывало прямую причастность Харриса к убийствам или исчезновению Брука. Пока что теория с мутантами Галахера более правдоподобная.

Моррис с сочувствием посмотрел на директора.

- Коул, понимаю тебя. И мне очень жаль, что так происходит именно с тобой...

- А как же записи секретаря? А Мэрион? – чуть ли ни с мольбой выкрикнул Ридс. – Как она может быть замешана?

Хейл поднял голову.

- Да, это довольно странно. Я понимаю, почему Томпс собирал информацию и причины его исчезновения. Но какую роль сыграла эта девушка? Связано ли это с пожаром и ее гибелью? А вдруг она жива?

Ридс дернулся, как от удара током. По его груди расползся кипящий ручей.

- Почему... Почему ты так подумал? – заглянул он в лицо друга. – Какие у тебя теории?

Майк понял, как сильно задел давно уснувшие чувства Коула. Насколько сильными они оказались, раз спустя столько лет принесли настолько сильную реакцию всего одним предположением.

- Мы проверим это.

Мужчина успокаивающе коснулся плеча директора.

- Возможно, она работала на Галахера в лаборатории или одном из приютов. Из-за этого оказалась в списке Томпса. А то, что ее карточка попала в списки родителей – может быть просто путаницей или случайностью.

- Пожар, – пожевал губами старик, – я помню эту новость. Насколько я знаю, в той трагедии погибли не все. Сейчас дом восстановлен и в нем кто-то живет. И, насколько я слышал, обитатель – один из прежних жильцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.